

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 24 декабря 1857 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*

БИБЛИОТЕКА

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ОТДЕЛА

ИМПЕРАТОРСКОГО

Русского Географического Общества.

По инвентарю № 4117

Шкафа 5

Полка М

№ 1.

ix

Opium No
A 6/5

XIV
6.

Dyck

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

	Стран
1. Путевыя записки Священника миссіонера А. АРГЕНТОВА въ при-полярной мѣстности.	3
2. Очерки Туруханскаго края. Князя КОСТРОВА, Члена-Сотрудника Отдѣла.	61
3. Описаніе приисковъ Лазоревго камня (лаписъ-лазули) въ при-байкальскихъ горахъ. Н. ВЕРСИЛОВА, Члена-Сотрудника Сибирскаго Отдѣла.	177

II.

СМѢСЬ.

1. Выставка естественныхъ коллекцій Г. Натуралиста Радде въ г. Иркутскѣ. Д. Члена-Общества СЕЛЬСКАГО.	1
2. Бельтиры. Члена-Сотрудника Князя КОСТРОВА.	4
3. Землетрясеніе въ г. Иркутскѣ. Д. Члена Общества ШВАРЦА.	10
4. Путевой журналъ купца Михаила Барамыгина, во время поѣздки изъ Нижнеколымска въ Аноійскую крѣпость въ 1855 году. Сообщено Д. Члена-Общества СВЕРБЕЕВЫМЪ.	13
5. Историческій матеріалъ о сношеніяхъ Европейцевъ съ Японіею. Д. Члена Общества СЕЛЬСКАГО.	22

6.	О мѣсторожденіи каменнаго угля въ прибрежьяхъ озера Байкала. Члена - Сотрудника РОДСТВЕННАГО.	23
7.	Извлеченіе изъ отчета о дѣйствіи частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа въ 1856 году. Члена-Сотрудника КЛЕЙМЕНОВА.	24

III.

ЛѢТОПИСЬ СИБИРСКАГО ОТДѢЛА.

1.	Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 20 Декабря 1855 года.	1
2.	Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 20 Генваря 1856 года. .	4
3.	Общее засѣденіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 27 Февраля 1856 года.	9
4.	Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 10 Марта 1856 года.	14
5.	Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 15 Мая 1856 года.	16
6.	Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 21 Мая 1856 года. .	20
7.	Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 25 Октября 1856 года.	22

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

СВЯЩЕННИКА МИССИОНЕРА

АНДРЕЯ АРГЕНТОВА

ВЪ ПРИ-ПОЛЯРНОЙ МЪСТНОСТИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

СВЯЩЕННИКА МИССИОНЕРА

АНДРЕЯ АРГЕНТОВА

ВЪ ПРИ-ПОЛЯРНОЙ МѢСТНОСТИ.

I.

Нижнеколымскъ. — Церковь Нижнеколымская и ея парохія. — Первобытныя обитатели страны. — Появление здѣсь Русскихъ. — Начало и распространение христіанства на Колымѣ. — Чукчи. — Примѣчанія.

Нижнеколымскъ, въ старину слывшій то острогомъ, то крѣпостью, находится въ Колымскомъ округѣ Якутской Области, на лѣвомъ берегу 1) р. Колымы, подъ 69 градусомъ сѣверной широты, слѣдовательно онъ лежитъ въ предѣлахъ полярнаго холода. До окружнаго города — Среднеколымска, отсюда полагаютъ 500 верстъ, до Якутска считаютъ 2600, до Ледовитаго моря 120 верстъ. 2) Въ Нижнеколымскѣ есть православная церковь, магазинъ запаснаго казеннаго хлѣба, 3) магазинъ экономическій съ рыбою въ обезпеченіе народнаго продовольствія, соленая стойка, пороховой подвалъ и 43 дома, устроенныхъ для временнаго приюта 4) сво-

ихъ владѣльцевъ. Гостиннаго двора и лавочекъ здѣсь нѣтъ. Купцы прѣзжаютъ сюда по разу въ годъ и торговлю производятъ каждый въ своей квартирѣ, что обыкновенно случается въ Мартѣ и Апрѣлѣ: тогда жители, что можно, запасаются впрокъ разные предметы, покупая всего на 12 мѣсяцевъ. Земское Управленіе, за отсутствіемъ Исправника, поручается лицу, которое избирается изъ казаковъ, утверждается высшимъ Начальствомъ Восточной Сибири и служитъ безъ особаго жалованья. Почта приходитъ сюда три раза въ годъ, да для отшельниковъ, кажется, и этого много: обыватели стѣсняются провозомъ оной, потому что подводѣ подѣ почту надобно выставятъ на сотни верстъ безъ смѣны и безъ возмездія.

Не могу дать себѣ отчета, почему именно понравился мнѣ Нижнеколымскъ и изъ-за чего я предпочелъ его другимъ мѣстамъ, пожелавъ туда на службу. Между прочимъ можетъ быть меня заинтересовалъ: переѣздъ къ антиподамъ моей родины, солнце глубокаго Сѣвера то не заходимое, то не восходимое, величественное сіяніе арктическихъ небесъ, чудныя тамъ пурги и мракъ, дивныя пирамиды нетающего льда, и снѣга, пролежавшіе цѣлые вѣка по захоластьямъ тундры. Быть можетъ меня завлѣкали и рассказы людей бывалыхъ, говоруновъ отъ досуга, но передававшихъ аа вѣрное, что тамъ осистые бобры 5) такъ и плаваютъ въ Колымѣ, а черныхъ соболей коромысломъ быють малыя дѣти. Такіе слухи довольно заманчивы для молодаго человѣка въ бараньей шубѣ, при шапкѣ съ бѣлковымъ околомъ. Быть можетъ меня подстрекало и самолюбіе, неопытность съ безразсудствомъ. Последнее какъ-будто ближе къ дѣлу; но извѣстно, что не во всемъ легко сознаваться. Итакъ, оправдываясь самъ передъ собою, еще скажу, что я тогда считалъ весь Божій міръ себѣ сокровищемъ, я думалъ, на край-свѣтѣ должно быть также хорошо для добраго человѣка какъ и вездѣ, а между тѣмъ небо, слѣдовательно и многое небесное, оттуда ближе. Но какъ-бы то ни было, я избралъ себѣ Нижнеко-

лымскъ и поступилъ сюда по моему желанію и по моей просьбѣ. Каяться въ томъ неимѣренъ, да и нѣтъ причины.

Принявъ напутственное благословеніе отъ Преосвященнѣйшаго Нила и духовно укрѣпившись молебствіемъ къ содержащему вся въ Своей власти Господу, 5 Января 1843 года я выѣхалъ изъ Иркутска. Послѣ шестимѣсячнаго слѣдованія чрезъ Якутскъ, Верхоянскъ и Среднеколымскъ, 1-го Іюля достигъ Нижнеколымска. Здѣсь встрѣтили меня туземные костюмы—ровдужныя камлеи съ кукулями и пыжичьи парки, нарядъ, съ присовокупленіемъ къ нему расцвѣченныхъ каплекъ пестрыхъ, довольно страшный для глаза непривычнаго и съ перваго взгляда какъ будто некрасивый, впрочемъ самый необходимый для тамошнихъ Юкагировъ. И помню, съ какимъ наслажденіемъ услышалъ я въ Нижнеколымскѣ столь близкіе душѣ и сердцу родные звуки отечественнаго языка, который долго, долго потомъ оставался для меня какъ бы мертвымъ. По тракту отъ Якутска до Колымы 6) господствующее племя Якуты, и русскій говоръ не въ ходу, но тѣмъ пріятнѣе, что въ Нижнеколымскѣ уже и самые Якуты, а съ ними и Юкагиры, позабывши собственный свой языкъ, изъясняются по русски.

По прибытіи къ мѣсту назначенія, первыя занятія мои состояли въ обозрѣніи церкви, и прихода, а такъ-же въ собраніи свѣдѣній по дѣламъ вѣропроповѣданія.

Церковь въ Нижнеколымскѣ деревянная, безъ колокольни. Устроена въ 1779 году, освящена въ 1786-мъ. Въ ней три престола, главный во имя Всемилостиваго Спасителя. Сумма на сооруженіе, равно и утварь, поступила отъ упряденной передъ тѣмъ церкви Анадырской и отъ Староострожной часовни Нижнеколымской. Несмотря на давность существованія своего, зданіемъ еще не очень ветхая, чему причиною, думать надо, не столько свойство матеріала, сколько вліяніе климата 7)—долговременность зимъ. Церковь стоитъ, равно какъ и весь Нижнеколымскъ, на изменномъ, водопосемномъ мѣстѣ. Утварью и благолѣпіемъ храмъ Божій не бѣ-

день, тамъ есть три сосуда съ принадлежностями (потиръ, дискось и проч.) изъ чистаго серебра съ густою позолотою и такое же поновѣсное кадило; двѣ серебряныя напRESTольныя дарохранительницы подъ золотомъ, изъ коихъ одна въ 14 фунтовъ вѣса. Есть и другія хорошія вещи, Иконы въ Святительскомъ придѣлѣ хорошей работы. Для Нижнеколымска этого очень довольно. Около церкви ограда перильчатая съ рѣшетчатыми створными воротами. Содержаніе обезпечивается а) жалованьемъ отъ казны, состоящимъ изъ 46 р. сер. въ годъ; б) предоставленною на пользу церкви прибылью отъ продажи при церквѣ восковыхъ свѣчъ; в) кружечными и кошельковыми доходами. При церкви по штату назначенъ одинъ священникъ съ двумя причетниками, съ жалованьемъ отъ казны 414 руб. 56 к. сер. ежегодно, сверхъ сего добровольныхъ приношеній рыбою и другими предметами отъ прихожанъ стекается причту въ годъ рублей на 30 сер., что вмѣстѣ съ окладомъ составитъ до 444 р. 56 к. с., сумма, на которую въ Нижнеколымскѣ въ дешевую пору можно пріобрѣсть на пропитаніе до 75 пудовъ ржаныхъ сухарей.

Приходъ Нижнеколымскій граничитъ: къ Востоку Чаванскимъ краемъ, къ Югу верховьями рѣкъ Сухаго Аноя, малаго Аноя и Омолона и приходомъ Среднеколымскимъ; къ Западу приходами Среднеколымскимъ и Ожогинскимъ, къ Сѣверу Ледовитымъ моремъ. Отъ сѣверной границы до южной можно полагать 700 верстъ, отъ восточной до западной столько же. Общая покатость страны имѣетъ направление къ Сѣверу; главныя рѣки: Колыма, Большая Чукочья, Конькова, и рукавъ (локотина) Алазеи, текутъ въ Ледовитое море; Омолонъ и два Аноя впадаютъ въ Колыму. Озеръ множество; воды, кромѣ моря, прѣсныя и вообще изобилуютъ рыбою.

Число прихожанъ въ 1843 году простиралось до 1860 душъ обоего пола. Въ этомъ числѣ до 650 человекъ Русскихъ-казанцевъ, мѣщанъ, крестьянъ, поселенцевъ и 1210 инородцевъ-

Юкагировъ, Тунгусовъ, Чуванцевъ, Якутовъ, Коряковъ. Кроме сего здѣсь жительствоуютъ до 200 душъ Ламутовъ прихода Среднеколымскаго и Каменнаго рода Юкагировъ, прихода Ожогинскаго. Изрѣдка попадаются даже Ламуты Верхоянскіе и Охотскіе или Ламскіе. Жилища инородцевъ разбросаны по всему описываемому пространству.

Управленіе такимъ обширнымъ по пространству приходомъ для священника, конечно, несовсѣмъ удобно, тѣмъ болѣе, что здѣсь сообщеніе весьма затруднительно: дорогъ нѣтъ, лошадей весьма мало, оленей недостаточно, собаки не вездѣ служатъ и ѣзда на нихъ имѣетъ важную невыгоду въ путовомъ прокормѣ ихъ. Самый родъ кочевой жизни туземцевъ, хотя и согласный съ условіями страны, но для сообщенія невыгоденъ. Иногда сутки двои, трои ѣдешь на какое либо задуманное урочище и на условномъ пунктѣ не находишь ни одной живой души; либо укочевали, либо еще не прикочевали.

Въ 1843 году по приходу Нижнеколымскому мною совершено восемь поѣздокъ:

По Каменной Колымѣ до р. Малой Чукочьей впередъ и обратно	250	версть.
По Сухарной Колымѣ до Маяка	240	—
На Омолонъ до Середкиной	360	—
Въ Пантелеиху	100	—
Въ Баскову	70	—
Ко Кресту	60	—
Въ Онболиху	60	—
На Алазею къ Тунгусамъ	850	—

Всегожъ пути, водою въ лодкѣ, сухимъ путемъ на собакахъ и оленяхъ, совершено 1990 версть. Кажется довольно бы, а между тѣмъ мнѣ едва удалось обозрѣть и четвертую часть Нижнеколымской парохіи: не былъ ни въ верховьи по Омолону, ни въ верховьѣ по Аноямъ, ни въ кочевьяхъ Чуванскихъ. Цѣлю странствованій моихъ было: доставить прихожанамъ возможность и случай къ исполненію Христіанскихъ

надобностей. Я крѣстилъ, вѣнчалъ, отпѣвалъ, и. т. п. И какъ большая часть инородцевъ ни когда небыла у св. Причастія, то нѣкоторыхъ, согласно съ ихъ благочестивымъ желаніемъ, приобщалъ запасными Св. Дарами Христовыми, съ соблюденіемъ установленнаго для готовящихся порядка.

Изъ походныхъ случаевъ сего времени можно упомянуть о слѣдующемъ.

При край-лѣсахъ, на Дулбѣ, отъ Нижнеколымска 220 версть, ко мнѣ собралось до 85 бродячихъ инородцевъ. Мы помѣщались въ нарочно устроенной къ пріѣзду моему въ большой тунгуской кожаной юртѣ. Полъ устланъ былъ хвойными вѣтвями и оленьими шкурами, а на серединѣ, по туземному обыкновению и ради нужды, горѣлъ пожегъ. Было около Филипова заговѣнья, въ Ноябрьрѣ. Держа книгу въ рукѣ, я сдѣлалъ знакъ къ молчанію. Тунгусы и Юкагиры, занимавшіеся до того взаимными привѣтствіями, цѣлуя другъ друга и подчюя обоюдно ганзами, затихли, и я началъ объ обязанностяхъ христіанина, избирая нѣкоторыя мѣста. Два толмача изъясняли слова мои на незнакомомъ мнѣ нарѣчій. Чтеніе и толкованіе длилось полтора часа: вниманіе слушателей не ослабѣвало и было напряженное. Когда кончилъ, уважаемый своими, Тунгусъ Антопъ Куриловъ отъ имени всего собранія принесъ мнѣ искреннюю благодарность за проповѣдь слова Божіяго, убѣдительно притомъ прося и на будущее время не оставлять людей сихъ душеспасительными бесѣдами. Изъ этого я заключилъ, что обитатели тундръ глубокаго Сѣвера, не смотря на миную суровость и грубость свою, одарены сердцами, склонными къ воспріятію слова Божіяго.

По дѣламъ вѣропроповѣданія, возложеннаго на меня въ добавокъ къ приходскимъ обязанностямъ моимъ, я, будучи на Колымѣ новый, а потому не зная съ чего начать и какъ приняться за дѣло, ограничился на первый разъ собраніемъ различныхъ мѣстныхъ свѣдѣній для моихъ соображеній. Прежде всего обратился къ предмѣстнику моему Іерею А. Тригонову,

котораго тридцатилѣтняя опытность могла быть въ этомъ отношеніи для меня полезною. За тѣмъ я не обошелъ и нѣкоторыхъ другихъ Колымскихъ старожитовъ, знакомясь съ ними, разговаривая и спрашивая о чемъ было надо. Самымъ же положительнымъ источникомъ такихъ свѣдѣній служила мнѣ офиціальная переписка по этимъ дѣламъ, сохранившаяся отъ предшественниковъ моихъ и находившаяся у меня подъ руками.

Нижеколымскіи край, до появленія здѣсь Русскихъ, населяли Омоки, Ходынцы, Чуванцы и имъ подобныя племена. Будучи грубыми и невѣжественными, инородцы сіи не имѣли между собою общественной связи, вели взаимныя разбойничьи войны, грабили оплошныхъ и убивали слабыхъ сосѣдей, забирая притомъ женщинъ и дѣтей. Топоры у нихъ были каменные. Пищу варили въ деревянныхъ корытахъ, съ помощію раскаленныхъ камней. Военное ихъ оружіе состояло изъ копья, лука и стрѣлъ съ костяными остріями. Торговли не производили и сношеній съ Европейцами ни какихъ не имѣли. Мирныя занятія ихъ состояли въ уходѣ за домашними оленями и въ звѣроловствѣ; они также любили упражняться въ борьбѣ и стрѣляннн изъ лука. Вѣру ихъ составляло темное шаманство.

Русскіе появились здѣсь въ первой половинѣ XVII вѣка. Они прикочевали сюда на судахъ съ моря, чрезъ устье р. Колымы и, преданіе гласитъ, что они имѣли видъ и странный и страшный: у нихъ лица были косматыя, а руки вооруженныя громоздною молніею. Это была первая появившаяся здѣсь партія нашихъ казаковъ, называвшихся охотниками. Пришельцы объявили себя мирными гостями. Ласковость, щедрость, умѣнье держать себя вскорѣ сдѣлали ихъ предметами общаго уваженія и любви. Огнестрѣльнаго оружія не было надобности употреблять казакамъ для доказательства своего превосходительства; но и одно существованіе онаго уже значило много, давая этимъ тонъ толкамъ и мнѣніямъ. Интересуя туземцевъ дорогими для нихъ подарками, цвѣт-

ными лоскутками, стеклярусомъ и другими подобными вещами, приходившимся по уму и вкусу дикарямъ, гости для приюта, между дѣлами, обострожились и въ 1644 году выстроили деревянную крѣпость съ часовнею. Такъ основался Нижнеколымскъ. Взаимныя ссоры окрестныхъ жителей дали нашимъ благовидный случай вникнуть во внутреннія дѣла страны. Казацкіе предводители покровительствовали однимъ, обнадуживали другихъ, обѣщались третьимъ, всѣмъ угождали и, надобно сказать, дѣйствительно всѣмъ угодили, не проливши капли крови, не употребляя ни насилія, ни обмана; они водворили въ странѣ миръ, съ тѣхъ поръ ненарушимый. — Удачно и безъ шума упрочивъ себя, брадатые неудовольствовались первыми своими счастливыми начинаніями. Казаки обложили за тѣмъ мѣстныхъ обитателей ясакомъ для казны Государевой и нѣкоторыхъ изъ нихъ крѣстили. Показывая и даря Омокамъ долѣ невиданные у нихъ ножи и топоры, набожные казаки проповѣдывали такъ: «Великъ Богъ Русскій! — Сравните ваши каменные оружія съ желѣзомъ и вѣруйте.» И простодушные вѣровали и крѣстились, желая сердца свои соединить съ сердцами Русскихъ и жить одною съ ними духовною жизнью.

Такимъ образомъ видно, что преображеніе Воскресенія — крѣсть святой воздвигнуть и христіанство стало распространяться на Колымѣ вмѣстѣ съ появленіемъ здѣсь Русскихъ. Но язычество послѣ того еще долго гнѣздилось въ странѣ: Русскіе нелюбятъ неволить чужой совѣсти и не насилуютъ убѣжденій, разсудительно предоставляя могучему времени трудъ вразумлѣнія невѣждѣ. Между тѣмъ обычай крѣстить мірянъ мірянами такъ укоренился въ народѣ, что и понынѣ существуетъ. Преосвященнѣйшій Нилъ, Архіепископъ Иркутскій, до свѣдѣнія коего дошло объ этомъ, въ 1846 году предписывалъ мнѣ: Обличать и искоренять зло; ибо иногда крестятъ люди, не знающіе даже самой существенной формы сего Таинства, да и знающему, кто бы онъ ни былъ, крестить уже не порядокъ, когда сіе можетъ сдѣлать священникъ.

Послѣдующій ходъ распространенія христіанства на Колымѣ не во всѣхъ подробностяхъ извѣстенъ. Однако міряне продолжали по немногу крестить первобытныхъ жителей и число христіанъ, съ умноженіемъ въ тоже время Русскихъ, постепенно возрастало. Въ началѣ XVIII вѣка, еще до открытія Иркутской Епархіи, на Колымѣ уже существовала Св. церковь и при ней находился приходскій священникъ. Св. Антиминсъ присланъ сюда изъ Тобольска, за подписаніемъ Преосвященнаго Митрополита Фотія въ 1704 году, съ оргинальнымъ назначеніемъ: «*Въ собачій остроѳъ.*» Антиминсъ сей и понынѣ возлѣжитъ на Св. престолѣ въ Среднеколымской Покровской церкви для обычнаго на немъ священнодѣйствія; въ Февралѣ 1856 года я развивалъ его для совершенія Божественной литургіи. А до 1704 года Колымскій край состоялъ въ приходѣ Зашиверскомъ, откуда священники ѣзжали на Колыму для христіанскихъ требоисправленій.

Со времени отчисленія Колымской части отъ церкви Зашиверской, по 1786 годъ, когда открытъ приходъ Нижнеколымскій, весь нынѣшній Колымскій округъ состоялъ изъ одного прихода и находился въ вѣдѣніи одного священника, имѣвшаго мѣстопробываніе то въ Среднеколымскѣ при церкви, то въ Верхнеколымскѣ при часовнѣ, то въ Нижнеколымскѣ при часовнѣ же.

Независимо отъ священниковъ Колымскихъ и Зашиверскихъ, страну по временамъ навѣщали священники изъ Якутска, которыхъ преданіе называетъ объѣздными, и которые тогда были почти тоже, что въ наше время Якутскіе священники походные 9).

Разсказываютъ еще, что въ 1735—1736 годахъ въ Нижнеколымскѣ находился одинъ Іеромонахъ изъ экспедиціи Лейтенанта Лаптева. Его Преподобіе то же могъ проповѣдывать Вѣру и исполнять требы.

Изъ всего же усматривается, что обитатели отдаленнаго Нижнеколымскаго края, со времени появленія здѣсь Русскихъ, вообще не были оставляемы безъ возможности слышать сло-

во Божіе, просвѣщаться и утверждаться во спасеніи душъ. Но окончательное крещеніе туземцевъ послѣдовало лишь между 1800 и 1810 годами. Послѣ сего стало некого болѣе обращать въ христіанство въ Колымскомъ округѣ, да и по всей Якутской Области къ упоминаемому сроку, въ слѣдствіе успѣшнаго старанія существовавшей тогда Якутской Духовной миссіи, язычники вывѣлись, выключая развѣ единицъ, забытыхъ случайно. Самая эта Миссія, какъ вполнѣ достигшая цѣли своего существованія, могла-бы быть спокойно закрыта, но въ то время при ней настоятельствоваль незабвенный и доблестный Протоіерей Григорій Слѣпцовъ. Вѣропроповѣдникъ сей, несмотря ни на преклонность лѣтъ своихъ, ни на предстояшія ему трудности и лишенія, съ словомъ благовѣстія зимою 18 $\frac{1}{2}$ года, отправился къ Чукчамъ-народу и теперь еще не очень людкому, а тогда варварскому и дикому. Слѣпцовъ отъ Нижнеколымска къ Востоку проникнулъ на 500 верстъ, достигалъ 10) Чавана, водрузилъ тамъ крестъ и нѣкоторыхъ Чукчей обратилъ въ христіанство: значить онъ имѣлъ успѣхъ и указалъ намъ, что надо дѣлать послѣ. Къ сожалѣнію, походъ сей былъ послѣднимъ подвигомъ сего заслуженнаго мужа на апостольскомъ его поприщѣ. По возвращеніи съ Чавана, достойнѣйшій Отецъ Протоіерей выѣхалъ въ Якутскъ, гдѣ за тѣмъ и остался на всегда. 11)

На мѣсто Протоіерея Слѣпцова, умершаго Іеромонахомъ въ Спасо-Якутскомъ монастырѣ, въ званіи проповѣдника Якутской Духовной Миссіи, въ Чукотскій край, въ 1816 году поступилъ А. Трифоновъ, священникъ Нижнеколымскій. Отецъ Александръ каждагодно видалъ Чукчей въ Аноійской крѣпостцѣ, въ 250 верстахъ отъ Нижнеколымока, во время выхода ихъ сюдакъ нашимъ купцамъ для торговли. Здѣсь Трифоновъ благовѣтвовалъ Чукчамъ слово Божіе, крѣстя нѣкоторыхъ, и такимъ образомъ подготавливая жителей береговъ при-полярнаго моря къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ вѣропроповѣдническимъ. При семъ священникѣ возникъ Епархіальнымъ Начальствомъ

формально высказанный вопросъ, объ отысканіи возможности проповѣдывать слово Божіе Чукчамъ въ самыхъ мѣстахъ ихъ жительства и объ устроеніи тамъ церкви. Но тогдашнія обстоятельства для сего еще не были зрѣлы. Чукчи вели себя уклончиво и примѣръ Слѣпцова, казавшись исключительнымъ, вынужденнымъ особенною душевною волею старца, не былъ побудительнымъ къ подражанію. По крайней мѣрѣ священникъ Трифоновъ, при всемъ своемъ желаніи (онъ живо чувствовалъ неудобство и недостаточность проповѣданія на кратковременной и суетливой ярмаркѣ, сознавая потребность бывать и основаться въ Чукотскихъ мѣстожительствѣхъ) не имѣлъ случая посѣщать Чукотской землицы. Предположеніе объ основаніи церкви оставалось почти въ угасавшемъ состояніи, не переставая быть лишь въ мысли миссіонерской.

Вообще же Духовное Начальство при Трифоновѣ не забывало Чукчей, заботясь о сближеніи ихъ съ Русскими по духу Православной Вѣры. Преосвященный Михаилъ Епископъ Иркутскій, въ 1818 году почтилъ ихъ непосредственнымъ отъ своего имени посланіемъ. Свидѣтельствуя о безсмертіи души человѣческой, о воскресеніи мертвыхъ, о судѣ общемъ, о жизни будущей, о неизрѣченномъ блаженствѣ для праведныхъ, о вѣчномъ мученіи для грѣшныхъ, Архипастырѣ напоминаетъ Чукчамъ про испорченность и порочность натуры человѣческой, склонной къ дѣланію зла; убѣждаетъ обновиться вѣрою во Іисуса Христа, Единаго посредника между людьми и Богомъ, пріемлющимъ всѣхъ, чрезъ Пострадавшаго за мірскій животъ и спасеніе обращающихся къ Нему; желаетъ имъ мирнаго общенія со счастливыми Россіянами и посылаетъ имъ поклонъ, моля при томъ Спасителя Господа, да просвѣтитъ Онъ умъ и разумѣніе народа сего къ познанію Отца Небеснаго и къ принятію Св. крещенія.

Въ другомъ отношеніи Чукчи знакомы намъ уже болѣе 200 лѣтъ. Ихъ впервые увидѣли Русскіе при устьѣ р. Колымы. Кочевой отрядъ охотниковъ, 12) командированный для обо-

зрѣнія странъ и народовъ Сѣверо-восточной Сибири, повстрѣчалея съ людьми, привыкшими нападать. Но дерзость и мужество, косянки и ружья, не имѣли равенства. Послѣ первыхъ же попытокъ, тайнымъ ужасомъ объятые, дикари, пугая другъ друга, пересказали о косматолицыахъ огневержцахъ, 43) и все предались бѣгству; спасая себя, Чукчи со своими стадами удалились въ Чаванскую сторону, и оставили въ покоѣ Омоковъ, дотолѣ утѣсняемыхъ ими.

За бѣглецами на поиски отправился Атаманъ Дешневъ. Командуя семью судами и имѣя при себѣ Омоковъ, взятыхъ толмачами и вожатыми, смѣлый казакъ этотъ выступилъ въ море, чрезъ правое устье р. Колымы. Къ несчастію его, большая часть судовъ потерпѣла крушеніе отъ гибельныхъ льдовъ и морякъ нашъ лишь съ двумя едва добрался до мыса Эррениа. Было не до покоренія Чуди, тѣмъ болѣе, что въ землѣ Чукчей не изъ чего, да и не для чего строиться. Безлѣсная, холодная, отдаленная, пустынная тундра непривлекательна и со своими обитателями, достойными ея. Дешневъ съ честью выпутался изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, онъ назвался мирнымъ гостемъ, дарилъ стеклярусъ и иголки и, вспомоаествуемый самими добродушными туземцами, пробрался на р. Анадырь. Это относится къ 1648 году.

Послѣ Дешнева посѣщали Чукчей: военная экспедиція маіора Д. Павлуцкаго—она побита на голову; купеческая экспедиція Шалаурова, состоявшая изъ 80 человекъ, 44) погибшая также совершенно; Берингъ, Биллингсъ—въ XVIII вѣкѣ, протоіерей Слѣпцовъ и Баронъ Врангель—въ первой четверти XIX вѣка.

Независимо отъ сего, въ 1775 году на Колымѣ съ Чукчами уставилось сношеніе болѣе правильное и уже постоянное и вотъ какимъ образомъ это совершилось:

Зашиверскому комиссару—Баннеру 45) пришла на сердце благая мысль имѣть пріятелей на Чаванѣ. Дѣйствуя чрезъ преданныхъ ему нѣкоторыхъ Чуванцевъ и одного Коряка,

имъ благодѣтельствованнаго, добрый Баннеръ, въ видѣ хлѣбосоольства, отослалъ почетнѣйшимъ Чуванцамъ 10 папущъ листового табаку, двѣ горсти стекляруса, нѣсколько иголъ и одинъ желѣзный котель, съ предложеніемъ: выйти имъ для мирнаго свиданія съ Русскими въ юкагирскія стойбища, для полученія новыхъ, на долю ихъ назначенныхъ гостинцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для мѣны товаровъ и издѣлій на пушные продукты.— Обрадованные присылкѣ и прельщаемые заманчивымъ посуломъ, Чукчи переломили себя, послушались, вышли на р. Ангарку (по Большому Анюю, 400 верстъ отъ Нижнеколымска), остались отменно довольны ласковымъ, умнымъ чиновникомъ и съ тѣхъ поръ неперестають къ намъ выходить. Успѣхъ Г-на Баннера былъ одобренъ Высшимъ Начальствомъ. Для поддержанія Чукчей въ мирномъ направленіи, до того опасныхъ и вредныхъ, даже ассигнована особая отъ казны сумма, собственно на подарки имъ, и Колымское Окружное Управленіе для сего каждагодно, въ счетъ казны, изъ Якутска выписываютъ на 500 руб. ассигн. табаку и другихъ вещей на чукотскую руку. Говорятъ, тоже разрѣшено и Гижигинскому Окружному Управленію, такъ что казна каждагодно издерживаетъ на Чукчей по 1000 руб. ассигн. Впрочемъ трата сія не много значить въ сравненіи съ выгодами; она 16) замѣняетъ содержаніе военной команды и при томъ имѣетъ высокое значеніе нравственное.

Всѣ поименованныя обстоятельства, взятая вмѣстѣ, какъ то: экспедиція, торговля, духовная миссія и приласканіе подарками, могли дѣйствительно послужить къ смягченію суровыхъ нравовъ Чукотскаго племени и сближенію онаго съ Русскими.

Но при всемъ томъ, не смотря даже на самую давность сношеній, въ годъ прибытія моего на Колыму, я нашелъ, что старожилы Нижнеколымскіе питали общую, отъ предковъ наслѣдованную, недовѣрчивость къ Чукчамъ и предубѣжденіе, имѣвшія основаніемъ, конечно, безпокойное поведеніе послѣднихъ и убійственныя набѣги ихъ на Колыму въ преж-

нія времена. Добрые люди, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ, имѣвшихъ сношенія съ Чукчами, какъ-бы украдкой отъ своихъ, не пускались ѣздить въ чукотскія жилища, разсуждая: «благоразумное ли дѣло довѣряться звѣрямъ!» И ѣдкимъ чувствомъ симъ такъ пропитанъ былъ народъ въ свое время, что даже къ устью р. Колымы безбоязненно начали приближаться лишь съ 1821—1822 г., когда экспедиція Врангеля прояснила, отуманенныя печальною стариною, понятія Колымчанъ. Опасаясь повторенія бывалыхъ бѣдъ, боялись указывать, ненадежнымъ тогда сосѣдамъ своимъ, пути къ себѣ. Что до Чукчей—они вообще не смѣли приблизиться къ Колымѣ за 250 верстъ и къ Колымскому устью особенно; ихъ страшила возможность заслуженнаго мщенія за старые грѣхи. Въ русскомъ миролюбіи они, судя быть можетъ по себѣ, подозрѣвали коварство. И Чаванскіе старики твердили новому поколѣнію: «не ходите оленямъ съ волками, кровь прольется; нежить вамъ съ Русаками, бѣда стрясется.» Общеніе ограничивалось до 1812 года рѣкою Ангаркою, а съ 1812-го Анюйскою крѣпостцею, при томъ такъ, что Чукчи являлись сюда на свиданіе съ отпущенными копьями и съ полными тулами стрѣлъ. А Русскіе обезпечивали себя казаками и, страшными за невѣрность и измѣну, горными Ламутами.

Общее число Чукчей полагали въ 5—7 тысячъ: но никто не считалъ ихъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что они гораздо численнѣе.

Народъ сей несовершенно подданный Россіи и составляетъ особый разрядъ въ Государствѣ. Законы наши у Чукчей не имѣютъ ни силы, ни значенія и русское начальство, чтобы ни произошло между ними въ кочевьяхъ ихъ, въ дѣла ихъ не вмѣшивается.

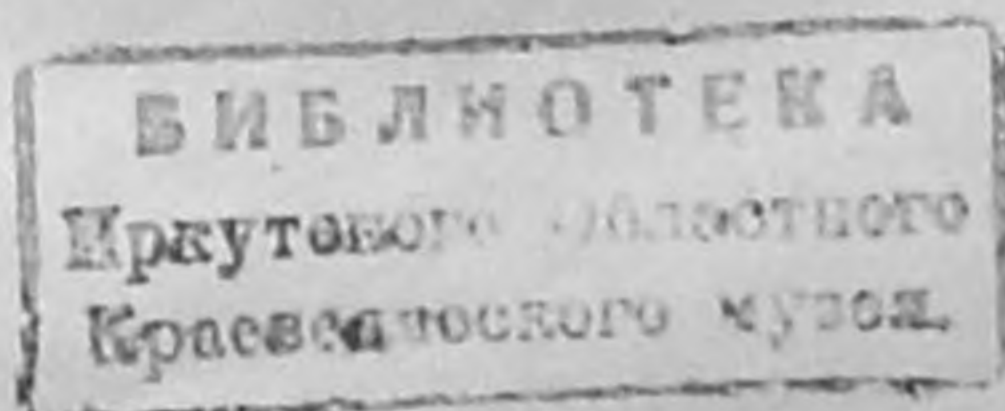
Прошло много времени какъ Русскіе узнали Чукчей, пройдутъ и еще столѣтія и народъ этотъ останется надолго не подвижнымъ въ своей нравственной и промышленной жизни. Шаманство, укоренившееся здѣсь съ первыхъ дней жизни

этого народа, является у нихъ во всей своей грубости и дикихъ образахъ крайняго невѣжества. Жизнь Чукчей, какъ народа, поддерживается преимущественно безсознательнымъ, слѣпымъ чувствомъ независимости и дикой воли, пристрастіемъ къ своему и не довѣрчивостію ко всему чужому, безъ разбора. Отдаленность, труднодоступность, и жалкая въ физическомъ и нравственномъ отношеніи бѣдность Чукчей и Чукотскихъ мѣстожителствъ, дѣлаютъ ихъ въ теченіи вѣковъ независимыми, самостоятельными и, такъ сказать, самобытными. Чауча не мечтаетъ о лучшемъ, потому что онъ его не знаетъ и народъ этотъ не можетъ нахвалиться родною своею землею.

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.

1) Нижнеколымскъ первоначально основанъ былъ при протокѣ р. Колымы, верстахъ въ 30-ти къ Сѣверу отъ своего настоящаго мѣста, на которое онъ перенесенъ въ половинѣ семисотыхъ годовъ. Селеніе это нынѣ находится собственно на острову, имѣющемъ до 160 верстъ длины, а не на материкѣ, который отдѣленъ отъ острова протокомъ, называемымъ *Староострожнымъ*. Напротивъ Нижнеколымска, за рѣкою, видны устья двухъ Анюевъ. Колыма здѣсь до $3\frac{1}{4}$ верстъ ширины и до 9 аршинъ глубины (зимою). На Востокъ и Югъ, въ отдаленіи, видны высокія каменные обнаженныя горы, которыя и лѣтомъ нерѣдко бывають покрыты снѣгомъ.

2) Близость моря весьма много способствуетъ къ умѣренію холода; это происходитъ собственно отъ неизсякаемой сырости, и для животной и растительной жизни выгоды отъ того не велики. Воздухъ въ низменныхъ долинахъ отзывается гнилостію, а въ городахъ онъ пронизателенъ.—Горячки истребительныя здѣсь не рѣдкость, за то корь приходитъ

годовъ черезъ 50, оспа черезъ 80, лихорадка вовсе неизвѣстна.

3) Мука въ Нижнеколымскѣ доставляется изъ Якутска на вьючныхъ лошадяхъ, въ кожаныхъ сумахъ, въ каждую кладется до 2 пудовъ 25 фунтовъ вѣса; она продается изъ магазина по 4 руб. 43 коп. сер. за пудъ. Прежде цѣны на муку были гораздо выше и доходили даже до 7 и 8 руб. сер. за пудъ. При благополучной доставкѣ, хлѣбный запасъ бываетъ довольно свѣжъ и въ пищу годенъ.

4) Дома въ Нижнеколымскѣ имѣютъ свое собственно устройство.—Во первыхъ они безъ кровель, вмѣсто печей деревянные камни, смазанные глиною, и съ такими же трубами безъ борововъ и съ затычками изъ оленьей шкуры вмѣсто вьюшекъ. Зимой топятъ отъ 3 до 5 разъ въ сутки; отъ этого въ домахъ тепло и воздухъ, часто освѣжаемый, здоровъ. Отъ огня милуетъ Богъ. Въ несчастныхъ случаяхъ уже и то хорошо, что каждый домъ стоитъ отдѣльно. Нижнеколымскѣ обитаемъ болѣе въ Февралѣ, Мартѣ, и Апрѣлѣ мѣсяцахъ во время прїѣзда сюда купцовъ; въ другіе мѣсяцы онъ почти пустъ. Лѣтомъ едва выходитъ 2 — 3 дыма, всѣ жители расходятся по тонямъ и вискамъ. Вискою называется рѣчка, вытекающая изъ озера или же образующаяся изъ озерныхъ источинъ. Висками же называются и самыя селенія, при тѣхъ рѣчкахъ находящіяся.

5) Въ Колымѣ соболи рѣдки, а бобровъ вовсе нѣтъ, кромѣ привозныхъ. Если чего много на Колымѣ, такъ это мышей и комаровъ. По недостатку ли въ пищѣ или другому инстинкту, здѣшнія мыши большими массами часто дѣлаютъ переселенія изъ однихъ мѣстъ въ другія. Эти странствованія ихъ въ безчисленномъ количествѣ по истинѣ изумительны. Отъ комаровъ лѣтомъ, какой бы ни былъ ясный день, нѣтъ нигдѣ спасенія, даже внутри дома сидишь съ дымокурою. Въ Нижнеколымскѣ также много собакъ и онѣ составляютъ тамъ существенную причину народныхъ голодовокъ, столь обычныхъ для бѣдной страны. Песцы, лиси-

цы, горностан водятся конечно; но эти животныя общи всему Сибирскому Сѣверу. Если съ Колымы купцы и вывозятъ пушнину, то это не мудрено: они десять мѣсяцевъ въ году кочуя на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, собираютъ въ свои руки пушныхъ звѣрей не на одной Колымѣ. Предѣлы поѣздокъ Колымскихъ купцовъ граничатъ къ Востоку Сѣверною Америкою, откуда имъ привозятъ куницъ, сиводушекъ и т. п., а къ западу рѣкою Алданомъ.

б) Изъ Якутска на Колыму три тракта: а) чрезъ Омеконъ на Верхне-Колымскъ, б) чрезъ Барунукъ (Верхоянскъ) и в) чрезъ Булунъ, Устьянскъ и Русское устье.

А) Чрезъ Омеконъ на Верхнеколымскъ путь самый неудобный, и мало кто проѣзжаетъ здѣсь: снѣга страшные, отавы скудныя, насѣленіе малое, лошадей недостаточно, ѣзда сѣдловая, дороги нѣтъ. Съ половины Августа до выпадущихъ снѣговъ, впрочемъ можно пробираться здѣсь съ меньшими хлопотами. Сей трактъ есть кратчайшій.

Б) Чрезъ Барунукъ (Верхоянскъ) тоже неудобный. Ѣзда на верховыхъ лошадяхъ. Этотъ трактъ подраздѣляется на казенный и купеческій; одинъ другаго стоитъ. По казенному впрочемъ чищенная дорога, мѣстами по главнымъ рѣкамъ есть мосты и перевозки. Сверхъ того здѣсь станціонныя дома и гостиницы, не богатая, конечно, и самага простаго устройства, но въ пустынѣ уже и это много, что онѣ есть. Между Алданомъ и Колымою считается пять станціонныхъ домовъ: это просто обыкновенныя якутскія юрты, ихъ иначе называютъ тамъ станками. За отсутствіемъ почтесодержателя первое лицо на станкѣ есть такъ называемый здѣсь *есаулъ*, человекъ вѣжливый и гостепріимный. Отъ чрезвычайной дорожной усталости у него можно отдохнуть, нѣсколько сутокъ, а онъ между тѣмъ поймаетъ съ поля лошадей и выѣздитъ ихъ, буде онѣ неѣзженныя, или подержитъ ихъ на сѣнѣ, если они уже выѣзженныя. Станокъ отъ станка отъ 100—420 верстъ. Ѣзда на почтовыхъ неторопливая, въ сутки верстъ по 40 и по 50-ти. Здѣшнія гостиницы

также называютъ поварнями. Входъ сюда безъ платы и открытъ всякому. Тутъ путника ожидаютъ: очагъ, столъ и кровать. Воды вволю — стоитъ лишь черпнуть лѣтомъ или отдолбнуть льда зимою; дрова во сто шагахъ отъ дверей — цѣлый лѣсъ, руби сколько хочешь. Лошадей отпускаютъ на подножный кормъ. Добравшись до станціи, вы во первыхъ, заботитесь разложить огонь и навѣсить чайники, между тѣмъ, Якуты вносятъ чемоданы, стелютъ для васъ медвѣжину, готовятъ и подаютъ сухую закуску, послѣ которой слѣдуетъ чай съ сухарями. Тепло и вы согрѣты, можно раздѣться, по домашнему; правда дымновато и холодно отъ стѣнъ, но что же дѣлать, не въ лѣсъ же уйдти. Скука, если она иной разъ и возьметъ, зависитъ не отъ стѣнъ и не отъ пустыни, а отъ обстоятельствъ, сокрывающихся въ душѣ и сердцѣ.—Если кто несвѣченъ углубляться въ самага себя, или отъ продолжительнаго одиночества опасается впасть въ меланхолію, для развлеченія можно заняться чтеніемъ надписей: къ услугамъ цѣлыя стѣны и множество затесовъ. Уголь, карандашъ и рѣзецъ трудились тутъ; вотъ образчики:

«Казакъ бѣсьоновъ сказной.

М. Б. Всѣмъ Господамъ проѣзжающимъ желаетъ добраго здоровья.

Здѣсь на берегу Догдо пилъ чай изъ ледовой воды, въ Ильинъ день 18 . . года N N.» и т. п.

По купеческому тракту чаще встрѣчаются жилья мѣста, подножный кормъ здѣсь поизобильнѣе, притомъ избѣгаются, въ южной сторонѣ остающіеся, трудные переѣзды по безотавнымъ и каменистымъ мѣстамъ, Зашиверскимъ. По этому чаще доводится ночевать на сѣдлахъ. — Найдутъ хорошее отавное мѣстечко и сдѣлаютъ приваль, припаровивши къ самосушному лѣсу. Разгребуть снѣгъ, разложить пожоги, поставятъ пологи, настелютъ хвои, оленины, медвѣжину, накладываютъ одеялъ съ подушками и хорошо, будь тутъ хоть 45 градусовъ ниже нуля по Реомюру, охъ не услышишь и

холодно никто не скажетъ — разумѣется, если нѣтъ очень малыхъ дѣтей и очень слабыхъ женщинъ, такихъ, которымъ, пожалуй, и дома не тепло безъ фланели. Съ женою и съ тремя малютками я ѣхалъ здѣсь въ короткіе дни, и ничего, по милости Божіей все было благополучно, и изъ Нижнеколымска до Якутска я съ тѣмъ достигъ въ 1856 году. — Чѣмъ крѣче холодъ, тѣмъ пріятнѣе чай на сѣвухѣ и пьешь его съ великимъ удовольствіемъ; согрѣешься и будешь весь теплый. Паровая куклянка, мѣховое нижнее платье и добрыя эгеды съ каченьчами и чажами — тоже грѣютъ превосходно. Движеніе, хоть не большое, конечно, и при всемъ этомъ необходимо.

По тракту чрезъ Барунокъ есть двѣ пустыни, ихъ всѣ путники боятся: это Тукуланъ и переѣздъ отъ Верхоянскихъ жителей на Индигирку — ста по четыре версты каждая. Мѣста необитаемыя и лишь изрѣдка сюда заглянетъ иногда Ламуть, гоняясь за дикимъ бараномъ. Подъемы, спуски, бадараны, рѣчки, камешникъ, медвѣди, комары, тарыны, броды, обходы — насилу пробираешься. Всего болѣе пугаетъ хребетъ Верхоянскій, гребень его вѣчно въ туманѣ и облака задѣваютъ его сопки. Въ сѣдлѣ не усидѣть, перебираясь чрезъ него, очень круто и опасно, есть съ версту мѣста, гдѣ надобно идти пѣшкомъ, подвигаясь впередъ съ разстановками, и, для упору, должно имѣть палку. Зимою особенно ощутительно слѣдовать по этимъ пустынямъ. Находясь въ пути часто не видишь человѣка недѣлю, двѣ, а въ худой годъ и болѣе. Тусклое небо, обнаженный лѣсъ, голыя скалы — вотъ все разнообразіе. Снѣгъ хруститъ подъ копытами коня и благо, если дремотѣ вашей помѣшаетъ куропатка, вылетѣвшая изъ подъ ногъ лошади — это уже жизнь. Правда по тракту мѣстами водятся лоси, олени, лисы, волки, бѣлки, горностаи, росомахи, тарбаганы, еврашки, зайцы, аргали, кабарга, также рябчикъ, глухарь, тетеревъ — да гдѣ они? — Аргали въ горахъ, тарбаганы въ норахъ — не видишь никого и ничего. Воронъ иногда про-

кричить, на кекурѣ сидя, обрадуешься ему очень и думаешь самъ съ собою: «не вовсе же здѣсь могильно». Ночи здѣсь такіа длинныя, тянутся часовъ по двадцати и больше. Но въ мірѣ нѣтъ худа безъ добра, и здѣсь отыщутся чудныя картины полярной природы. Вкусъ человѣка разнообразенъ: порою, напримѣръ, я находилъ прекраснымъ моментъ, когда, предъупредивши утро, пускаешься въ путь. Луна рисуетъ волшебныя тѣни по скалистымъ утесамъ, звѣзды мерцаютъ, денница едва занимается, заря недалеко, морозъ невыносимый; а тишина такая, будто самыя тайны сердца заговорили вслухъ: и этотъ внутренній голосъ, не голосъ ли незримаго Ангела хранителя души!—И вотъ ѣдешь-ѣдешь, вдругъ изъ за дивяка выходитъ дымокъ.—«Взглянь», говоритъ вожакъ, обратившись къ вамъ, а вы непонимаете его; «Дѣзъ, дѣлахъ Гоёнъ», прибавляетъ онъ, но вы все не разумѣете его: вамъ охота прищворить лошадку. Наконецъ послышалось гавканье собаки, показался табунъ кобылъ съ жеребцомъ, увидѣлось стадо коровъ и сѣно въ огородѣ; передъ вами жилия юрта. Якуты и Якутаты высыпали на передній дворъ-опрятный встрѣтить гостя; кто держитъ лошадь, кто спускаетъ съ сѣдла, кто дверь вамъ отворяетъ. Каминъ топится ярко; вы проходите прямо къ божницѣ и креститесь передъ иконами. У васъ съ собою тоже есть входной образокъ на груди, какъ и у всѣхъ, разумѣется серебряный полъ черныю—здѣсь такъ водится у Русаковъ профессихъ; вы бережно снимаете его, цѣлуете съ должнымъ чувствомъ уваженія знаменуемой святыни и помѣщаете въ домашнемъ кивотѣ между образами хозяйскими. Между тѣмъ полъ и нары устилаютъ сѣномъ.

Вы сегодня продержались въ сѣдлѣ 10—12 часовъ, рѣзунъ—вѣтеръ билъ прямо въ грудь и лицо, крутой холодъ вешадно морозилъ руки ваши и ноги, ледянистая куржавина росла на усахъ и рѣсницахъ, лошадка спотыкалась по заснѣженнымъ неровностямъ, досаждала вамъ; но вы все это вынесли геройски, отстаивая себя упорнымъ терпѣніемъ и

ворчаньемъ на медленность невиннаго Якута. Для утоленія побѣдныхъ чувствъ, въ успокоеніе раздраженныхъ нервъ, на освѣженіе мыслей—не мѣшало бы спросить флягу съ спиртомъ. Напомните только про флягу—и услужливый Саха (Якутъ) непременно достанетъ вамъ её, хотябы она лежала далеко, въ укупоренномъ на глухо ящикѣ, лишь-бы было налить что въ стаканъ, и благо замерзшему путнику—караванъ уже полтора мѣсяца странствуетъ и не видалъ населеннаго оаза.

Всего удивительнѣе въ дорогѣ этой—Якуты. Порядочному изъ нихъ поручаютъ до пятнадцати лошадей. Утромъ онъ разложитъ огонь, потухшій ночью, навѣситъ чайникъ и котелъ для хозяина, съѣстъ самъ кусокъ кобылятины, сходить на отаву, приведетъ лошадей, обчиститъ, обдеревяжитъ ихъ и обовьючитъ, поднявъ на каждую по два побочня трехъ пудовья. Днемъ, нѣсколько разъ останавливаясь, осматриваетъ и подчищаетъ тѣхъ же 15 лошадей, подтягиваетъ подпруги, поправляетъ потники и кладь, сбиваетъ снѣгъ со выюковъ, а лошади въ то время, разбивая копытомъ снѣгъ, щиплютъ траву. Передъ вечеромъ, сынъ дикаго сѣвера, самодовольный, непременно поетъ, куритъ табакъ и мечтаетъ про жирный обѣдъ, котораго давно не ѣдалъ и долго не увидитъ. На каждой станціи таже исторія; Якутъ развьючиваетъ свои 15 лошадей, отмѣнно имъ любимыхъ, снимая съ нихъ 30 побочней, т. е. 90 пудовъ тяжести, даетъ животнымъ охладиться, отводитъ на отаву, треножитъ, отпускаетъ на ночь. Сверхъ того—на ночлегъ разгрѣбаетъ снѣгъ, приготовляетъ ледъ и дрова, разводитъ огонь, навѣшиваетъ чайникъ и котлы, приноситъ и распаковываетъ нѣкоторыя сумы и наконецъ, съѣвши кусокъ конскаго мяса, ложится спать, поставивъ нагую спину къ костру, а животъ отъ трескучаго мороза прикрывъ санаякомъ. — Какъ онъ выносить! — Платы за путь отъ Адана до Аноійской крѣпостцы и обратно Якутъ получаетъ 30 руб., а если онъ ѣстъ и пьетъ свое, притомъ имѣетъ собственную лошадь подъ себя, — получаетъ 60 и рѣдко 70 руб. сер. Обѣдаютъ

Якуты, хоть пятеро, одною ложкою и она у нихъ ходитъ круговую. Хлебнувъ дважды, Якуть передаетъ ложку сосѣду, сидящему у него по лѣвую руку и ждетъ вновь своей череды, когда всѣ его товарищи хлебнутъ по дважды. Это способствуетъ къ уравненію пищи для каждаго и пріятной бесѣдѣ. Если Якуть не ѣсть за обѣдомъ, то непременно рассказываетъ что нибудь своимъ родичамъ.

Купеческія лошади по тракту идутъ: отъ Якутска до Алдана, потомъ съ Алдана до Верхоянска; здѣсь онѣ частію смѣняются, частію поправляются на сѣнѣ. Далѣе путь лежитъ изъ Верхоянска до Индигирки, и здѣсь лошади также смѣняются, либо поправляются на чабагѣ и сѣнѣ. Съ Индигирки слѣдуютъ до Среднеколымска и отсюда идутъ въ Нижнеколымскъ, а въ иной годъ и до Аноійской крѣпости. Обратный путь менѣе сложенъ.

В) Третій трактъ чрезъ Булуць, Устьянскъ, Русское устье. Здѣсь обходятся безъ сѣдла; надобно плыть водою по Ленѣ, ѣхать въ повозкѣ на оленяхъ и въ нартѣ на собакахъ—по тундрѣ, прихватывая море. Какая околица и страшная даль!

7) Маякъ Лаптева при правомъ устьѣ Колымы-существуетъ 120 лѣтъ, Зашиверская часовня 160 и еще долго простоятъ.

8) Часовня Нижнеколымская, просуществовавъ 175 лѣтъ, сгорѣла въ 1818 году отъ паловъ. Ровесница ея—часовня Верхнеколымская, построенная кочевыми Русаками изъ судоваго дѣса, тоже сгорѣла въ концѣ семисотыхъ годовъ. Она была выплавлена въ Среднеколымскъ и изъ часовни обращена въ церковь. Въ часовняхъ сихъ, когда не было священника, службу правили простолюдины.

9) Не всѣ заказчики были походные. Въ 1743—1744 годахъ заказчикомъ былъ схимонахъ Епифаній; онъ, вѣроятно, велъ жизнь осѣдную, найдя въ Спасо-Якутскомъ монастырѣ.

10) По стариннымъ картамъ—*Чаунъ*, по Колымски—*Чаванъ*, по чукотски—*Чава*, *Чауа*, *Чауанъ*, Въ старину здѣсь

обиталъ какой-то народъ, по чукотски называемый *Чавачтыгъ*. Наши Чуванцы созвучны Чауану. У Чукчей также есть слово *Чаучу* или *Чавчу*—оленный Чукча.

11) Любопытно было бы по обстоятельству узнать поучительную біографію сего примѣчательнаго мужа, почти современника нашего.—Отець протоіерей Григорій Слѣпцовъ подвизался преимущественно въ предѣлахъ нынѣшней Якутской Области и училъ не якоже книжницы, но яко имѣвый Помазаніе свыше. На гласъ маститаго старца народъ стекался значительными массами, внималъ, убѣждался, познавалъ Единого Истиннаго Бога и, каясь въ заблужденіяхъ и невѣдѣніи—требовалъ Св. крещенія.—Если въропроповѣдникъ сей, кроткимъ вѣщаніемъ своимъ, отъ язычества въ христіанство обратилъ до семидесяти тысячъ человекъ, съ тѣхъ поръ потомственно исповѣдующихъ Православіе и ставшихъ усердными сынами церкви Божіей, то это такое благодатное явленіе, при внимательномъ разсужденіи объ которомъ, самая мысль моя меркнетъ, замѣняясь безотчетнымъ уваженіемъ къ избраннику. За такихъ людей надобно молиться и благодарить Господа.—Вѣчная твоя память, достопамятне и присноблаженне Брате!

12) Охотникъ и промышленникъ, — это не одно и то же. Упоминаемые здѣсь охотники были люди военнаго сословія, командированные по дѣламъ служебнымъ и о дѣйствіяхъ своихъ дававшіе отчетъ письменными донесеніями по принадлежности. Напримѣръ — рапортъ Дешнева извѣстенъ всѣмъ. Отъ звѣролововъ этого не требуется.

13) *Русскій* по чукотски *Мильгитаннь*, отъ слова мильгиръ—Огонь.

14) Изъ всей экспедиціи Шалаурова остались только двое малютокъ, по фамиліи Мурзины, взятые Чукчами, будтобы сонные.

15) Коммиссаръ тоже, что нынѣ Исправникъ, а Коммиссарство: — Округъ. Тогда Колымскій край составлялъ часть Зашиверскаго Коммиссарства, въ послѣдствіи упраздненнаго.

Баньеръ былъ природный Русскій, а плѣнный Корякъ преступникъ, помилованный имъ и уволенный въ свое кочевье, съ порученіемъ, выполненнымъ имъ такъ счастливо.

16) По дороговизнѣ содержанія, на 1000 руб. ассигн. въ Нижнеколымскѣ можно имѣть, въ случаѣ востребованія, не болѣе какъ три казака; тамъ наприм: отъ 5-ти до 7 рублей серебромъ стоитъ пудъ ржаныхъ сухарей.

II.

Поѣздка изъ Нижнеколымска на Чукотскую ярмарку.—Анюйская крѣпостца.—Мѣшная торговля русскихъ съ чукчами.—Взносъ чукчами въ казну ясака.—Исторія часовни Анюйской крѣпостцы.—Мои бесѣды съ инородцами.—Жилища чукчей.—Островъ Аё.—Путевыя подробности.—Примѣчанія.

— = —

Итакъ вѣропроповѣдническая миссія моя ограничивается Чукчами. Требуется отыскать возможность къ возвѣщенію слова Божіяго людямъ симъ, въ самыхъ мѣстожительствахъ ихъ и нельзя ли у нихъ тамъ устроить церкви. Миръ и общеніе да обитаетъ между народомъ этимъ и Русскими, дружба и братство да водворяются. Вотъ данныя, возникшія при предмѣстникахъ моихъ и наследованныя мною по преемничеству, вотъ тема служебнымъ занятіямъ моимъ по званію.

Для осуществленія и развитія припятьхъ мною началъ, я довольно путешествовалъ. Опишу въ настоящее время мою поѣздку въ Анюйскую крѣпостцу и на островъ Аё въ 1844 году и упомяну о главныхъ обстоятельствахъ этого слѣдованія.

7-го Марта, отслуживъ Господу Богу путешественный молебенъ съ колѣноприклоненіемъ, я отправился изъ Нижнеколымска въ подлежащій путь. Нижнеколымскъ вдругъ опустѣлъ и затихъ 1), неисключая даже самыхъ женщинъ, кто только могъ, всѣ, а въ томъ числѣ и я съ моимъ дьячкомъ, отправилась на Чукотскую ярмарку, въ Аюйскую крѣпостцу 2). Черезъ четыре ночи я достигъ предполагаемаго мѣста, провелъ здѣсь десять сутокъ и къ 23 Марта опять благополучно возвратился къ моему посту. Въ 17 дней отлучки совершено 500 верстъ пути на 20-ти собакахъ 3). Плодомъ этой поѣздки было личное ознакомленіе съ Чукчами и условіе о свиданіи съ ними въ Чаванѣ.

Трактъ отъ Нижнеколымска до крѣпостцы пролегаетъ по р. Сухому Аюю, ѣдешь большею частію по самому руслу этой рѣки и лишь иногда перебираешься черезъ волока, мысы и стрѣлки. Мѣстами попадаются юкагирскіе балаганы съ маленькими анбарами на полутора-саженныхъ лапахъ. Лѣсъ здѣсь не очень разнообразенъ. Болѣе всего лиственъ: она употребляется на постройку домовъ, разныя домашнія подѣлки и на отопленіе, а сѣра ея идетъ на обмазку лодокъ, частію на лекарство и на жеванье 4). Вѣтла, которую Аюйщики называютъ осиною, хотя осины по Аюю вовсе нѣтъ; изъ нея выработываются разводныя лодочныя днища и лыжи. Есть топольникъ и мелкій березникъ: послѣдній считается деревомъ благороднымъ, употребляется на подѣлки, и преимущественно идетъ на полозья, копылья, топорища и т. п. Изъ кустарниковъ: тальникъ — употребляется на пестеры, рыболовныя морды и т. п.; ольховникъ — имъ дубятъ и красятъ кожи; горный вересокъ 5) — имъ для запаха курятъ въ домахъ; таволожникъ, ерникъ, багульникъ. Изъ плодосныхъ кустовъ: кедровникъ, смородина, кислица, Якутская охта, (*) шипшникъ, голубель, малина.

(*) Ягода охта есть также видъ смородины, называемой въ Якутской Области дикущею — *Ribes dikouscha*. Примѣч. Р—ра. II. С.

На этомъ пространствѣ иногда встрѣчаются незамерзающіе источники, сочащіеся изъ подъ булыжника, незамерзающіе при большихъ морозахъ и во всю зиму остающіеся полами. Около ключей ледъ тонокъ и не рѣдко обрушивается. Постоянныхъ жителей по тракту вообще нѣтъ. На протяженіи 250 верстъ едва найдутся 3 семейства промышленниковъ, переходящихъ съ одной ужожи на другую, смотря—гдѣ надѣются снискать пропитаніе 6). Снѣга, уброды, забои и всегдашняя бездорожица составляютъ неудобство пустыннаго пути. Всего хуже наледи. Скаты съ вадиги на вадигу 7), шивера, отъ холода промерзаютъ сквозь: тогда подледный путь рѣкѣ пресѣкается. Между тѣмъ вода, теченіемъ съ своихъ вершинъ, все болѣе и болѣе напираетъ, дѣлаются пропарины и щели. Наконецъ Аноюй покидаетъ свое логовище, воды выступаютъ, и заливаютъ побережья на большое пространство. Обойдти, объѣхать некуда; вокругъ чаша, яры и горы. И маешься, и бродишь, и мокнешь на стужѣ, и отъ людскихъ жилищъ далеко. Обсушиться, обогрѣться негдѣ. Много разъ поневолѣ приходилось купаться. У меня было запасное платье. При купаньѣ такомъ скорѣе стараешься выскочить на сухой берегъ, накинешь на себя мохнатую куклянку вмѣсто палатки, переобуешься, переодѣнешься, да какъ отмѣряешь тысячи двѣ шаговъ и все благополучно. Съ приближеніемъ къ крѣпостцѣ ощущаешь, что воздухъ нагорья стаетъ свѣжѣе и провзительнѣе, чѣмъ на долину Колымы.

Аноюйская крѣпостца, устроенная въ 1808—1810 годахъ, исключительно назначена для свиданія Русскихъ съ Чукчами, хотя сюда приходятъ также Чуванцы, Ламуты, Юкагиры, Якуты и прочіе инородцы, каждый по своей надобности, для исполненія христіанскихъ обязанностей, уплаты ясака, сбыта своихъ произведеній, закупки товаровъ, извоза, или же по дѣламъ службы. Со всѣхъ сторонъ окруженная лѣсомъ и утесами, крѣпостца находится въ Омокско-юкагирскихъ кочевьяхъ, при р. Сухомъ, иначе Ма-

ломъ Аноѣ, за 250 верстѣ отъ Нижнеколымска, къ Юго-Востоку. Здѣсь есть часовня, казармы и нѣсколько избышекъ, обитаемыхъ во время ярмарки и пустыхъ въ другое время. Все это обнесено деревянною оградой. Надъ главнымъ входомъ въ крѣпостцу возвышается деревянная башенка, и, для уряду, у воротъ стоитъ съ дубинкой часовой: ружье и штыкъ, пожалуй, навѣютъ задумчивость на мнительныхъ сыновъ пустыни.

Размѣнъ товаровъ производится собственно не въ самой крѣпостцѣ, а нѣсколько поодаль, подъ открытымъ небомъ, на льду р. Аноя. Чукчи съ своими санками выстраиваются въ линію, образуя полукругъ. Шагахъ въ тридцати напротивъ нихъ группируются русскіе купцы съ своими прикащиками трехъ классовъ. Товары русскіе лежатъ на нартахъ. Является Исправникъ, старшины подають знакъ къ мѣнѣ и торговля начата; покатились по льду сумы съ табакомъ. Въ бѣлыхъ эгедахъ съ волчьими сутурами, въ шапкѣ черной лисьей лапчатой, въ зимнихъ перчаткахъ колымскаго издѣлья, разцвѣченныхъ шелками и съ куньей опушкой, въ тепломъ мѣховомъ пальто, подбитомъ какъ снѣгъ бѣлыми лапами песца, съ бобровымъ воротникомъ, опоясанный шелковымъ кушакомъ и съ цвѣтною шалью черезъ плеча,—купецъ спѣшно подходитъ къ саночной линіи, торопливо привѣтствуетъ Чукчу—на этотъ разъ имѣющаго видъ небрежный и гордый, предлагаетъ ему свой товаръ, самъ отрывисто приговаривая: «Мѣй, ток!» т. е. Милостивый Государь, не угодно ли.—Чукча со своей стороны не торопится, всматривается въ Русака и какъ будто вспоминаетъ про что-то вчерашнее. Предлагаемое, наприм. табакъ, помѣривъ глазами, помявъ колѣномъ, повѣсивъ на рукѣ, обнюхавъ носомъ, покупатель иногда вынимаетъ изъ сумы табачный листъ, жметъ его въ горсти и примѣчаетъ: каково распускается, есть-ли въ зельи жизнь. Наконецъ табакъ взять и передать Чукчанкѣ. Начинается расчетъ. По акту, существующему у колымскихъ русскихъ купцовъ съ Чук-

чами, за пудъ табаку, въ сыромъ видѣ, полагается 20 куницъ или же 10 лисицъ, 2 лисицы равняются одному бобру или же одной выдрѣ, бобръ въ одной цѣнѣ съ рысью, рысь уходитъ за 4 песца или за столько же клыковъ моржовыхъ. Чернобурая лисица ходитъ по вольной цѣнѣ, стоя отъ одного до четырехъ пудовъ табаку. Но горе торговцу, если поторопясь, или позарясь на животъ, въ надеждѣ на недосмотръ старшинъ, или ошибкой—вмѣсто 40 моржовыхъ клыковъ, за пудъ табаку возьметъ лишь 39, или если изъ десяти лисицъ хотя одна окажется безхвостою: опромѣтчиваго тутъ же съ кону долой, подъ-руки и прямо въ пятистѣнную (крѣпостная гауптвахта). Потомъ начнутъ судъ да дѣло и изъ за какой нибудь лисьей лапы хлопочуть года два, поджидая манифеста, *нарушенъ де актъ*. На этой ярмаркѣ отъ Чукчей получается: лисица разныхъ цвѣтовъ, куницы, выхухолы черные и изъчернакрасные, рыси, рѣчные бобры, выдры, песцы бѣлые и голубые, олени и нерпичьи шкуры, лысовые и моржовые ремни, моржовые клыки, а также мамонтовая (исчезнувшей породы сѣвернаго слона) кость пусть китовый. Продукты эти большею частію американскаго происхожденія, переходящіе къ Чукчамъ отъ Экыригаудей—вольнаго племени, обитающаго на сѣверозападномъ берегу американскаго материка 8). Къ Чукчамъ на мѣну идетъ: табакъ въ папушахъ, котлы желѣзные и мѣдные, топоры, ножи, пешни, ножницы, иглы, наперстки, подпилки, огнива, ганзы, колокольчики, винтовки, корольки, стеклярусъ, волчьи шкуры и драгоценныя для Чукчей бѣлоспинныя росомахи; сверхъ сего юкагирскія тюкавки, никчи, логмины, ауты, сверла, нарукавники, луки, стрѣлы, лыжи. Количество табаку, ежегодно здѣсь промѣниваемаго Чукчамъ, доходить до 400 пудовъ, а желѣзныя и другія издѣлія особо: но, судя по отчетамъ, цифру эту надобно сократить, по крайней мѣрѣ, въ четверо. Народа на Аноійскую ярмарку стекается съ рѣкъ и съ горъ отъ 300 до 900 душъ, и собственно Чукчей, владѣющихъ лукомъ, отъ 25 до 170 человекъ. Русскіе товары сюда

доставляются изъ Якутска, черезъ Верхоянскъ и Средне-колымскъ, на вьючныхъ лошадяхъ.

Кромѣ мѣны товаровъ, Чукчи здѣсь взносятъ ясакъ въ казну Государеву. Явившись къ исправнику въ первый день прїѣзда его въ крѣпостцу, на другіе или третьи сутки, подъ предводительствомъ своихъ старѣйшинъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ непременно чаванскій Эрэйсь 9), они потомъ посѣщаютъ его нѣсколько разъ; ихъ угощаютъ чаемъ съ леденцомъ и съ пшеничными сухарями, Чукчи курятъ при этомъ табакъ, сосутъ лемешину, толкуютъ о томъ, о семъ. У каждаго Чукчи назади за ременнымъ поясомъ подоткнуто по красной лисицѣ. Избирается минута; исправникъ принимаетъ нѣкоторый тонъ форменности: Чукчи по очереди подходятъ къ нему, низко кланяются и сами въ тоже время вынимаютъ приносъ изъ за пояса, кладутъ вдоль своей спины и головку лисью налагаютъ себѣ на темя. Исправникъ собственными руками снимаетъ жертву сію съ узорчатыхъ череповъ, казакъ прошнуряетъ, эрэмъ печатаетъ. Затѣмъ усердные плательщики награждаются табакомъ и желѣзными издѣліями и просятъ понудить купцовъ къ неукоснительной расторжкѣ, объясняя при этомъ, что позднее время, отдаленность, проѣдки, прожитки беспокоятъ ихъ. Исправникъ даетъ слово постараться.—Число ясачныхъ Чукчей не всегда одинаково: иногда явятся человекъ 10, а иногда и 40. Къ платежу ясака никто не принуждаетъ ихъ, Чукчи взносятъ оный добровольно. Кромѣ обыкновеннаго ясака, они, въ видѣ особаго усердія, иногда приносятъ черныхъ лисицъ и просятъ исправника послать ихъ на Высочайшее Имя и за сіе иные изъ нихъ награждены кафтанами, саблями, деньгами.

Юкагиры, Ламуты и Чуванцы на Аноійской ярмаркѣ торгуютъ свободно, т. е. безъ акта, а ясакъ взносятъ такъ: одѣвшись въ лучшее свое платье, съ кортиками на нарядныхъ поясахъ, чинно являються старосты къ исправнику и съ ними старшины. Объясняютъ, сами стоя на ногахъ, что: годъ

былъ плохой, свинца у нихъ не хватило, пороха не достало и они въ неупромыслищѣ. Тотъ и этотъ у нихъ ушелъ въ Гижигинскую сторону и третій годъ не кажетъ глазъ, не присылаеть Государево: а сей и оный прохворали. Человѣколюбивый исправникъ очень сожалѣеть объ ихъ неудачахъ, но требуетъ однакожь подушный окладъ.

— Не можноди принять деньгами, Ваше Благородіе, звѣря вовсе не могли найдти.

Уважая представленіе горныхъ дипломатовъ, исправникъ соглашается на просьбу, получаетъ кредитами безнедоимочно и выдаетъ квитанціи. Отдарковъ этимъ людямъ за ясакъ не дѣлается, но чаемъ угощаютъ ихъ и, кажется, со всѣми къ этому при надлежностями.

Какъ для священника, собственно для меня я нахожу интереснаго въ крѣпостцѣ: часовню и тѣхъ же Чукчей съ прочими инородцами, въ отношеніи духовно-миссіонерскомъ.

Часовня въ Анюйской крѣпостцѣ деревянная, основана въ 1811 году первымъ здѣсь по времени чукотскимъ вѣропроповѣдникомъ протоіереемъ Слѣпцовымъ, собственно для развитія дѣлъ Вѣры и храненія походной церкви (10), принадлежавшей къ Якутской Духовной миссіи, тогда удалившейся въ Чукотскій край. Въ сей часовнѣ я совершалъ Богослуженіе вечернее и утреннее, пѣлъ часы и молебны, а 19 Марта — въ Вербное Воскресенье, развивъ походный св. Антиминь, совершалъ священную литургію. Присемъ предстояло до 80-ти человѣкъ богомольцевъ и въ числѣ томъ находилось 17 причастниковъ Христовымъ Тайнамъ, изъ Юкагировъ, Чуванцевъ и Чукчей. Здѣсь же, въ часовнѣ моливались родильницъ, крѣстиль, бракосочеталь, исповѣдываль, отпѣваль, исполняя христіанскія требы у бродячихъ инородцевъ, а частію и у Русскихъ.—Ради подробности можно замѣтить, что младенцевъ для крещенія здѣсь представляютъ большею частію полугодовыхъ, годовыхъ и старше; вѣнчаться приходятъ, сперва поживши годъ-другой, а иногда и дѣтей наживши; объ отпѣтѣи просятъ, когда покойники дав-

но уже покоятся—иногда года два и больше. Случались и такіе примѣры, особенно между Ламутами, что иныя для крещенія приносятъ младенцевъ отъ разныхъ матерей, называя всѣхъ младенцевъ и женщинъ своими. Все это, конечно, не согласно съ желаемымъ порядкомъ и обличается; но условія, недавность у туземцевъ христіанства, навѣкъ къ старымъ обычаямъ, отдаленность отъ церквей и священниковъ и образъ жизни — берутъ верхъ надъ поучительными вразумленіями. Впрочемъ у каждаго изъ тамошнихъ есть на груди наперстный крестикъ, а у достаточныхъ непремѣнно серебряный. Въ домахъ имѣются иконы Спасителя, Богоматери и св. Угодниковъ и иконы сіи у оленныхъ раскрываются по временамъ, хранясь въ особыхъ кіотахъ, а у балаганщиковъ открыто стоятъ на полочкѣ, въ переднемъ мѣстѣ, и свѣчки передъ ними. Сверхъ сего, если не у всѣхъ, то у многихъ имѣются маленькіе походные образа, хранимые въ могилькахъ. Образокъ, вложивъ въ могилекъ, обыкновенно возлагаютъ на себя при отправкѣ въ путь. — Отъ христіанскихъ св. таинствъ, обрядовъ и постановленій церковныхъ,—неотклоняются, если къ исполненію оныхъ представляется имъ удобный случай. Буде кому доведется прибѣгнуть къ доброму человѣку, пригласивъ его къ себѣ, иконы, изъ набожности, занавѣшиваютъ, либо прячутъ. А что это за добрый человѣкъ, отъ котораго занавѣшиваются иконы, какъ отъ копоты, или прячутся, какъ отъ татя? Это шаманъ, тайкомъ пробирающійся къ людямъ суевѣрнымъ и нечестивымъ, замѣняющій собою иногда священника и лекаря. Разумѣется, это дѣлается тихомолкомъ, чтобъ не придралась полиція, съ которою добрый человѣкъ какъ-то не въ ладахъ. Благотворительность туземцевъ обнаруживается особенно призрѣніемъ бѣдныхъ; совершенно нищихъ безмездно пропитываютъ на общественный счетъ. Прихожаго человека рады принять и накормить.

Въ день прибытія моего въ Анюйскую крѣпость, Чукчи, дожидаясь исправника съ купцами, были уже здѣсь и

незамедлили тогда же навѣстить меня. Сперва пришли одни мужчины, потомъ приходили мужчины и женщины, наконецъ, признаковъ довѣрчивости, являлись и однѣ женщины съ дѣтьми обоюго пола, безъ мужчинъ. Я съ своей стороны отплачивалъ тѣмъ же и у нѣкоторыхъ гостепріимныхъ домохозяевъ даже ночевалъ. Я хотѣлъ открытаго сближенія съ Чукчами, не подражая правиламъ Колымчанъ, заглядывавшихъ во время мѣны въ чукотскія юрты не иначе, какъ развѣ украдкою отъ своихъ 11). Для разумѣнія Чукчей и передачи имъ образа моихъ мыслей, при мнѣ обыкновенно находился Чуванецъ, переводчикъ. Надобно какъ нибудь самому привыкать объясняться на коренномъ языкѣ туземцевъ, ибо бесѣда съ ними чрезъ посредника, невѣжду, крайне утомительна; тутъ нужно терпѣніе истинно христіанское 12).

На первыхъ порахъ, по пріѣздѣ моемъ въ крѣпостцу, сидѣли у меня Чаванскіе старики; я угощалъ ихъ кирпичнымъ чаемъ изъ деревянныхъ красныхъ чашекъ и они, попивая, глотали дымъ изъ крохотныхъ мѣдныхъ трубокъ 13). «Эпѣпѣль 14),» сказалъ одинъ изъ нихъ, сидѣвшій на скамьѣ въ полулежащемъ положеніи, съ поднятыми на скамейку ногами, «ты изъ дальней стороны пришелъ сюда. Видно у васъ тамъ худо людямъ?»

— Други мои, я слуга господя моего Іисуса Христа. Будьте благосклонны. Я посланный.

— Да зачѣмъ же послали тебя?

— Я посланъ проповѣдывать Православную Вѣру доброму Чаванскому народу. Пусть ваши приходятъ ко мнѣ и станемъ заниматься дѣломъ, станемъ разсуждать о Небесномъ Богѣ, о Его Божественныхъ дѣлахъ и о душахъ человеческихъ.

Гости обѣщали посовѣтываться со своими и ушли, извиняясь и объясняя, что у нихъ теперь время суетливое и ускорное, что они имѣютъ связи съ купцами, умы и помышленія ихъ заняты торговлею, но что они не забудутъ обо мнѣ.

Въ слѣдующіе дни, по распоряженію Чаванскихъ старѣй-

шинъ, ко мнѣ приходили мужчины, женщины и дѣти, жаждавшіе Богопознанія и обращено въ хрістіанство 18 душъ. Я благовѣствовала слушателямъ моимъ святую истину, не раздражая въ нихъ суетной пытливости, избѣгая умствованій, держась простоты и имѣя основаніемъ слову моему, слово Божіе. Въ образецъ бесѣды моей привожу разговоръ мой съ чаванскимъ Чукчею Ивунѣмъ, въ послѣдствіи Павломъ. Замѣтивши въ Ивунѣѣ склонность къ слышанію, еже едино есть на потребу, я говорилъ: «когда умираетъ хрістіанинъ, Отецъ Небесный посылаетъ къ нему своихъ добрыхъ слугъ и Ангелы Его возносятъ блаженную душу въ мѣста горнія, гдѣ свѣтло, печали нѣтъ, а радость постоянная. Другъ мой Ивунѣй, крестись—будетъ хорошо». Кажется не много было словъ моихъ, а между тѣмъ они убѣдили и это, конечно, отъ того, что въ правду, исповѣдуемую устами, вѣруется сердцемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, увидимъ послѣ, проповѣдь моя была, впрочемъ, нѣсколько пространнѣе.

Первыми по времени, преданности и важности для моихъ миссіонерскихъ начинаній, пріятелями моими были Чукчи: добрый Николай Ятиргинъ Слѣпцовъ, Чаванскіи Эрэмъ и почтенный сынъ его Андрей Омраургинъ. Однажды вечеромъ я зашелъ къ нимъ посидѣть; хозяйка-старушка Вантыюльгинъ радушно угощала насъ ужиномъ, подавая кивлѣтъ, прѣрѣмъ и разную свою стряпню изъ мяса, мозга, жира, изъ нѣкоторыхъ травъ и корнеплодныхъ дикорастеній (15). Мнѣ подали столовый приборъ, тарелку, вилку, ложку серебряную и свѣжую юкагирскую салфетку, выдѣланную изъ тальника, бѣлую какъ свѣтъ, мягкую какъ пухъ и съ пріятнымъ запахомъ. Между тѣмъ Ятиргинъ, разговаривая со мною, высказался, что сердце его радѣетъ о распространеніи между своими хрістіанства и что онъ постоянно заботится объ этомъ. Видя духовное направленіе собесѣдника, я началъ представлять ему — какъ было бы полезно проповѣдывать Христа въ самыхъ Чукотскихъ мѣстожителствахъ. Я склонялъ его

принять священника на Чаванѣ. Эрэмъ согласился. Мы условились и я рѣшился слѣдовать къ Чукчамъ въ ихъ землю.

Когда отъ Ятиргина и сына его узнали Чаванцы о моемъ намѣреніи побывать у нихъ,—между ними возникъ вопросъ, выраженный ко мнѣ въ слѣдующихъ словахъ: «никто не вѣченъ на землѣ. Если ты умрешь у насъ, что дѣлать намъ, и что тогда подумаютъ ваши?—Я отвѣчалъ: мать тѣлу моему земля. Умру—отдайте ей его. Бумаги мои отвезите къ Русскимъ, тогда все узнаютъ, сколь вы добры. И хотя бы мнѣ случилось умереть у васъ, все скажутъ: «видно такъ угодно было Богу.» По окончаніи нашихъ совѣщаній, я собралъ мои пожитки и походную библіотеку, въ томъ числѣ Завѣтъ Господа моего Іисуса и отечественную исторію Карамзина, и все это, съ нѣкоторою церемоніею, передалъ Эрэмъ-Ятиргину, при собраніи его родоначей и при двухъ Чуванцахъ толмачахъ, прося доставить мои вещи по главнымъ пунктамъ будущаго нахожденія моего въ Чукотской землицѣ.

Пребываніе мое въ Аноійской крѣпостѣ окончено обѣдомъ, даннымъ на прощаньи Чаванскимъ Чукчею, по имени Галля.

Мы собрались въ семейный пологъ, который, по понятіямъ и разумѣнію Чаванскаго Чаучу 16) былъ не простое жилище, а настоящія палаты. Пологъ этотъ имѣлъ $2\frac{1}{2}$ аршина отъ пола до потолка, $2\frac{5}{4}$ аршина отъ порога до переда, $4\frac{1}{2}$ аршина между боковыми стѣнами. Полъ устланъ былъ оленьими шкурами. По угламъ горѣли жирники, употребляемые для отопленія и свѣта, на срединѣ стоялъ айчувульгинъ подъ лахтакомъ 17), съ потолка тянулись рукавицы, плѣвки 18), шарвы, развѣшанныя для просушки. Пологъ стоялъ въ подвижномъ шатрѣ изъ оленьихъ же шкуръ, который, укрѣпляясь на треногѣ, былъ искусно развитъ и расправленъ рѣзвинами, какъ зонтикъ. Шатеръ походилъ снаружи своею формою на стогъ сѣна нѣсколько наклоненнаго въ одну сторону, и имѣлъ $6\frac{1}{2}$ аршинъ вышины отъ основа-

нія и въ окружности 22 аршина. Въ пологу помѣщались: чаванскій Эрэмъ Ятиргинъ, одинъ Чуванецъ, Корякъ, я, Омокъ, самъ Галя со своей старухой и трое сыновей его женатыхъ; и намъ не было тѣсно, никто вонь не вышелъ. Отъ невыносимаго жара въ пологѣ всѣ сидѣли безъ рубашекъ—мущины, женщины и дѣти: у Чукчей впрочемъ такъ ужъ водится всегда, у нихъ нѣтъ ни рубахъ, ни нижняго платья, кромѣ развѣ двухъ или трехъ лицъ въ цѣломъ народѣ. Одежда у Чукчей, какъ верхняя такъ и исподняя, дѣлается изъ оленьихъ шкуръ.

Галя зажиточный человекъ и хлѣбосоль открытый, а по выраженію юкагирскому: латрыжный. Въ сѣняхъ разложили огонь, навѣсили большой мѣдный котелъ и варили чуть не цѣлаго оленя. Между тѣмъ въ ожиданіи обѣда намъ предложили закуску: для каждаго гостя принесли по оленьей ногѣ, на мозготанье. Доколѣ мы трудились съ сырыми мастыгами, обгладывая ихъ, обрѣзывая жилки, разбивая кость и вынимая мозгъ, хозяинъ занималъ насъ разказами. Вотъ содержаніе одного:

Движимые чувствомъ мщенія за какія то старыя обиды, и имѣя въ виду корысть, Чукчи задумали сдѣлать набѣгъ. Это было въ 1840 году. Въ числѣ 70-ти человекъ пристали они къ какому то острову въ туманную ночь; первымъ дѣломъ ихъ было продырявить у туземцевъ байдары, затѣмъ они врасплохъ напали на сонныхъ обитателей и многихъ перекололи. Испуганные гамомъ нападающихъ и отчаянными воплями своихъ, оставшіеся въ живыхъ кинулись было спастись въ своихъ байдарахъ: оттолкнулись на море и перетонули. Всѣ годныя женщины и дѣти взяты въ плѣнъ, а хилыя, хворыя, увѣчныя и престарѣлыя убиты безъ остатка. «Для чего ихъ жалкихъ оставлять на мученье!» прибавилъ раскащикъ, желая въ безчеловѣчномъ поступкѣ своихъ собратьевъ видѣть добрую сторону.

За симъ подали деревянную посудину, похожую на плоское корыто, употребляемую у Чукчей вмѣсто стола и блюда,

называемую словомъ «кэмѣна», полную жирнаго мяса. Каждому изъ бывшихъ тутъ, хозяйка отдѣлила свою часть и всѣ домашніе вмѣстѣ съ гостями принялись усердно ѣсть, доставши свои поясные ножи. У меня не случилось съ собою ножа. Утиѣуть (имя хозяйки) сама потрудилась нарѣзать причитавшееся на мой пай, подбавляя и рукою подвигая кусочки къ моему краю кэмѣны, по мѣрѣ того какъ я съѣдалъ оленину. Со стороны хозяйки это означало высокую вѣжливость и уваженіе къ гостю. Послѣ обѣда внесли въ пологъ и поставили на сковородѣ желѣзный котель съ мясною щербою, развѣдѣнною снѣгомъ и мы пили изъ него костяною дудочкою, выдѣланною изъ кости лебяжьяго крыла и называемою — камчучень. Вмѣсто салфетки мнѣ подали штэвъ (кочекъ травы), которымъ я обтеръ себѣ ротъ и руки. Хозяинъ обтерся шаткарами своего сосѣда и тѣмъ же услужилъ ему (шаткары-обувь съ мохнатыми подошвами изъ оленьихъ подкопытныхъ щетокъ). Наконецъ я перекрѣстился и сказалъ — спасибо. Юкагирь, Чуванецъ и Эрэмъ, глядя на меня, тоже перекрѣстились. Прочіе некрѣстились и спасибо неговорили, просто перестали ѣсть, выкурили по трубкѣ табаку и вышли на дворъ прохолодиться 19).

За обѣдомъ симъ достопочтенный Ятиргинъ говорилъ мнѣ: «вотъ смотри—какими видишь насъ здѣсь, точно такіе мы и дома у себя въ нашемъ краю. Ъзди къ намъ, узнавай людей, крѣсти, дѣлай тоже и такъ же, какъ у Юкагировъ и у Чуванцевъ. Мы такіе же люди, какъ и всѣ другіе и рады учиться русской Вѣрѣ и добрымъ обычаямъ, хотя и не умѣемъ—что и какъ дѣлать. »Я отвѣчалъ: сперва надобно побывать на Чаванѣ, а потомъ подумаемъ и посоветуемся—что и какъ дѣлать.

Островъ Аё.

Аё или Аё-Нутэнутъ, а по юкагирски Аёка, находится въ Чукотскомъ лиманѣ Ледовитаго моря, при устьѣ Чаванской губы, отъ Нижнеколымска къ Востоко-Сѣверу въ 400 верстахъ, а отъ скалы Пѣкъ составляющей отрогъ Эррѣня, въ 25 верстахъ къ Западу. Островъ этотъ отдѣленъ отъ материка не большимъ, мѣлкимъ иловатымъ проливомъ, составляющимъ ширины до 2 верстъ въ малую воду и до 5-ти въ большую. Длина острова будетъ до 80, а въ окружности до 250 верстъ. Грунтъ глинистый, болотный и мѣстами песчаный. Древесной растительности здѣсь нѣтъ никакой, а также и приносяго лѣса съ моря водою очень мало. Изъ кустарниковъ изрѣдка виднѣется—ерникъ, тальникъ, не растущіе вверхъ, а разстилающіеся по землѣ. Изъ травъ болѣе всего мелкой осоки. Изъ корнеплодныхъ дикихъ растеній: макарша и еще какія то по чукотски называемыя: попохальгинъ, міймій и кымычъ, употребляемыя туземцами въ пищу 20); по морскому припайку растеть морская капуста. Изъ ягодъ есть морошка и брусника. Птицы постоянно пребывающія на островѣ: куропатка, лу чни воронъ. Изъ млекопитающихъ: мыши, еврашки, песцы, лисицы, волки, медвѣди черные, зайцы-бѣляки и частію россомахи. Около острова въ изобиліи водятся бѣлые медвѣди, обитающіе въ торосахъ и мелкой породы нерпа въ морѣ. На островѣ есть озера, частію рыбныя; въ нихъ водятся отлично вкусныя гольцы, вѣсомъ доходящіе до 20-ти фунтовъ, и пемлядка 5-ти вершковой длины, считая съ хвостомъ. Есть также мелкія рѣчущки и много ручьевъ. Вообще островъ Аё, имѣя низменное положеніе, совершенно открытъ для стужи, сырости и вѣтровъ. Хотя онъ и неудобенъ для заселенія, но Чукчи держатся острова, привлекае-

мые сюда обиліемъ и доброкачественностію оленьихъ моховищъ, а также удобностію оберегать стада отъ кровожадныхъ комаровъ и отъ солнечнаго зноя, вреднаго оленямъ. Самое названіе свидѣтельствуеть, что онъ для Чаучу угоденъ; *аѣ* значитъ мозгъ въ головѣ.

Миссіонерская надобность въропроповѣднику посѣщать Чукчей въ ихъ мѣстожителствахъ видна уже изъ самаго хода дѣлъ моихъ предмѣстниковъ, какъ это значитъ въ запискахъ, представленныхъ мною въ Сибирскій Отдѣлъ за предъидущій годъ.

Сблизившись съ Чаванскими представителями въ Аніюиской крѣпостцѣ, я еще болѣе убѣдился въ надобности сей. Въ пользу моихъ посѣщеній не было сомнѣнія. Возможность побывать у Чукчей представлялась: Чаванскій Эрэмъ не только не препятствовалъ этому но даже приглашалъ меня къ себѣ на Чаванъ. Однако я долго мѣдлилъ оставить Нижнеколымскъ, ожидая здѣсь распоряженій Епархіальнаго начальства, которому заблаговременно доносилъ о моихъ намѣреніяхъ. Наконецъ все было готово, и распоряженіе получено, стало не зачѣмъ останавливаться. 20 Іюля я отправился въ путь, въ которомъ и провелъ 58 дней, по 15 Сентября. Въ этотъ промежутокъ времени моими убѣжденіями, при помощи Божіей, я успѣлъ обратить изъ язычества въ христіанство 140 человекъ, и этотъ успѣхъ былъ мнѣ лучшею наградою за понѣсенные мною труды. Сверхъ сего и то утѣшало меня, что я могъ на самомъ дѣлѣ, практически увѣриться въ возможности проповѣди слова Божіаго въ чукотскихъ мѣстожителствахъ. Къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ моимъ важныхъ со стороны Чукчей препятствій не открыто, и начали проясняться миссіонерскія надежды на лучшую будущность.

Шутевыя подробности.

Особеннымъ долгомъ поставляю для себя свидѣтельствовать здѣсь, что Колымскій старожиль купецъ Л. Ив. Бережновъ въ этомъ, на Аё—островъ путешествіи былъ истиннымъ благодѣтелемъ моимъ. Духомъ моимъ и сознаниемъ долга влекомый въ Чукотскую землю, я чувствовалъ всю тягость неопытности своей и къ тому, не имѣлъ подъ руками вещественныхъ способовъ. Можно бы на томъ и остановиться, считая себя правымъ по совѣсти; но я никакъ не могъ принудить самага себя быть покойнымъ, я страдалъ внутренно, не имѣя средствъ осуществить мои благіе помыслы. Тогда Л. Ив. какъ съ неба упалъ передо мною, и вотъ слова его: » не горюй много; Богъ поможетъ.» И въ самомъ дѣлѣ Богъ помогъ. Не было ничего и вдругъ явилось все, и лошади, и люди, и путевое содержаніе. Это была жертва высокаго усердія частнаго человѣка и я никогда не могу забыть её.

20 Іюля. При отправкѣ въ дальніе пути, на Колымѣ соблюдаются нѣкоторыя особенности, которыя исполнены и мною. Сряжаясь на долго отлучиться отъ своихъ, я отслужилъ панихиду о прежде отшедшихъ отцѣхъ и братіяхъ, а за тѣмъ пѣлъ путешественный молебенъ св. Апостолу Андрею Первозванному. Когда сряды окончились и все было готово къ отправленію, я омылъ руки и взявшись за шапку, присѣлъ на минуту. Всѣ прочіе тоже сѣли. И воцарилась тишина. Чувства улеглись, душа успокоилась. Тогда, среди общаго безмолвія, я первый всталъ съ мѣста, взывая къ Отцу Всевышнему, да была бы благая воля Его и на землѣ долу такою же, какъ есть всегда она на небеси горѣ. Присутствовавшіе помолились вмѣстѣ со мною. У св. образовъ теплились восковыя свѣчи. Наконецъ я поклонился Благословенной Родитель-

ской Иконѣ, приложился къ ней и вышелъ вонъ, бывъ провожденъ своими до берега Колымы.

Оттолкнувшись на рѣку, гребцы на время покинули весла и мы перекрѣстились, снявши шапки. Верхи церковные еще виднѣлись. Но скоро прибрежный говоръ смолкъ, люди и дома скрылись за лѣскомъ. Лодка качалась на зыбкихъ волнахъ, склоняя путника ко сну. Ночь наступала.

21 Юля. Съ 9 Мая по 8 Юля въ Нижнеколымскѣ нѣтъ ночей. Другими словами говоря: тамъ съ Николина дня до Прокопьева красное солнышко и по ночамъ свѣтитъ, не закатываясь. Съ Ильина дня начинаютъ появляться первыя звѣзды, одна по одной; но ночи тогда еще короткія и бѣлыя, заря съ зарею сходится. 21 Юля я проснулся часу во 2-мъ утра, на какой то тонѣ, при гармоническомъ побрякиваніи корневыхъ поплавковъ невода, рыболовами развѣшеннаго для просушки. Солнышко меня уже предупредило и ранніе лучи его радугой переливались по бѣлоснѣжнымъ вершинамъ высокихъ горъ, громадами рисовавшихся на безоблачномъ небѣ. Густой туманъ поднимался съ заливныхъ береговъ рѣки.

2-го Августа. И комаровъ, и зной, и дождь, туманы мокрые, изморозь липучую, слячу подъ ногами, снѣгъ, холодъ—все испытали мы, двѣ недѣли странствуя по мѣстамъ каменистымъ и тундрѣ. Топучія грязи, кочковатые калтунны, обрывистые ручьи, быстрыя рѣчки, рытвины, неловкіе подъемы, неровные спуски, обходы, броды и лѣсную чащу и совершенное безлѣсіе, и скудость кормовищъ для лошадей и разныя другія надоѣдливыя мелочи,—все видѣли мы, все испытали; но не было бы хуже, думали, и шли впередъ, разумѣется, безъ дороги—дорогъ здѣсь нѣтъ.

3-го Августа. Недостатокъ въ свѣжей пищѣ, произшедшій отъ долговременнаго странствованія нашего, тяготилъ насъ болѣе всего, разстроивая совершенно здоровье путниковъ: и мы готовы были слечь—это ужасно на безлюдьи въ непріютной пустынѣ. Мы думали что погибнемъ съ го-

лодовки. Но Богъ есть Богъ вездѣ!—Разскажу про случай, какъ мы спаслись и возобновили съѣстные наши припасы.

Взбираясь на угоръ, изъ за котораго видѣлось не большое озеро, вожакъ нашъ вдругъ остановился, спустился съ лошади и пятился назадъ, самъ знаками давая намъ знать о чемъ-то. Замѣтивъ это, мы задержали нашихъ лошадей; не медвѣдь ли тамъ, подумали. Но медвѣдя тамъ не было. Гуси, ихъ десятковъ нѣсколько, покояся, сидѣли на песчаной косѣ, а караульнѣй у нихъ, съ вытянутой шеей, стоялъ на сторожѣ, поджавши ногу. Тотчасъ мы съ сѣдель долой, выюки на землю, собакъ на волю и началась азартная охота. Куда дѣвались и хворь и усталость. Иной съ трудомъ сидѣлъ на лошади, морщась и поджимая пустой животъ, теперь суетился въ довольственномъ самозабытіи, какъ вѣкъ не хворалъ. Страсть къ истребленію овладѣла людьми. Били, хватали, травили, кололи, гонялись, топтали. Это называется гусеваньемъ. 27 гуменниковъ были трофеями этого побоища. Лапчатыхъ склали въ кучки, достали изъ побочня запасныхъ дровъ, разложили огонь и принялись готовить обѣдь. Вышло отмѣнное холодное на жестяныхъ тарелочкахъ, прекрасное горячее въ мѣдныхъ котелкахъ, еще лучше того жаркое на деревянныхъ вертелахъ и, цвѣтъ юкагирской гастрономіи, мозготанье (гусиныя крылышки съ мозгомъ). А пухъ и перья бросили.

4-го Августа. Въ сумерки, 4-го Августа, маленькій караванъ нашъ выбрался на дикія побережья Ледовитаго моря.

Что море въ отношеніи къ вселенной и ея красотамъ?—Капля въ океанѣ; но какъ прекрасна и она—эта капля! Когда ступили мы на морской припаякъ, казалось, я подошелъ къ самому небу, которое какъ будто сливалось предо мной съ необъятными водами. Зіяя изъ подъ ногъ, обхватывая весь горизонтъ, разливаясь надъ головой, безбрежная синева, подернутая сумракомъ тихаго вечера, обворожила зрѣніе. Вѣковыя горы пловучихъ торосовъ съ своими фантастическими узорами, какъ бы вися на воз-

духъ, стояли грозными грядями, а за ними полошились цвѣтные огни величественнаго сѣвернаго сіянія. Грохоть, производимый паденіемъ льдовъ и глухой гулъ вдали, предвѣстникъ арктическаго урагана, дополняли картину, еще болѣе оживляя грозно-величественный видъ. Тогда, впервые созерцая все это, я усладился благоговѣніемъ къ Премудрому и во всѣхъ твореніяхъ Своихъ чудному Создателю Богу.

8 — 10 Августа. Отдаленность, трудность переходовъ и неблагоприятная погода дѣлали странствованіе наше медленнымъ. Только въ двадцатый день, по выѣздѣ изъ Нижнеколымска, отыскали мы Чукчей, наѣхавши на таборъ ихъ при р. Орракооль-вѣмъ, отъ скалы Ра-лява (Большой Барановъ) къ Востоку въ 120 верстахъ. Насъ приняли, послѣ небольшихъ предварительныхъ переговоровъ предъ ихъ становищемъ.

И вотъ они—переговоры:

— Торома (здорово).

— Торома.

— А, вы Русскіе, съ Колымы.

— Съ Колымы.

— А что тамъ нѣтъ повѣтрія?

— Нѣтъ, и все хорошо.

— Люка пріѣдетъ сюда?

— Э, вотъ онъ (Лука Бережновъ).

— Ааа, Люка, торома. А это кто?

— Священникъ.

— Эээ, эпѣпѣль.....

Домохозяинъ, у котораго остановился я по имени назывался Аканькѣвъ, Майникляволь (двуимянный), т. е. страшный силачъ, исполинъ. Онъ имѣлъ необыкновенной величины голову и соотвѣтственные ей чрезвычайнаго объема жилистые кулаки, что придавало ему большую важность въ кругу своихъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова исполинъ, его считали за существо особенное и Аканькѣвъ,

пользуясь этимъ преимуществомъ, частенько прогуливался верхомъ на синахъ (сугошеромъ) своихъ пріятелей 21), и хотя за такой деспотизмъ бранили его въ глаза и по заочью, но никто не смѣлъ ослушиваться, когда онъ приказывалъ иѣсти себя иногда верстъ 20 и болѣе. А впрочемъ Аканькѣвъ добрый человекъ. Мы съ нимъ скоро познакомились. Онъ между прочимъ разсказалъ мнѣ исторію своего рода.

Отець его — Мирго былъ богатый, милостивый, набожный, знатный Чаучу. У него было множество оленей, раздѣленныхъ на четыре стада. Численность головъ въ каждомъ стадѣ измѣрялась довольно оригинально, слѣдующимъ образомъ. Тонкіе древесные прутки перерѣзывали на мелкія части, и этими рѣзочками наполняли рукавицы съ малахаями. У Мирго въ каждомъ стадѣ оленей считалось столько, сколько вмѣщали въ себѣ двѣ рукавицы, наполненныя прутиками. Мирго постоянно призиралъ бѣдняковъ, давая неимущимъ кровъ, одежду, пищу. Сорокъпологовъ служили у него надежнымъ пріютомъ равно для богатыхъ и бѣдныхъ. Набожность его обнаруживалась тѣмъ, что онъ иногда по цѣлымъ долгимъ днямъ простаивалъ на колѣняхъ, обратясь лицомъ къ солнцу. Мирго, конечно молился, и это дѣлать онъ любилъ наединѣ, отдаясь отъ людей. Мирго былъ уважаемъ отъ своихъ и всѣми чтимъ. Онъ благоденственно дожилъ до сѣдаго возраста, называемаго старостью; но, къ сердечному прискорбію Майникляволя, скончался безъ обычной и священной у Чукчей церемоніи, соблюдаемой ими при смертныхъ случаяхъ 22). Умирая Мирго такъ увѣщевалъ своихъ; «смертельно мучусь я, сжальтесь, отпустите меня къ родникамъ.» Но у предстоявшихъ не поднимались руки исполнить отпускарнаго обряда, т. е. убить его. Вы мучите меня, за слабодушіе ваше я тоже стану мучить васъ, сказалъ наконецъ Мирго, — это были послѣднія его слова. Онъ умеръ. И многіе плакали объ немъ, сожалья наипаче о томъ, что онъ былъ лишенъ, послѣдняго долга. И вотъ, выполняя зачатіе свое, покойный вошелъ въ своего сына,

чтобы исполнить правду, мучить родныхъ и потомство. Разсказъ сей Майникляволь заключилъ правоученіемъ: пусть люди видятъ и научатся. Выслушавъ все это я подивился страннымъ религіознымъ чукотскимъ обрядамъ и вѣрованіямъ и прочиталъ скорбѣвшему собесѣднику моему V и VI заповѣди закона.

Когда собрались ко мнѣ здѣшніе созванные мною чрезъ Майникляволя, я благовѣтствовалъ имъ миръ и спасеніе въ Богѣ. Я говорилъ имъ: «соединимся духомъ и сердцами. Единство Вѣры сдѣлаетъ насъ однимъ счастливымъ народомъ, истинными друзьями и братьями, это порадуетъ и Великаго Государя нашего. И всѣ просвѣщенные люди, когда услышатъ, что Чукчи познали Отца Небеснаго, возблагодарятъ Бога. Вотъ я пришелъ къ вамъ изъ дальней страны, совершивъ путь не малотрудный. Что нужно мнѣ отъ васъ, или чего ищу я? Я желаю только вамъ добра, тружусь для вашего спасенія. Креститесь во Имя Тринединаго, котораго проповѣдую и которому поклоняются народы».—Выслушавъ меня, Чукчи молчали, какъ-бы размышляя, что дѣлать; они какъ-бы выжидали, что бы изъ среды ихъ кто нибудь одинъ за всѣхъ отвѣчалъ. Нѣкто шаманъ, по имени Тиѣпо, возсталъ противъ меня, дѣлая возраженіе и вотъ между нами завязалось прѣніе, котораго я не могъ избѣжать, несмотря на принятое мною правило уклоненія отъ споровъ. Тиѣпо возражалъ слѣдующее:

«Вы люди Русскіе, Богъ далъ вамъ и Вѣру русскую и лошадей; потому у васъ и Вѣра русская и ѣздите вы на лошадяхъ, а самъ Богъ на небѣ. Мы люди Чукчи, Богъ далъ намъ и Вѣру чукотскую и оленей; потому у насъ и Вѣра чукотская, и ѣздимъ мы на оленяхъ, а самъ Богъ на небѣ. Итакъ вы Русскіе вѣруйте по русски и оставайтесь съ вашими лошадьми; а мы Чукчи будемъ вѣровать по чукотски и останемся съ нашими оленями. Богъ же, прасматривающій за всѣми народами и за всѣми вѣрами, будетъ глядѣть съ неба и видѣть: по русски ли живутъ Русскіе, по чукотски

ли Чукчи, и каково каждый исполняетъ свою вѣру на землѣ». Къ этому возраженію противникъ мой еще присовокупилъ одно обстоятельство, что при самомъ польздѣ моемъ къ табору, онъ, Тнѣпо, скоропостижно занемогъ жестокою головою болью. Тнѣпо видѣлъ въ этомъ неблаговоленіе ко мнѣ духовъ Чукотской земли.

Отдавая честь смысленности моего соперника, я благодарилъ его за вниманіе къ духовной бесѣдѣ, причемъ внушалъ бывшему тутъ народу имѣть къ шаману Тнѣпо уваженіе. Не знаю почему, но я думалъ тогда, что успѣхъ проповѣди моей будетъ зависетьъ на этотъ разъ отъ Тнѣпо.

И я снова обратился къ нему съ моимъ словомъ: «Тнѣпо! самъ ты свидѣтельствуешь о своей жестокой головной боли, которою ты страдалъ при появленіи моемъ предъ вашими домами; но вошь, Господь, которому я служу, даровалъ тебѣ облегченіе и ты пришелъ ко мнѣ здоровъ. Выслушай меня. Слова твои убѣждаютъ меня, что ты размышлялъ о предметахъ духовныхъ. Спасительная истина близка къ тебѣ.

«Все доброе у васъ, будучи пріятно Богу, радуется и меня, и измѣненій въ томъ не нужно, пусть оно остается по прежнему, какъ было и есть. Но подумай: когда умремъ, что съ нами будетъ тогда? На томъ свѣтѣ допросятъ насъ, скажутъ: люди вы были не худые и умные. За чѣмъ же вы разсуждали и сердцемъ вашимъ пеклись только отъ оленяхъ однихъ, да отъ лошадахъ, а о душахъ своихъ позабыли и Бога, создавшаго все; за чѣмъ не познавали вы и не воздавали Ему подобающей чести? За чѣмъ не слушались тѣхъ, кого по временамъ посылалъ къ вамъ Самъ Онъ?—Проповѣдую тебѣ, Тнѣпо, и всѣмъ вамъ, слушатели, что души человѣческія безсмертны, онѣ не умираютъ. Самыя тѣла человѣческія, сгорѣвшія ли въ огнѣ, потонувшія ли въ водѣ, пожранныя ли животными, истлѣвшія ли въ землѣ,—со временемъ воскреснутъ для иной лучшей жизни. Проповѣдую вамъ, что кромѣ жизни настоящей есть еще жизнь будущая, безконечная, злая для злыхъ, благая для благихъ; что кромѣ

видимаго міра и свѣта, есть еще міръ и свѣтъ невидимый, духовный, несравненно лучшей того, въ которомъ обитаемъ нынѣ и нѣтъ тамъ недостатка, а солнце—Самъ Богъ. Проповѣдую вамъ, что Единъ Богъ. Онъ всемогущимъ Словомъ Своимъ изъ ничего создалъ вселенную и всѣмъ управляетъ. Времена съ составами своими и предѣлы всему устроены Имъ. Онъ всесвятый въ славѣ Своей на небесахъ, превъше солнца и звѣздъ, во свѣтѣ неприступномъ даже для самой мысли, но доступной для св. Вѣры и любви. Далекій отъ грѣшниковъ, Онъ—источникъ всякаго блага. Слушатели, познавайте Бога, чтите Его и призывайте съ благоговѣніемъ. Познавайте и самихъ себя; не дѣлайте зла и удаляйтесь отъ всего худаго и будьте благодущны.

«Возвѣщаю вамъ, что съ небесъ на землю пришелъ Единородный Сынъ Божій, Предвѣчное Слово Божіе, Самимъ Отцемъ Богомъ посланное для спасенія нашего и воплотившееся во Христѣ Іисусѣ. Слово Божіе, будучи полное благодати и истины, духовне и тѣлесне обитаетъ въ обществѣ вѣрныхъ Ему. Призываю васъ, друзей моихъ, имѣть общеніе съ Сыномъ Божіимъ, проповѣдуемымъ мною. Вѣрьте словамъ моимъ, вѣруйте въ Сына Божіяго и креститесь во Имя Его. Здѣсь на землѣ найдете миръ и благоденствіе, на небесахъ уготованы вамъ неизреченныя милости Его и жизнь нестарѣющая; тамъ свѣтло и радость постоянная.»

Во время сей проповѣди, у моихъ ногъ сидѣлъ Маіникляволь. Когда я кончилъ, онъ, поднявши руки, громко произнесъ: тыльмааявакъ, т. е. вѣрую, надобно креститься. Нѣсколько голосовъ поддержали его сторону. Шаманъ Тыло, а во св. крещеніи Андрей, присоединился къ оглашеннымъ. И приобрѣтено тогда 18 душъ.

11—13 Авг. Ульѣвкѣ, когда прибывши къ нему, я проповѣдывалъ Чукчамъ Слово Божіе и говорилъ о Тайнѣ воплощенія Сына Божіяго и о крещеніи во Имя Его, отвѣчалъ мнѣ размышленіемъ огорчительнымъ, такими словами: «я молодъ былъ, Руескіе предлагали мнѣ свое знакомство,

лаская дружбой; сопротивляться было нельзя и я крестился. Теперь гляжу на бывшее иными глазами, стариковскими. Что принесло намъ крещеніе? Испыталъ на себѣ, видѣлъ и надъ другими, что, крестившись, люди бѣднѣютъ; стада у нихъ умалются, олени пропадаютъ, переводятся. Да и самые люди переводятся и пропадаютъ иногда неладно, съ тѣхъ поръ, какъ начали креститься. Стариковъ почти вовсе не стало. Многіе умерли не полюдски, а такъ себѣ, какъ какіе нибудь брошенные олени, негодные. Встарину не водилось этого съ нашимъ народомъ. Бывало всѣ наши умирали по нашему. Нѣтъ, я не позволяю никому креститься, и самъ хочу умереть по человѣчески. Чѣмъ жизнь свою началъ человѣкъ, т. е. кровью, болями и воплемъ безсознательнымъ, тѣмъ долженъ и оканчивать еѣ.

Молодой человѣкъ, съ косою, съ черными кудрями по плечамъ, съ правильными чертами лица и съ черными какъ смоль глазами, задумчиво стоялъ, опершись о треногъ шатра. Это шаманъ. Послѣ старика Ульвѣка, онъ, оборотясь къ своимъ, выразительно произнесъ: не надобно, а ко мнѣ: не хотимъ! и вышелъ вонъ.

Заговорилъ Таннитанъ, любимый сынъ Ульвѣка; вотъ слова его: «мы живы оленями и безъ нихъ нельзя намъ быть живыми, въ здѣшнемъ краѣ. Уменьшенія въ стадахъ не желаемъ, къ нищетѣ не расположены и не хотимъ креститься».

Тогда Чукчи разошлись и я былъ оставленъ всѣми. Самые Юкагиры и Чуванцы, дотога сопутствовавшіе мнѣ и постоянно находившіеся со мною, примѣтивъ, видно, неудачу мою, до одного куда то разбрелись.

Опечаленный духъ мой возжаждалъ уединенія и молитвы и я, не сказавши о себѣ, никѣмъ незамѣченный, удалился къ одному озеру. На дворѣ было утро. Голубое небо отразилось въ спокойныхъ водахъ, тишина была безпробудная; но жизнь природы проявлялась во всемъ. Красногрудые лебеди, любуясь собою, гордо плавали по водѣ и далеко оставляли струистый слѣдъ свой. Видимая природа была прекра-

сна, освѣжающей воздухъ и тишина облегчали мою скорбь и имѣли благотворное вліяніе на сердце и мысль.

Около полудня ко мнѣ подошелъ Чуванецъ.

— Мы ищемъ тебя. Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я пошелъ сюда, чтобы удить рыбу.

— Старикъ тревожится изъ за тебя.

— Нуженъ сталъ я?

— Не знаю. Да вѣдь весною Эрэмъ заказывалъ съ Чавана принять тебя. Ульвѣкъ знаетъ о заказѣ, и каково же ему, когда ты уходишь отъ него!....

Послѣ сего Ульвѣкъ сдѣлался уступчивѣе, онъ извинялся такъ: «мы любимъ независимость и волю и просторный свой край. Холодъ, снѣга и льды наша стихія и все наше намъ хорошо. Но какъ обойтись безъ табаку и желѣза, мы не умѣемъ, а то и другое къ намъ идетъ отъ Русскихъ. Отъ Русскихъ же иногда пользуемся и водочкой. Да за чѣмъ это Камичаръ (т. е. Коммисаръ, Исправникъ) не велитъ привозить къ намъ водки! Вѣдь тутъ ничего дурнаго нѣтъ. По чарочкѣ, по другой выпьешь ея—веселящей и сердце отмякнетъ, забудешь про всякое горе, душа отдохнетъ отъ житейскихъ заботъ. И только. Я часто твержу моимъ дѣтямъ: держитесь Русскихъ по ближе, безъ нихъ намъ не прожить.»

И все, благодареніе Богу, кончилось крещеніемъ 34-хъ человѣкъ. Самъ Ульвѣкъ потрудился пригласить новопривзванныхъ ко мнѣ для слушанія огласительной проповѣди, помогалъ мнѣ все приводить въ порядокъ и устраивать крещальную купель, а при совершеніи Таинства, показывалъ собою для новопросвѣщаемыхъ примѣръ, какъ должно молиться, и самъ стоялъ съ зажженною свѣчою въ рукѣ.

Объ обычаѣ Чукчей умирать съ кровавымъ напутствіемъ, я говорилъ крещенымъ изъ нихъ: не дѣлайте такъ, а умирайте по русски.

16—17 Авг. Кончивъ съ здѣшними Чукчами мои дѣла, я отъ мыса Большаго Баранова отправился на островъ Аё-Нутэ-нуть. Чтобы достигнуть его надо было перебираться черезъ

проливъ; версты три шли бродомъ по морской, ѣдкой, холодной водѣ, перемѣшанной со льдомъ. Въ здѣшнемъ морѣ незамѣтно суточныхъ приливовъ; но въ самое время переброта, отъ дѣйствія сѣверозападнаго вѣтра съ моря, случился приливъ и вода поднялась. Лошади пустились вплавъ и выюки сбило. Было страшно. Добравшись до берега, съ версту мѣста маялись по топучему илу-сосуну, и едва едва не утонули въ немъ. Въ малую воду здѣсь можно переходить съ меньшими хлопотами и безопасно. На островѣ Ае-Нутэнутѣ я остановился у Рыкѣо-Йонля 23). Меня привяли хорошо и отвѣли удобное помѣщеніе, въ просторномъ, сухомъ и тепломъ пологу. Но рядомъ со мною, въ сосѣдствѣ ночевала шаманка, отъ которой помѣщеніе мое отдѣлялось лишь одною кожанною стѣною и мнѣ было очень не спокойно. Коверканье, завыванье, погромъ въ бубень длились безъ конца и я не могъ спать, какъ ни желалъ для подкрѣпленія силъ, взнуренныхъ усталостію отъ труднаго пути и въ особенности отъ труднаго переброта на островъ по водѣ, чрезъ морской проливъ. Когда же стало разсвѣтать, шаманка представила предо мной съ распущенными волосами, блѣдная и вся въ синевцахъ. Мужественная физіономія ея, широкій, выпуклый лобъ, поднятая грудь, могучія плечи, увѣсистыя кисти рукъ, высокій ростъ—все въ ней было необыкновенно и невольно рождали вопросъ: не маскируются ли чукотскіе шаманы? 24) — Эпѣпѣль, сказала она кроткимъ голосомъ, показывая на свои ушибы, что сдѣлали со мною духи непокорные.—Крести меня.

Случилось, что родной дядя Йонля, старичекъ Антре, представилъ ко мнѣ трудно-больную малютку дочь свою, которую я тотъ часъ же и крестилъ, краткимъ послѣдованіемъ, страха ради смертнаго. Это происходило вечеромъ. На утро Антре (т. е. Андрей) и жена его пришли ко мнѣ со слезами умиленія на глазахъ и показали мнѣ свое дитя здоровымъ. Благословивъ младенца огражденіемъ крестнымъ, я вспомнилъ, что хвала Господу угодна, изъ устъ сухихъ совершаемая.

И сказалъ бывшимъ тутъ: Благодарите Отца Бога, который тамъ на небесахъ, но близокъ къ намъ своею милостию благодатною.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Лѣтомъ въ Нижнеколымскѣ едва насчитаешь дыма 2—4. Во время ярмарки здѣсь собирается до 500 душъ разнаго люда и въ домахъ становится тѣсно. Духовные, военные, чиновники, купцы, мѣщане, крестьяне, Якуты, Тунгусы, Юкагиры, Ламуты, Чуванцы, а иногда и Чукчи: словомъ, тутъ на лице всѣ мѣстныя сословія и племена, какія только обрѣтаются въ Якутской области. Сверхъ сего, въ Апрѣлѣ, Мартѣ, здѣсь скопляется множество собакъ съ Анюевъ, съ Омолона, съ низу, съ верху и со всей пространной Колымы, а также съ Индигирки и съ р. Анадыра, а иногда и съ мыса Шалагскаго. Эти животныя по временамъ завываютъ цѣлымъ хоромъ дикаго, отчаяннаго лаянья. Сначала затявкаетъ заунывно одна какая нибудь изъ собакъ, ей подхватятъ и вдругъ грянетъ поразительное tutti въ полторы тысячи голосовъ. Завоетъ эхо, откликнется въ лѣсу и долахъ и застонетъ вся окрестность. Этотъ гамъ тянется однакожь не долго, мало по малу онъ стихаетъ и оканчивается также одиночнымъ лаяньемъ. Такой приѣмъ повторяется въ сутки раза по четыре.

2) Анюйская крѣпостца первоначально была устроена на островѣ р. Анюя, и ее прежде называли Островною крѣпостцею, или просто словомъ: Островное.

3) Въ нарту на Колымѣ запрягается отъ 10-12-ти собакъ. Относительно платы за подводу, нарта въ Колымѣ считается за полторы лошади. Собачій вучеръ, по колымски—каюр-

щикъ; собачья шлея—алыкъ. Собакъ кормятъ вытями, въ сутки разъ. На выть десяти рабочимъ собакамъ потребно въ сутки 100 сельдей или другой какой рыбы, а въ годъ, на 365 вытей, 36500 сельдей. Тысяча сельдей въ Нижнеколымскѣ цѣнится отъ 7 р. 50 к. до 5 р. с. Обыкновенная прыговая собака цѣнится 2—4 р., лучшая 7—10 р. с., промышленная, охотничья 10 и до 50 р. с. Собаками управляютъ, крича такъ:

Пооць-пооць, — сзываютъ собакъ.

Тта!

Паццà, пачàа! } понукаютъ собакъ.

Тооо, тааа,—стой!

Нахъ, нàахъ,—на лѣво поворачиваютъ.

Сюдда!—на право поворачиваютъ.

Нартяныя полозья бываютъ: осенью—корневья, весною—подбитыя костями, зимою—березовья моченья и съ войдою.

Войдою называется слой льда на полозьяхъ, наведенный кипяткомъ. Моченья полозья съ войдою катятся гораздо легче, чѣмъ сухія и безъ войды.

4) Затвердѣлая листовничная сѣра называется жевальною или кусальною. До нея въ Нижнеколымскѣ много охотниковъ. Она употребляется какъ лакомство и служитъ для очищенія зубовъ и уничтоженія запаха во рту.

5) Вересокъ—можжевельникъ мелкій.

6) Юкагиры, да и вообще всѣ обитатели Нижнеколымскаго края, кромѣ развѣ двухъ или трехъ домовъ, ведутъ жизнь кочевую: въ одномъ мѣстѣ веснують съ сѣтями или съ мережею, въ другомъ лѣтуютъ съ неводомъ, въ третьемъ ловятъ подледную рыбу, въ четвертомъ зимуютъ. Юкагиры кромѣ сего кочуютъ съ мѣста на мѣсто, карауля прохожаго оленя или гоняся за куропатками и зайцами. Иногда также ходятъ за лѣнною птицею — утковать, гусевать, лебедовать; иногда слѣдятъ лося, или же прикармливаютъ ли-

сицу. Другихъ способовъ къ пропитанію въ Нижнеколымскѣ и нѣтъ почти. Скотоводство ничтожное, хлѣба зерноваго тамъ не сѣютъ, это дѣло не возможное. Съ 1842 г. начали похаживать на море, за нерпою; но этотъ промыселъ еще только начинается. Женщины и дѣти каждагодно, осенью, отправляются въ походъ на мышей, разоряютъ сихъ предусмотрительныхъ животныхъ, обирая у нихъ съѣстные ихъ припасы:—макаршу, пельхи и. т. п. и мышьямъ добромъ послѣ лакомятся зимою. За грибами во все не ходятъ; тамъ ихъ весьма мало. Годомъ, когда выходитъ ягодное лѣто, собираютъ морошку, которую продаютъ по 1 р. с. за ведро и бруснику по 35 к. с. за ведро. Рыбы въ Нижнеколымскѣ, нечего сказать, очень много и притомъ хорошей. Сельдей промышляютъ милліоны; омулей, нельмъ, чировъ, максуновъ и проч. десятки тысячъ; но и всего этого мало при собакахъ, такъ что рѣдкая весна минуетъ въ полномъ довольствѣ. Иногда рыба сляживается; сбережь ее долго нельзя и она портится скоро.

7) Вадига почти тоже, что и плесо. Но плесо на рѣкѣ выражаетъ понятіе о внѣшней сторонѣ извѣстнаго пространства воды, а вадига на рѣчкѣ и есть собственно глубокое пространство рѣки между шивирами. Шивирами (нач. швырокъ) есть крутой скатъ рѣки съ вадиги на вадигу.

8) Экыригаули извѣстны мнѣ по сказаніямъ чукотскихъ торговцевъ, которые къ симъ Американцамъ каждагодно плаваютъ для торговли на своихъ кожаныхъ байдарахъ, отправляясь съ мыса Пѣккъ. Экыригаули не признаютъ надъ собою ни чьей власти, они не тѣрпятъ и между собою никакой зависимости. Управленіе у нихъ, по словамъ Чукчей, точно также организовано, какъ и у оленныхъ, коихъ общественная жизнь не подлежитъ сомнѣнію. Экыригаули имѣютъ собственный языкъ, не похожій на языкъ чукотскій. На носу и на губахъ у нихъ проколоты дирочки, къ которымъ привѣшены костяныя вставки, выдѣлываемыя изъ моржовыхъ клыковъ. Люди сіи будто бы многочисленнѣе Чукчей.

9) Эрэмъ тоже по чукотски, что по якутски тоёнъ, т. е. господинъ, начальникъ, чиновникъ.

10) Церковь сія, и вмѣстѣ съ часовнею, въ 1850 г. приписана къ Нижнеколымской церкви. Этимъ какъ бы прекращено и самое существованіе Якутской Духовной Миссіи, какъ достигшей своего назначенія. А къ Чукчамъ посланъ въ томъ году особый священникъ.

11) Необщительность сія бросается въ глаза. 200 лѣтъ Колымшане и Чукчи трутся, такъ сказать, рука объ руку, живя бокъ о бокъ и не смѣютъ другъ къ другу заглянуть. Это странно, а между тѣмъ это подлинно такъ; по крайней мѣрѣ это существовало до 1844 года. За исключеніемъ старинныхъ набѣговъ, Чукчи на Колымѣ погостили всего однажды: двое изъ нихъ пріѣзжали сюда по приглашенію протоіерея Слѣпцова въ 1812 году. И только. Изъ Колымшанъ, послѣ экспедиціи Барона Врангеля (въ 1820, 1821 — 1823 годахъ) къ Чукчамъ, въ ихъ внутреннія мѣстожителства, вообще никто не ѣздилъ, кромѣ какихъ нибудь двоихъ очукчѣлыхъ Юкагировъ. Чуванцы составляли нѣчто среднее между Чукчами и Юкагирами; но и они осмѣливались бывать временно лишь на Чаванѣ, и то съ боязнію, а далѣе Чавана не показывались. Не берусь изъяснить столь страннаго явленія несообщительности. Я знаю только, что съ 1844 года отношенія между Чукчами и Колымшанами совершенно измѣнились: Чукчи, числомъ до 40 юртъ, подкочевали къ самой Колымѣ и живутъ здѣсь съ Русскими по братски. И Русскіе съ этого времени тоже стали гораздо по смѣлѣе, и на Чаванѣ и на Эррѣнѣ (*) ѣзда уже не рѣдкость, хотя еще и почитается какъ бы за подвигъ. Полагаютъ, что допущеніе съ Чукчами свободной торговли (т. е. безъ акта, неприносящаго впрочемъ выгодъ казнѣ), и разрѣшеніе безпрепятственнаго вѣзда въ Чукотскія мѣста всѣмъ Колымскимъ

(*) Эррѣнъ—Шалагскій мысъ.

обывателямъ и во всякое время, повели бы къ результатамъ болѣе удовлетворительнымъ, тогда и дѣйствія Духовной Миссiи могутъ расширяться и принести свои плоды.

12) Кòлымшане-Русаки въ описываемое время, за исключенiемъ 100 лѣтняго Сотника-переводчика А. Кобелева и ученика его 65 лѣтняго П. К., — по чукотски не разумѣли говорить. А чтобы не связывать себя какимъ нибудь Корякою, изъяснялись обыкновенно жестами, на скоро придуманными. Это тоже доказываетъ необщительность. Въ слѣдующее десятилѣтiе по сей части произошли перемѣны къ лучшему.

13) Куря табакъ, Чукчи затягиваются дымомъ и потомъ, съ особеннымъ наслажденiемъ, мастерски выпускаютъ изъ рта и носу кружки, пронизывая ихъ за тѣмъ струею дыма; эти пролѣвки они совершаютъ иногда, напившись чаю. Курительный табакъ, изъ экономiи и ради вкуса, мѣшаютъ съ древесными стружками. Лемешина тоже, что и жвачка; Чукчи охотники класть табакъ за щеку.

14) Эпѣпѣль — попъ. Апапѣль — тожь. Примѣчательно, что русское и чукотское слово это сходно по звукамъ.

15) Въ числѣстряпни была одна—рилькаэль, а по юкагирски маняло, замѣшенное на китовомъ жиру. Эта пища у Чукчей почитается лакомою и въ большой чести.

16) Чàучу — олений Чукча. Оленныхъ Ламутовъ, Тунгусовъ и Юкагировъ, Чукчи называютъ Каарамкѣль, Каарѣмкитъ.

17) Эйчувульгинъ — лаханка черная.

18) Пдѣки, названiе чукотской обуви.

19) Благодарность за угощенье Чукчи иногда выражаютъ словомъ: тпàякъ, т. е. я пересталъ ѣсть.

20) Чукчи ѣдятъ также тальничный листъ, заквашенный въ перпячемъ жиру, и кору съ тальничныхъ корней, заѣдая оную кислымъ перпячимъ жиромъ. Морская капуста тоже идетъ въ пищу.

божественный. Энгэнкляволь повелѣваетъ бурями, управляетъ луною и рукою снимаетъ съ неба яркія звѣзды, да въ пазуху себѣ кладетъ ихъ, не обжигаясь огнемъ небеснымъ. Когда однажды я доказывалъ противное, ко мнѣ подошолъ мутноглазый человекъ, плюнулъ себѣ на ладонь, потеръ рука объ руку и вышелъ свѣтленькій камушекъ, которымъ почтеннѣйшая чаванская публика угощала свое зрѣніе, какъ чудомъ. Этого мало. Магъ, желая продолжать опыты своего волшебнаго могущества, потребовалъ ножъ, въ намѣреніи проколоть себѣ грудь. Но я остановилъ его, сказавъ: — довольно!

ЧУКОТСКІЙ СЧЕТЪ.

Эниѣнь	1.	Эннанъ мѣллинѣнь	6.
Нирѣ	2.	Нирѣ мѣллинѣнь	7.
Нирò	3.	Амигурòвутькѣ	8.
Нгра	4.	Конячинькѣ	9.
Мѣллинѣнь	5.	Мингиткѣнь	10.
		Мингиткѣнь эниѣнь пароль	11.
	— —	Нирѣ пароль	12.
	— —	Нирò пароль	13.
		Кильгинкѣнь	15.
	— —	Эниѣнь пароль	16.
	— —	Нгра пароль	19.
		Кликкинъ	20.
	— —	мѣллинѣнь пароль	25.
	— —	кильгинкѣнь пароль	35.
		Нирѣ кликинъ	40.
		Нирò кликинъ	60.
		Мѣлѣнгъ клѣккинъ	100.
		Нирѣ мѣлѣнгъ клѣккинъ	200.
		Кликкѣ клѣккѣ кликинъ	8000 и т. д.

ОЧЕРКИ

ТУРУХАНСКАГО КРАЯ.

Члена-Сотрудника Князя Кострова.

I.

Вступленіе. — Сообщеніе съ Туруханскимъ краемъ. — Городъ Енисейскъ.

Въ описаніи, предлагаемомъ мною, я представляю нѣсколько очерковъ сѣверной части Енисейской Губерніи, известной вообще подъ именемъ Туруханскаго края. Страна эта принадлежитъ къ числу такихъ пустынныхъ и отдаленныхъ мѣстъ обширной Сибири, куда какъ-то страшно перенѣстись даже воображеніемъ. Ея тайги, перерѣзываемыя бурными, многоводными рѣками, дики и недоступны; ея тундры, усеяныя обширными озерами, холодны и непроходимы. Почти двухъ-мѣсячная ночь, озаряемая только сѣверными сіяніями (сполохами), виситъ надъ этою пустынею. Это страна снѣговъ, вьюговъ и жестокихъ морозовъ. Однакожь не смотря на все это, Туруханскій край интересенъ во многихъ отношеніяхъ для всякаго образованнаго человѣка. Не говоря уже о величіи природы, вѣчно обаятельной и въ своей тропической красотѣ, и въ своемъ полярномъ ужасѣ; не говоря объ историческихъ воспоминаніяхъ, соединенныхъ съ этимъ кра-

емь, о первыхъ завоевателяхъ Сибири,—здѣсь можно встрѣтить остатки поколѣній, переселившихся на Сѣверъ, нѣкогда, можетъ быть сильныхъ и могучихъ, но нынѣ ничтожныхъ, исчезающихъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе. Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и эти племена не возвратно исчезнутъ въ массѣ русскаго населенія. У кого есть малѣйшая возможность познакомиться съ бытомъ исчезающихъ племенъ, тотъ, по моему мнѣнью, необходимо долженъ передать свои наблюденія въ сокровищницу науки. Вотъ мысль, единственно заставившая меня привесть въ порядокъ собранныя мною свѣдѣнія, съ цѣлью набросать здѣсь нѣсколько очерковъ Туруханскаго края.

Туруханскій край составляетъ огромную площадь земли, равняющуюся 1,427,220 квадратнымъ верстамъ. Границы его: къ Сѣверу: Сѣверный океанъ; къ Востоку: рѣка Анабаръ; къ Югу: Анцыферовская волость, Енисейскаго округа и къ Западу: рѣка Тазъ. Рѣкою Анабаромъ Туруханскій край отдѣляется отъ Якутской области, а рѣкою Тазомъ, отъ сѣверныхъ частей Тобольской и Томской Губерній. Вся эта пустыня населена не болѣе 5 т. душъ, какъ Русскихъ, такъ и инородцевъ.

Единственный путь сообщенія съ Туруханскимъ краемъ и зимою и лѣтомъ, начиная отъ самой его границы, до Сѣвернаго океана, это Енисей, быстрый широкій Енисей, равняющійся по величинѣ со многими первокласными рѣками земнаго шара.

Судя по естественному порядку вещей, казалось-бы, что дорога по Енисею зимою должна быть превосходная. Однакожь на дѣлѣ выходитъ совершенно противное. Прежде нежели рѣка замерзнетъ, во многихъ мѣстахъ ея образуются огромныя льдины, которыя сплываясь другъ съ другомъ, сталкиваются, трутся, становятся на ребро и когда окончательно скрѣпятся морозомъ, то вся поверхность рѣки представляется не ровно покрытою льдомъ, и какъ будто заваленною имъ. Чтобы проложить не дорогу, а тропинку между

этимъ, въ безпорядкѣ нагроможденнымъ льдомъ, надо употребить не мало времени, тѣмъ болѣе, что проѣздъ сюда въ зимнее время бываетъ очень малъ, а осенью съ послѣднихъ чиселъ Сентября до половины Ноября, онъ и вовсе прекращается. Въ послѣдствіи времени дорога хотя и означается проѣздомъ казака или чиновника Земской Полиціи, но мятели и бураны, не рѣдкіе гости въ этомъ краѣ, застилаютъ путь такъ, что не бываетъ видно и слѣдовъ дороги. Но устранивъ даже мятели и бури, дорога по Енисею такъ узка, что двѣ лошади въ рядъ идти не могутъ, а потому ихъ запрягаютъ гусемъ, одну за другой по двѣ, по три и болѣе. Въ прежнее время на лошадяхъ ѣздили только до села Дубчесскаго, въ 390 верстахъ отъ Енисейска, а отсюда уже на собакахъ. Но теперь собаки здѣсь почти со всѣмъ перевелись и ѣзда, обыкновенно, производится до самаго Туруханска на лошадяхъ. Скученъ и утомителенъ путь по Енисею зимою! Передъ вами одна и таже грустная картина въ продолженіи нѣсколькихъ дней: горы, выставлющія свои голые каменистые утесы, лишенные растительности; сплошная тайга, осыпанная густымъ снѣгомъ и инеемъ и разительно выказывающая черноту своихъ гигантскихъ стволовъ при ярко блестящемъ фонѣ снѣга, наконецъ — длинная лента дороги, засыпанной по сторонамъ сугробами снѣга и пересѣкаемой въ иныхъ мѣстахъ полыньями, надъ которыми въ самые трескучіе сорока-градусные морозы клубится густой паръ. Такія полыньи по Енисею встрѣчаются очень часто, и, угрожая опасностью проѣзжему, препятствуютъ съ тѣмъ вмѣстѣ и проложенію дороги. Въ продолженіи зимы безпрестанно открываются новыя полыньи, а потому необходимость заставляетъ измѣнять направленіе дороги: отъ того она, не будучи постоянной, не можетъ быть и хорошей. Иногда вы ѣдете и удивляетесь страшному безмолвію, господствующему всюду: даже ямщики ваши, жители этихъ мѣстъ, какъ будто приуныли, подавленные суровою и грозною картиною ихъ родины; иногда напротивъ вы неожиданно бываете пораже-

ны трескомъ, подобнымъ ружейному выстрѣлу: это отъ жестокихъ морозовъ трескается ледъ или деревья. Но вотъ съ горъ подулъ вѣтеръ, заскрыпѣли деревья, поднялись облака снѣгу. Это пурга: она грозно мчится по рѣкѣ между горъ, валить съ ногъ лошадей и засыпаетъ снѣгомъ единственную дорогу. Путникъ думаетъ, что это просто порывъ вѣтра, что все это скоро кончится, но нѣтъ; проходитъ часъ, другой, пурга не утихаетъ. Вотъ уже совершенно стемнѣло; люди окоченѣли отъ холода; лошади едва передвигаютъ ноги по сугробамъ снѣга, колокольчикъ чуть слышенъ при завываніи вѣтра. Горе путнику, если по близости нѣтъ зимовья!

Отъ границы Енисейскаго округа, до города Туруханска, эти зимовья или деревеньки состоятъ изъ трехъ, пяти, семи и десяти дворовъ, почти на половину опустѣвшихъ отъ оспы; за Туруханскомъ къ морю, изъ одного, двухъ, трехъ и много пяти дворовъ, что впрочемъ очень рѣдко. Обыкновенный и, кажется, самый удобный путь отъ Енисейска до Туруханска — водою, вскорѣ послѣ вскрытія Енисея. Въ Туруханскѣ Енисей вскрывается въ концѣ Мая или первыхъ числахъ Іюня. Въ это же время, въ слѣдъ за льдомъ, начинается ходъ судовъ, имѣющихъ сношенія съ Туруханскимъ краемъ. Пунктъ отправленія ихъ — Енисейскъ; а потому я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ городѣ, тѣмъ болѣе, что онъ весьма важенъ для Туруханскаго края.

Енисейскъ, одинъ изъ окружныхъ городовъ Енисейской губерніи, замѣчательенъ во многихъ отношеніяхъ въ исторіи Сибири. Нѣкогда онъ завѣдывалъ всею обширною страной, лежащею между Енисеемъ и Леною, Сѣвернымъ океаномъ и Китайскою границею; посылалъ своихъ отважныхъ казаковъ въ непроходимыя дебри разыскивать племена, которыхъ можно бы было обложить ясакомъ и строить вездѣ, гдѣ только могъ, острожки и города. Въ короткое время онъ оставилъ по себѣ самую добрую память въ Исторіи Си-

бири. Стяжавъ славу завоевателя, Енисейскъ, въ послѣдствіи времени, не менѣе обратилъ на себя вниманіе и на мирномъ поприщѣ торговли: онъ былъ пунктомъ, гдѣ купцы Иркутскіе и Якутскіе встрѣчались съ купцами Московскими и Тобольскими, гдѣ голубой песецъ прибрежья Сѣвернаго океана и мамонтовая кость устья Лены мѣнялись на русскія и китайскія издѣлія. Сверхъ сего Енисейскъ, нашъ Санъ-Франциско, снабжаетъ всю сѣверную систему золотыхъ промысловъ своего округа, всѣми почти необходимыми предметами продовольствія и, ожидая лучшаго, сложа руки, сгребаетъ груды золота. Въ Сибири не даромъ обитателей его называютъ въ насмѣшку *сквозниками*: они хотя и плохо занимаются торговлею, но хорошо ее понимаютъ, видятъ, такъ сказать ее насквозь и, если возможно, не упустятъ случая зашибить копейку.

Въ 1618 году, по указу Царя и Великаго Князя всея Россіи Михаила Ѳеодоровича, Тобольскій воевода, Бояринъ, Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ для провѣданія какіе народы живутъ далѣе за рѣкою Обью, послалъ отрядъ казаковъ подъ начальствомъ Целымскаго сына боярскаго Петра Албычева и Тобольскаго стрѣлецкаго сотника Черкаса Рукина. Не доходя верстъ двѣнадцать до того мѣста, гдѣ рѣка Кемь впадаетъ въ Енисей, экспедиція остановилась, построила нѣсколько зимовьевъ, обнесла ихъ палисадомъ, укрѣпила башнями или стрѣльницами и назвала Енисейскимъ острожкомъ (*). Мѣсто, гдѣ основанъ острожекъ, было еще хуже, чѣмъ теперь: лѣвый берегъ Енисея былъ покрытъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, низокъ, иловать и заливался водою Енисея, который при городѣ версты двѣ шириною; вся окрестность

(*) По разсказамъ 80-ти лѣтнихъ стариковъ этотъ острожекъ находился вблизи соборной церкви; а не далеко отъ него, на самомъ берегу Енисея, стояла сѣверная сторожевая башня. Зданій этихъ давно уже не существуетъ, и даже самое мѣсто, гдѣ они находились, смыто Енисеемъ. Кромѣ того, въ разныхъ концахъ города

покрыта была болотами и озерами и только на другой стороне Енисея простиралась равнина, примыкавшая къ высотамъ, поросшимъ хвойнымъ лѣсомъ. Но отрядный начальникъ счелъ необходимымъ устроить здѣсь острожекъ потому, что вблизи бродили орды Тунгусовъ и Остяковъ, не совсемъ еще покоренныя, которыхъ все таки между тѣмъ необходимо было обложить ясакомъ. Мало по малу, сюда стали прѣзжать разные искатели приключеній изъ Тобольска и другихъ городовъ и бѣдный, ничтожный острожекъ сталъ заселяться. Въ продолженіи 23 лѣтъ, со времени своего основанія, онъ видѣлъ одинадцать воеводъ, присылавшихся большею частію изъ Тобольска. Изъ нихъ воевода Яковъ Ивановичъ Хрыпуновъ въ особенности достоинъ замѣчанія, какъ человекъ дѣятельный и отважный. Онъ находился въ Енисейскѣ съ 1622 по 1625 годъ, и въ такое непродолжительное время успѣлъ сдѣлать много для упроченія нашей власти по ту сторону Енисея и вверхъ по этой рѣкѣ.

Въ 1623 году въ Енисейскомъ острожкѣ былъ уже устроенъ женскій Рождественскій монастырь, а въ 1642 году Спасскій, мужскій. Около 1643 года народонаселеніе Енисейскаго острожка, какъ надо полагать, значительно увеличилось и въ немъ учреждена съѣзжая изба, а для управленія дѣлами присланъ былъ воевода Ѳедоръ Ѳедоровичъ Уваровъ. Съ 1664 года Енисейскій острожекъ сталъ уже въ письменныхъ актахъ называться настоящимъ острогомъ, а въ 1678 году вмѣсто съѣзжей избы въ немъ учреждена приказная изба. Вѣрные одной мысли—покорять Русскому Царю

было еще четыре сторожевыхъ башни, которыя лѣтъ 80 назадъ совершенно разрушились. Онѣ были квадратныя, занимая каждая до 10 сажень пространства и возвышаясь до 5-ти сажень. Послѣ 3-хъ сажень отъ земли, онѣ постепенно суживались и оканчивались шарами, въ которыхъ были утверждены флюгера. Сквозь каждую башню сдѣланъ былъ проѣздъ вышиною въ 2 сажени, а надъ нимъ сторожевая комната съ круглымъ окномъ.

поганныхъ бусурмановъ и облагать ихъ ясакомъ,—Енисейскіе воеводы безпрестанно посылали свои отряды въ разныя стороны съ этою цѣлю. Здѣсь было бы неумѣстно исчислять все ихъ дѣйствія, но необходимо сказать, что они были прямыми виновниками нашихъ завоеваній на Ленѣ и за Байкаломъ. За то и Тобольскъ, подъ вѣденіемъ котораго Енисейскъ находился все это время, былъ особенно расположенъ къ нему. Около 1690 года онъ получилъ названіе города и свой особенный гербъ, изображавшій двухъ соболей на заднихъ лапахъ, а въ низу лукъ со стрѣлою посреди соболей, остриемъ вверхъ (*). Г. Пестовъ въ своихъ запискахъ объ Енисейской губерніи (**) полагаетъ, что этотъ гербъ былъ у Енисейска еще тогда, когда онъ былъ острожкомъ; но это едва ли такъ, да и неизвѣстно на чемъ онъ основалъ это показаніе. Въ 1724 году въ Енисейскѣ учреждена Провинціальная Канцелярія, самъ онъ названъ провинціальнымъ городомъ и вѣденію его причислены города Красноярскъ и Туруханскъ. Однакожь не смотря на это, онъ все еще находился въ зависимости отъ Тобольска, въ то время главнаго города всей Сибири. Въ 1782 году по именному указу 19 Января, въ Тобольскѣ открыто намѣстничество и Енисейскъ причисленъ къ уѣзднымъ городамъ Томской области этого намѣстничества, а 17 Марта 1785 года, вмѣсто прежняго, ему данъ новый гербъ: въ золотомъ полѣ связка разныхъ звѣриныхъ шкуръ, на которыхъ лежитъ меркуріевъ жезлъ, «въ разсужденіи того, какъ сказано въ Высочайшемъ повѣленіи по сему предмету, что въ семъ городѣ бываетъ главная торговля мѣхами, на которую купечество съѣзжается

(*) Москва 1833 года стр. 149.

(**) Въ Степенной книгѣ о гербѣ города Енисейска сказано такъ: «У города Великаго Государя на печати вырѣзано: звѣри—два соболя, между ними стрѣла, а подъ ними лукъ внизъ тетивою, а около печати вырѣзано: печать Государева, земли Сибирскія Енисейскаго города. Прим. Р—ра И. С.

изъ всѣхъ мѣстъ». И дѣйствительно — это время было едва ли не самымъ лучшимъ временемъ торговли Енисейска. Находясь на распутіи между Тобольскомъ и Якутскомъ, онъ въ это время былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ и московскихъ и сибирскихъ. Съ 1-го по 25-е число Августа въ немъ ежегодно была въ это время ярмарка, на которую съѣзжались купцы петербургскіе, московскіе, вологодскіе, устюжскіе, таганрогскіе, казанскіе, тобольскіе, томскіе, красноярскіе, иркутскіе и якутскіе, Персы, Армяне и Бухарцы. Эта ярмарка была средоточіемъ торговли европейской и азіатской. Сюда привозились изъ Туруханска голубые и бѣлые песцы, соболи, чернобурья, сиводусчатая и красная лисица, бѣлые и черные медвѣди, бѣлые и сѣрые волки, росомахи, рыси, рѣчные бобры, выдры, бѣлки, хорьки, колонки, горностаи, сахатинныя и оленины кожи, выдѣланная изъ нихъ замша и ровдуга, мамонтовая кость, бобровая и кабарожья струя, рыбій клей, зайчина и проч; изъ Иркутска: чай разныхъ сортовъ, китайки, фанзы и другіе предметы; изъ Москвы и прочихъ городовъ: парчи, разныя шелковыя матеріи, галантерейныя вещи, колоніальныя производѣнія, сукна, ситцы и другіе товары. Здѣсь Енисейскъ сбывалъ и собственныя свои издѣлія, которыя имѣли нѣкогда заслуженную славу въ цѣлой Сибири: юфть, замшу, разныя желѣзныя вещи, весьма тонкія нитки и шитье по разнымъ матеріямъ золотомъ и шелкомъ, сапоги, называемые ичигами, которые разбирали преимущественно сосѣдніе инородцы для своихъ женъ. Кромѣ ярмарки, Енисейскъ въ это время велъ значительную торговлю съ Туруханскимъ краемъ, Богучанскимъ отдѣленіемъ и верховьями Енисея. Закупивъ зимою и весною хлѣбъ въ верховьяхъ Енисея, въ нынѣшнемъ Ачинскомъ и Манусинскомъ округахъ, купцы ежегодно отправляли свои барки въ низъ до самаго моря. По пути хлѣбъ разбирали инородцы Богучанскіе и Туруханскіе, а также и русскіе жители этихъ мѣстъ. Кромѣ хлѣба на баркахъ можно было всегда найти: соль, табакъ, винтовки, бисеръ, порохъ, свинецъ, разныя желѣзныя

вещи и красный товаръ. Часть этихъ вещей, еще не доплавая до Туруханска, промѣнивалась на рухлядь, а часть привозилась въ Туруханскъ на ярмарку, которая начиналась 29 Іюня и продолжалась около двухъ недѣль. Здѣсь инородцамъ и жителямъ Туруханска Енисейскіе купцы продавали остальные свои товары, а если не успѣвали ихъ сбыть, то сплавляли далѣе къ Толстому носу, гдѣ пріобрѣтали на нихъ красную и бѣлую рыбу. Будучи посолена, эта рыба продовольствовала не только Енисейскъ, но даже Ачинскъ и Красноярскъ. Словомъ сказать, состояніе промышленности и торговли въ Енисейскѣ около того времени, о которомъ я говорю, было таково, что ему по всей справедливости можно было дать въ гербъ меркуріевъ жезлъ. Тоже самое продолжалось и послѣ того, какъ въ 1804 году, по раздѣленіи Тобольской губерніи на двѣ части—Тобольскую и Томскую, онъ поступилъ въ веденіе Томской губерніи. Съ новымъ подчиненіемъ представилась надобность перемѣнить и гербъ Енисейска: 20 Марта 1804 года ему данъ слѣдующій гербъ: въ щитѣ, горизонтально раздѣленномъ на двое, въ верхней половинѣ гербъ Томска, а въ нижней на золотомъ полѣ связка звѣриныхъ кожъ и на ней діагонально положенъ меркуріевъ жезлъ. Этотъ жезлъ означалъ, что Енисейскъ все еще былъ городомъ замѣчательнымъ по своей торговлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Статистическомъ обзорѣніи Сибири, изданномъ по Высочайшему повелѣнію (С. Петербургъ 1810 г.) говорится, что въ то время въ Енисейскѣ было купцовъ 174, мѣщанъ 3636 душъ, а всего жителей 3403 души, что жители города производятъ значительную торговлю и что ярмарка его весьма важна. Тоже самое находимъ въ описаніи Енисейска, помѣщенномъ въ одной изъ книжекъ Сибирскаго Вѣстника на 1824 годъ. Въ это время число жителей Енисейска возрасло до 5594 душъ, обывательскихъ домовъ считалось въ немъ 1098, изъ которыхъ 8 было каменныхъ, 43 кузницы съ пятью плавильнями, 4 мыловаренныхъ завода и 12 кирпичныхъ. Неизвѣстный составитель этого описанія все

еще говорить объ Енисейскѣ, какъ о торговомъ городѣ, а объ ярмаркѣ его какъ о замѣчательнѣйшей въ Сибири. Но торговля его видимо уже упала и вмѣсто 174 купцовъ 1810 года, въ 1824 г. въ немъ было уже только 152 души. 26-го Января (1822 года образовалась новая Енисейская губернія, главнымъ городомъ которой сдѣланъ Красноярскъ, а Енисейскъ попалъ въ число уѣздныхъ. Съ этого времени Енисейскъ сталъ постоянно упадать и въ 1831 году, какъ видно изъ записокъ Пестова и Степанова, знаменитой ярмарки давно уже не существовало, производилъ онъ торговлю самую обыкновенную, жителей въ немъ считалось только уже 2800 душъ, а купцовъ 70,) изъ которыхъ первыхъ двухъ гильдій было только 8. «Общество сихъ купцовъ, по словамъ Степанова, было уже ни что иное, какъ оставшіяся развалины капитальнаго зданія, своды котораго поддерживались только на двухъ или трехъ столбахъ». (Причины упадка Енисейскаго купечества и торговли Енисейска опредѣлить довольно трудно, но нѣтъ ни какого сомнѣнія, что годъ отъ году уменьшавшійся уловъ пушнаго звѣря въ Туруханскомъ краѣ, уменьшеніе числа инородцевъ, первыхъ потребителей произведеній Енисейска, и, главное, переходъ торговли мѣхами въ Ирбитъ, — были главными причинами упадка торговли Енисейска. Съ открытіемъ золотыхъ промысловъ, она видимо пошла къ лучшему.)

Енисейскъ находится подъ $58^{\circ} 27' 19''$ с. ш. и $109^{\circ} 56' 21''$ в. д. на плоскомъ лѣвомъ берегу Енисея, который довольно часто затопляется водою. Расстояніе его отъ Красноярска 330 верстъ. Это и теперь еще одинъ изъ самыхъ большихъ и хорошо обстроенныхъ городовъ Сибири. По послѣднимъ официальнымъ свѣдѣніямъ въ Енисейскѣ считается 8 улицъ, 2 монастыря (мужской и женскіи), 8 каменныхъ церквей, 1076 домовъ, изъ которыхъ 20 каменныхъ, большой гостинный дворъ съ 170 лавками, 2 училища (уѣздное и приходское), 4 завода, два кожевенныхъ и два восковыхъ, 25 кузницъ и 6481 душа жителей, изъ нихъ купцовъ 1-й гиль-

дѣи 6 душъ, 2-й 9, и 3-й 99. Окружность города 7 верстъ, длина по берегу Енисея 3 версты, ширина 570 с.

Въ настоящее время Енисейскъ преимущественно есть центръ заготовленій для золотыхъ промысловъ и ведетъ торговлю съ Туруханскимъ краемъ.

II.

Отъ Енисейска до Подкамешной Тунгузки.

Прежде, когда Туруханскій край былъ населенъ, Енисейскіе купцы предприимчивы, а о золотыхъ промыслахъ не было и помину, въ то время въ Туруханскъ ходило весьма много судовъ. Вся пристань Енисейская, по рассказамъ старожиловъ, бывала ими покрыта. Теперь стало не то, теперь едвали туда отправляется болѣе 15 судовъ. Эти суда самой плохой постройки. Они очень небрежно сколачиваются изъ плахъ, въ пазы которыхъ нерѣдко просачивается вода, неуклюжи на видъ и тяжелы на ходу. Тяжести они поднимаютъ отъ 5 до 7 тысячъ пудъ и на каждомъ изъ нихъ, обыкновенно, находится отъ 5 до 10 человекъ рабочихъ. Объ удобствѣ плаванія на такихъ судахъ и говорить нечего.

У самаго Енисейска величественная рѣка широко раскидывается между пологими берегами, опущенными въ иныхъ мѣстахъ лѣсомъ.

Вѣтеръ попутный, на суднѣ все готово; времени терять нечего... съ Богомъ въ Туруханскъ! Судно отчалило отъ берега, рабочіе скинули шапки и перекрестились, смотря на золотые

кресты Енисейскихъ церквей...поплыли. Курсъ почти прямо на Сѣверъ. Черезъ полчаса, при большой водѣ и сильномъ теченіи рѣки, Енисейскъ едва уже видѣнъ. Онъ закрытъ лѣсомъ. Вотъ онъ показался еще разъ; еще разъ блеснули, золотые кресты его церквей и все исчезло! Прощай Енисейскъ!

Сей часъ за чертою Енисейскаго градскаго выгона, начинается Анциферовская волость — преддверіе Туруханскаго края. Семнадцать бѣдныхъ ея деревенокъ лежатъ на самомъ Енисеѣ, нѣкоторыя на правой, нѣкоторыя на лѣвой его сторонѣ. Всѣ эти деревеньки, равно какъ и находящіяся въ Туруханскомъ краѣ по Енисею, усилены народонаселеніемъ съ 1812 по 1819 годъ стараніями Томскихъ Губернаторовъ Марченки и Иличевскаго, такъ какъ тогда вся часть нынѣшней Енисейской губерніи по р. Еанъ, была причислена къ Томской. Первымъ переселенцамъ сюда (изъ ссыльныхъ) давались всѣ возможные способы для первоначальнаго водворенія: деньги, скотъ, хлѣбъ, даже необходимыя орудія въ домашнемъ быту, топоры, пилы, долота, и. т. п. Однакожъ, не смотря на все это, правительство едва — едва могло достигнуть главной цѣли устройства этихъ поселеній: — безпрепятственнаго сообщенія съ Туруханскомъ; мѣстныя препятствія поставляли и поставляютъ непреодолимыя преграды къ дальнѣйшему ихъ устройству.

Отъ Енисейска до Туруханска обыкновенно считаютъ 1084 версты. Но это растояніе показывается невѣрно, потому что его ни кто и никогда не измѣрялъ. На самомъ дѣлѣ оно гораздо значительнѣе. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. при попутномъ вѣтрѣ, большой водѣ и хорошемъ ходѣ судна, до Туруханска можно доплыть дней въ 10 или много недѣли въ двѣ.

Въ 68 верстахъ отъ Енисейска, близъ самой деревни Анциферовой, въ Енисей впадаетъ рѣка Анциферовка. За нѣскольکو верстъ до ея устья, равнины, сопутствовавшія Енисею, начинаютъ мало по малу возвышаться и переходятъ въ утесы глинистаго сланца. Не далеко отъ селенія Микулина, въ 230

верстахъ отъ деревни Айциферовой, съ правой стороны впадаетъ въ Енисей незначительная рѣка Суртиха. Здѣсь правый берегъ Енисея возвышается болѣе и болѣе. Въ иныхъ мѣстахъ онъ покрытъ дремучимъ пихтовымъ и сосновымъ лѣсомъ. Возвышенія, сопровождающія берегъ, оканчиваются иногда совершенно отвѣсными скалами, спускающимися въ воду Енисея. На этихъ безжизненныхъ утесахъ, кое-гдѣ попадается мохъ, кое-гдѣ лѣзетъ изъ трещины какая-нибудь чахлая береза, — Богъ знаетъ какъ сюда попавшая, и, Богъ знаетъ, какъ здѣсь растущая, на переборъ бурямъ и не погодамъ; все дико и пустынно. Лѣвый берегъ Енисея почти низменъ: вдали видны сплошные лѣса, но на значительное пространство къ берегу тянутся одни густые кустарники. Въ 92 верстахъ отъ селенія Микулина впадаетъ въ Енисей съ лѣвой стороны рѣка Дубчеса. Мы находимся теперь подъ $61^{\circ} 1' 35''$ сѣверной широты.

По тракту отъ Енисейска къ Туруханску земледѣліе находится въ самомъ плохомъ состояніи. Причиною этому то, что здѣсь иногда бывають ранніе иней, которые перѣдко побивають хлѣбъ. Иногда они выпадають среди самага лѣта, въ концѣ Іюня. Впрочемъ, самый жестокій иней, отъ котораго вся поверхность земли, всѣ кровли на домахъ покрываються бѣлымъ кристаллообразнымъ пухомъ, не дѣлаеть большаго вреда хлѣбу, если по утру будетъ туманъ или день выдастся пасмурный. Тогда иней пройдетъ постепенно и обмороженныя растенія исподоволь растають. Но когда послѣ инея день жарокъ, то гибель хлѣба неизбежна и тогда наиболѣе страдаетъ хлѣбъ на поляхъ, обращенныхъ къ сѣверо-востоку. (*) Впрочемъ, посѣвы ржи доходятъ до села Назимова, а ярицы и ячменя до дер. Вороговой, послѣдней Енисейскаго округа. За нею начинается уже Туруханскій край, въ которомъ посѣвовъ хлѣба не производится. Правда были при-

(*) Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1853 г. VI стр. 379.

мѣры, что ячмень въ Туруханскомъ краѣ (близь села Верхне-анбатскаго и даже въ самомъ Туруханскѣ) созрѣвалъ, но зерно для новыхъ посѣвовъ негодилось и при повторенныхъ опытахъ ни разу не давало всходовъ. По этому д. Ворогову можно считать крайнимъ предѣломъ земледѣлія на сѣверѣ Енисейской губерніи. Далѣе къ Туруханску, въ удѣлѣ жителямъ остаются только нѣкоторыя огородныя овощи: рѣдька, рѣпа, капуста и картофель. Мы извѣстно, что рѣдька и рѣпа, подѣ личнымъ наблюденіемъ одного Туруханскаго Отдѣльнаго Засѣдателя, родились прекрасныя и размѣра болѣе средняго, изъ чего можно заключить, что при должномъ уходѣ, эти овощи могли бы расти въ изобиліи отъ самой границы Енисейскаго округа до Туруханска. Капуста также хорошо растеть въ Туруханскѣ, но въ вилки не вьется. Картофель родится тамъ годомъ, и то мелкій. Его очень много истребляютъ кроты, такъ, что хозяину остается иногда не болѣе половины посѣва. Это обстоятельство значительно препятствуетъ въ разведеніи такой полезной овощи.

Не смотря на то, что еще начало Іюня, тепло уже довольно ощутительно: въ полдень даже жарко. За то по ночамъ такой холодъ, что едва можно согрѣться въ медвѣжьей шубѣ. Кромѣ этаго неудобства, говорить ли еще о другихъ, сопряженныхъ вообще съ плаваніемъ по сибирскимъ рѣкамъ, какъ на примѣръ о мошкѣ и комарѣ? Мошка, какъ показываетъ и самое ея названіе, есть ни что иное по наружности, какъ обыкновенная простая муха, съ тѣмъ только различіемъ, что она несравненно меньше ея: мошка не много болѣе булавоочной головки. Въ особенности любя влажность и находясь преимущественно по близости рѣкъ, по тундрамъ и болотамъ, она цѣлыми мириадами осыпаетъ васъ, лѣзетъ въ глаза, въ носъ, въ уши и ранитъ жестокимъ образомъ. Какъ бы вы хорошо не закрывались волосяной сѣткой, которая въ видѣ савана надѣвается на голову, если бы вы по примѣру здѣшнихъ крестьянъ, намазали даже эту сѣтку дегтемъ, — мошка все таки съумѣетъ пролѣзть сквозь ткань и ужалить васъ. Комаровъ также здѣсь

несравненно болѣе, нежели гдѣ нибудь. Едва вы успѣли обнажить малѣйшую часть тѣла, какъ они покрываютъ ее въ одно мгновеніе и не кусаютъ, а просто жгутъ. Эти кровожадные насѣкомыя, достигнувъ въ Іюль мѣсяцъ полнаго своего возраста, жалятъ сквозь обыкновенный лѣтній костюмъ и сквозь перчатки такъ, что одно только кожаное платье можетъ быть достаточною защитою. Скотъ во время сильнаго нападенія на него мошки и комара, обыкновенно ложится въ воду. При этомъ надо замѣтить, что мошка и комаръ какъ будто очередуется въ таѣжныхъ мѣстахъ Сибири, чтобы терзать несчастнаго путешественника. Съ начала Іюня до послѣднихъ чиселъ Сентября здѣсь почти вездѣ, каждый день, съ пяти до восьми часовъ утра васъ ѣстъ мошка, потомъ съ восьми до двѣнадцати комаръ, далѣе съ половины перваго до трехъ снова мошка; наконецъ съ трехъ до девяти, или лучше сказать до сумерекъ, опять комары, которые иногда не оставляютъ васъ своимъ преслѣдованіемъ цѣлую ночь.

Послѣ впаденія рѣки Дубчесы, Енисей становится тише. Въ иныхъ мѣстахъ онъ имѣетъ три и четыре версты въ ширину.

Проплывъ $37\frac{1}{2}$ версты отъ устья Дубчесы вы видите на лѣвомъ берегу Енисея маленькое зимовье Осиновское. Мы теперь въ 400 верстахъ отъ Енисейска.

Всѣ зимовья Туруханскаго края—полуразрушившіяся лачужки, приотвѣсившіяся къ скаламъ. Нѣсколько грязныхъ, неопрятныхъ жителей и крайнюю бѣдность, вотъ все, что вы встрѣтите. Единственные промысла жителей рыболовство и звѣроловство, не доставляютъ имъ почти ни какихъ выгодъ. За уловомъ звѣря, они не могутъ отлучаться далеко потому, что на ихъ обязанности лежитъ отправленіе почтовой и обывательской гоньбы, а рыба здѣсь не почемъ; при томъ же и сбывать ее не кому, кромѣ однихъ енисейскихъ торговцовъ, которые, запасшись ею въ низовьяхъ Енисея, устанавливаютъ на нее здѣсь цѣну, совершенно по своему произволу.

За селеніемъ Осиновскимъ Енисей встрѣтилъ преграду въ

своемъ теченіи: каменный хребетъ около 50 сажень отвѣсной высоты. Рѣка, какъ видно, остановилась здѣсь, образовала огромный бассейнъ въ 15 верстъ шириною, и, собравъ силы, напоромъ водъ прорвала скалы на 300 сажень въ ширину, бросивъ двѣ изъ нихъ съ вѣковыми сосновыми деревьями посреди своего ложа. Эти двѣ скалы называются *острова—корабли*. Предъ пробитымъ хребтомъ образовалось до 70-ти острововъ, между коими протоки наполнены большими камнями. Въ старые годы, суда, возвращавшіяся изъ Туруханска, иногда бродили здѣсь, по неопытности лоцмановъ, недѣли по двѣ и болѣе. Отъ острововъ—кораблей до устья Подкаменной Тунгузки 15 верстъ и это пространство суда проплываютъ не болѣе какъ въ 20 минутъ,—такъ сильно здѣсь теченіе. Изъ глубины водъ Енисея выдаются иногда огромные камни. Наконецъ, съ правой стороны широкимъ устьемъ впадаетъ въ Енисей Подкаменная Тунгузка.

Эта обширная, но малоизвѣстная рѣка вытекаетъ изъ горъ, прилегающихъ къ Байкалу, не далеко отъ источниковъ Лены. (*) По ней нѣтъ ни какого сообщенія. Бурная и пустынная, она съ обѣихъ сторонъ окружена горами, покрытыми дремучимъ лѣсомъ. Подкаменною эта рѣка названа потому, что обрывистые ея берега съ откосами очень каменисты. Теченіе ея простирается до 800 верстъ, если не болѣе.

При устьѣ Тунгузки можно встрѣтить въ первый разъ Тунгусовъ Туруханскаго края.

(*) Беретъ начало подъ 55° изъ хребта, служащаго водораздѣломъ между Леною и Илимомъ. Источники, изъ которыхъ она образуется, лежатъ въ 10 верст. отъ р. Куты, текущей въ Лену и въ такомъ же разстояніи отъ р. Илима. Прим. Р—ра И. С.

III.

Тунгусы.

Все сибирскіе инородцы, по уставу объ нихъ, раздѣляются на три группы: осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ. Основаніемъ такому раздѣленію былъ образъ ихъ жизни, а именно состояніе ихъ промысловъ, какъ главный предметъ ихъ пропитанія. Осѣдлые инородцы суть тѣ, которые имѣютъ постоянную осѣдлость, хлѣбопашество подобно русскимъ крестьянамъ, живутъ деревнями или въ городахъ, занимаясь торговлею и промысломъ городскихъ обывателей. Къ второму разряду принадлежатъ тѣ инородцы, которые, хотя имѣютъ осѣдлость постоянную, но по временамъ года перемѣняемую и не живутъ деревнями. Наконецъ, бродячіе инородцы суть тѣ, которые неимѣютъ ни какой осѣдлости, никакого постоянного мѣстопробыванія, а бродятъ гдѣ имъ вздумается по необозримымъ тундрамъ и неизмѣримымъ тайгамъ сибирскимъ для звѣроловнаго и рыболовнаго промысла, отдѣльными родами или семействами. (*) Тунгусы могутъ по всей справедливости считаться типомъ бродячихъ инородцевъ въ Сибири.

О Тунгусахъ писано у насъ очень много, но все это разбросано въ сотняхъ отдѣльныхъ сочиненій и періодическихъ изданій, которыхъ теперь, большею частію, достать довольно трудно. Особенно много замѣтокъ о нихъ находится въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, издававшемся нѣкогда Г-мъ Спасскимъ. Замѣтки эти отчасти принадлежатъ самому издателю, труды котораго къ сожалѣнію еще до сихъ поръ неоцѣнены у насъ по достоинству, отчасти докторамъ Киберу и Фигурину, быв-

(*) Св. Зак. уст. о инородцахъ ст. 2 и 3.

шимъ въ экспедиціи Г. Врангеля. (*) Но всё заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія о Тунгусахъ относятся большею частию, къ тѣмъ изъ нихъ, которые живутъ въ Иркутской Губерніи по прежнему ея раздѣленію, именно въ нынѣшней Иркутской Губерніи, Забайкальской и Якутской областяхъ. Объ Енисейскихъ же Тунгусахъ, т. е. о Тунгусахъ бродящихъ въ Енисейской губерніи, или лучше сказать въ Енисейскомъ округѣ, писано у насъ, какъ извѣстно, очень немного и это все не многое заключается въ извѣстномъ описаніи Енисейской губерніи бывшаго здѣшняго Губернатора Степанова. Между Тунгусами всѣхъ вышеупомянутыхъ мѣстъ и Тунгусами Енисейскими существуетъ, во многихъ отношеніяхъ, большая разница. Такъ какъ со времени составленія описанія здѣшнихъ Тунгусовъ Г. Степановымъ, описанія довольно не полного (все оно заключается на трехъ не большихъ страничкахъ) прошло уже около двадцати лѣтъ и бытъ Тунгусовъ въ этотъ промежутокъ времени значительно измѣнился, то, я полагаю, будетъ нелишнимъ, представить здѣсь новый очеркъ быта этаго племени, на основаніи самыхъ послѣднихъ имѣющихся у меня и собранныхъ на мѣстѣ данныхъ. Полагаю даже, что этотъ очеркъ не будетъ лишенъ нѣкотораго интереса, такъ какъ племя Тунгусовъ, не подвергшееся еще вліянію никакой другой народности, сохранилось только въ одной Енисейской губерніи. Тунгусы, живущіе въ Забайкальской области, приняли много Бурятскаго, а Тунгусы Якутской области—Якутскаго.

Но, предварительно, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ вообще о Тунгусахъ Восточной Сибири.

(*) Сиб. Вѣст. 1822 г. Тунгусы ст. Спасскаго, 1823 г.; о законахъ нѣкоторыхъ Восточныхъ Сибирскихъ инородцевъ А. Р.; а также: Выписка изъ письма доктора Кибера изъ Нижне-Колымска отъ 1. Октября 1822 г., краткія замѣчанія Д. Кибера о Ламутахъ, Тунгусахъ и Юкагирахъ; замѣчанія Медико-хирурга Фигуринна о разныхъ предметахъ естественной исторіи.

Слово Тунгусъ, которымъ мы величаемъ это племя, — не русское и не тунгусское, вообще что оно значитъ, мнѣ не извѣстно. Г. Спасскій приводитъ мнѣніе будто бы это слово произошло отъ татарскаго *Тонгусъ*, означающаго свиною и присвоеннаго Тунгусамъ по неопрятству ихъ и суровой жизни. Но всѣ Татарскія племена, живущія въ Енисейской губерніи, называютъ свиною *чочка*; слѣдовательно означенное мнѣніе едва ли можетъ признаться справедливымъ. Кромѣ того съ Тунгусами впервые встрѣтились и дали имъ это имя, какъ увидимъ ниже, Кетскіе казаки, которые могли знать только однихъ Тобольскихъ и Барабинскихъ Татаръ, а они никогда не жили въ сосѣдствѣ Тунгусовъ и слѣдовательно едва ли могли дать имъ это названіе. Какъ бы то ни было, сами себя Тунгусы называютъ *Эвенъ-ки*, *Овенъ-ки*, *Евойснами* и *Камнеганами*: эти названія, вѣроятно происходятъ отъ именъ ихъ родоначальниковъ, прославившихся почему нибудь между своими родовичами. Нѣкоторые Тунгусы называютъ себя просто *Бойе* или *Бойо*, что значитъ люди. Енисейскіе Тунгусы называютъ себя всегда *Эвенъ-ки* и *Овенъ-ки*.

Тунгусы по числу душъ самое многолюдное племя бродячихъ и породцевъ въ Восточной Сибири. По пятой ревизіи ихъ считалось всего 15,138 душъ, а съ Ламутами, тоже племенемъ Тунгусовъ, бродящихъ около береговъ Охотскаго моря, до 16,113 душъ. (*) Къ сожалѣнію я не могу представить здѣсь свѣдѣнія о томъ, сколько считается ихъ теперь въ Иркутской губерніи съ образовавшимися изъ нея Забайкальскою и Якутскою областями; но что оно должно быть довольно значительно, можно судить по тому, что однихъ Тунгусовъ Гантимурова рода считается тамъ не менѣе 10,000 душъ. (**) Свѣдѣніе о числѣ Енисейскихъ Тунгусовъ, будетъ помѣщено ниже. Что касается до пространства, ими занимаемаго, то

(*) Стат. обзор. С. П. Б. 1810 г. въ приложеніяхъ.

(**) Жур. М. В. Д. 1844 г. № 1.

оно такъ обширно, что могло бы помѣстить нѣсколько большихъ Европейскихъ Государствъ. Самый западный предѣлъ бродяжества Тунгусовъ р. Енисей или, если угодно, даже Кеть, потому что нѣкоторые роды ихъ живутъ и по Кети, близъ Маковской пристани, въ Анцыферовской волости Енисейскаго округа. Самая восточная граница ихъ жительства—Охотское море. Къ Югу ихъ чумы можно встрѣтить въ нынѣшней Забайкальской области на самой Китайской границѣ, а на Сѣверѣ близъ береговъ Ледовитаго моря.

Тунгусовъ, обыкновенно относятъ къ поколенію Маньд-журскому. Доказательствомъ тому приводятъ сходство ихъ языка съ Маньджурскимъ и одинаковость съ Маньджурами ихъ вида, нравовъ и обычаевъ. «Маньджуры и Тунгусы, говоритъ составитель Статистическаго обзорѣнія Сибири, (*) по происхожденію своему единоплеменны, что доказывается какъ сходствомъ ихъ языка, вида, нравовъ и обычаевъ, такъ и собственными ихъ преданіями.» Не взирая на давнее и обширное распространеніе Тунгусовъ по Восточной и Сѣверной Сибири, говоритъ Г. Спасскій, (**) всѣ они сохраняютъ въ языкѣ большое сходство, какъ между собою, такъ и съ отдаленнѣйшими отъ нихъ по мѣстоположенію, образу жизни и нравамъ Маньджурами, нынѣшними обладателями Китая, съ коими они либо составляютъ одно племя, или нѣкогда были въ тѣснѣйшей связи.

Въ послѣднее время, одинъ изъ членовъ Пекинской миссіи Г. Горскій, (***) утверждалъ тоже самое. Покойный Кастрень, какъ извѣстно, хотѣлъ со временемъ издать грамматику Тунгусскаго языка, съ которымъ онъ познакомился въ бытность свою въ Туруханскомъ краѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трудъ пролилъ бы много свѣта для разрѣшенія вопроса, въ какомъ

(*) Стр. 163.

(**) Сибир. Вѣст. 1812 г. стр. 66.

(***) Труды Членовъ Росс. Дух. Миссіи въ Пекинѣ. С. П. Б. 1832 год.

родствѣ должно считать Тунгусовъ и Маньджуровъ. Но труды его большею частью, и до сего времени остаются намъ неизвѣстны. Съ своей стороны, будучи не въ силахъ вознаграждать того ущерба, который понесла наука со смертію покойнаго профессора, я позволяю себѣ замѣтить здѣсь только, что языкъ Енисейскихъ Тунгусовъ бѣденъ, немногосложенъ, но для слуха довольно приятенъ.

Родиною Тунгусовъ, обыкновенно, считаютъ сѣверную часть Китая. Г. Горскій (*) говоритъ, что они первоначально жили въ странѣ, прилегающей къ Чапъ-Бошани (гора въ Маньджуріи) и что уже въ послѣдствіи они двинули свои колоніи сперва въ лѣса Гириня, а потомъ позже въ Сибирь. Живя въ странѣ лѣсистой и богатой звѣрами, Тунгусы необходимо должны были обратить вниманіе на звѣроловство. У Маньджуровъ, можетъ быть, въ слѣдствіе того, они и теперь извѣстны подъ именемъ Содоновъ, т. е. стрѣлковъ, а Монголы называютъ ихъ Орончонами, или Орочонами, т. е. оленеводцами, вѣроятно потому, что оленеводство съ издавна составляетъ одну изъ главныхъ отраслей ихъ хозяйства. Къ какому времени должно отнести эпоху переселенія Тунгусовъ на Енисей? Степановъ относитъ это къ XII или XIII столѣтіямъ, т. е. ко времени, протекшему отъ Чингис-хана до Каплай-хана, ибо, говоритъ онъ, послѣ государя сего, который окончивъ завоеваніе Китая, могъ предпринимать, какъ и предмѣстники его, различныя отяготительныя распоряженія въ Дауріи, ни что не нарушало уже спокойствія береговъ Амура до XVIII столѣтія. (**) Какъ бы то ни было, но мы познакомились съ Тунгусами въ началѣ XVII столѣтія. Извѣстно, что въ 1595 г. наши казаки, подъ предводительствомъ Сургутскаго Атамана Тугарина Федорова, основали острогъ Кетскій, близъ впаденія рѣки Кети въ Енисей. Отсюда они безпрестан-

(*) Труды Членовъ въ статьѣ: Начало и первыя дѣла Маньджурскаго Дома.

(**) Енис. губ. ч. 11, стр. 42 и 43.

но предпринимали небольшіе походы по окрестнымъ мѣстамъ, облагая ясакомъ всѣ племена, которыя только имъ встрѣчались на пути. Прежде всего этой участи подверглись нѣскольکو ордь Остяковъ, бродившихъ по лѣвому берегу Енисея. Тунгусы, жившіе на правой сторонѣ этой рѣки вверхъ по р. Ангарѣ, которая по ихъ имени и названа Тунгускою, услышали объ этомъ и рѣшились принять свои мѣры. — Одинъ изъ ихъ Старшинъ, по имени Дануль, собралъ около 300 человекъ родовичей, объяснилъ имъ предстоящую опасность и то, какъ при малочисленности Русскихъ, легко разбить ихъ. Возстаніе было рѣшено и началось тѣмъ, что Тунгусы двинулись на одну остяцкую орду, которая прежде рѣшилась было стоять за одно съ Тунгусами противъ Русскихъ, но потомъ измѣнила и перешла на сторону послѣднихъ. Тунгусы разбили ее совершенно, однакожъ къ Кетскому острогу, гдѣ находился тогда съ отрядомъ казаковъ воевода Молчановъ, приблизиться не осмѣлились. Замѣчу кстати, что Степановъ не справедливо называетъ Молчанова Кетскимъ Воеводою (*); въ краткомъ показаніи о бывшихъ въ Сибири воеводахъ (**) имени его не упомянуто. Тогда была зима, говоритъ Степановъ. (***) Воевода Молчановъ въ острогѣ Кетскомъ ожидалъ спокойно весны: она вскрылась и казаки съ двумя остяцкими ордами пошли на Тунгусовъ. На долину, окруженной тальникомъ и прилегающей къ Енисею, имъ представилось невиданное ими зрѣлище. Толпа враговъ ихъ одѣта была въ одинаковое платье. Шлемы и щиты ихъ были желѣзные, чешуйчатые; за плечами колчаны съ стрѣлами, а луки были натянуты. Бой длился упорный и кончился тѣмъ, что Молчановъ побѣдилъ ихъ. Тунгусы должны были покориться и многіе ихъ роды тогда же были обложены ясакомъ, другіе же, не желая послѣдовать примѣру своихъ сородичей, ушли въ пре-

(*) Енис. губ. ч. 11, ст. 125.

(**) Печат. въ Тобольскѣ 1792 г. стр. 48 и 52.

(***) Енис. губ. ч. 11, стр. 124.

дѣлы Китая. Это было въ 1615 г. Если и впоследствии времени, при болѣе лучшей организаціи управленія въ Сибири, бывали жестокія насилія въ отношеніи инородцевъ (*), то что же должно было предполагать въ то время, о которомъ идетъ рѣчь теперь? Вѣроятно взысканіе ясака съ покоренныхъ Тунгусовъ было слишкомъ строго и слишкомъ велико, такъ что въ 1618 году на Верхней Тунгускѣ ихъ было только всего на все два человѣка: всѣ остальные разбрелась въ неизвѣстныя мѣста, вѣроятно въ тѣже дремучія тайги между Верхнею, Среднею и Нижнею Тунгусками, въ которыхъ они и теперь бродятъ.

Между тѣмъ какъ все это происходило на берегахъ Верхней Тунгуски, Мангазейскіе казаки, какъ будто бы соревнуя Кетскимъ, старались подчинить своей власти Тунгусовъ, бродившихъ по Нижней Тунгускѣ. Посредствомъ р. Турухана, пробравшись съ береговъ Таза на берега Енисея, они въ 1614 году перешли эту рѣку близъ устья Нижней-Тунгуски и безъ всякаго сопротивленія, обложили ясакомъ 18 родовъ Тунгусовъ. Около 1623 года намъ платили уже ясакъ всѣ Тунгусы, обитающіе нынѣ въ Енисейской губерніи. Болѣе другихъ стойкости и упорства показалъ Тасѣевскій родъ Тунгусовъ, (**), бродившій по р. Тасѣевой, составляющей сѣверную границу между Канскимъ и Енисейскимъ округами и впадающей въ Верхнюю Тунгуску. Родъ этотъ, упоминаемый еще въ книгахъ ясачной Коммисіи, нынѣ уже не существуетъ. Имя его осталось только въ названіи помянутой выше рѣки, да въ названіи села Тасѣевского, находящагося въ 50 верстахъ отъ р. Та-

(*) Въ 1670 г. Китайскій Богдоханъ писалъ между прочимъ въ Албазинъ тамошнему приказному правителю: «вы хуже прежняго стали поступать; грабежемъ и воровствомъ ясачныхъ людей разоряете, Тунгусовъ имаете и огнемъ жжете; въ прошедшемъ году моихъ ясачныхъ народовъ Тунгусовъ и Дауровъ на соболинномъ промыслѣ Озарія съ товарищами коварно заманили въ избу свою и оную съ ними сожгли.» Изъ записокъ Г. Лосева.

(**) Словцовъ Истор. обзор. Сибири. Москва 1838 г. ч. 1 стр. 16.

сѣевой къ Югу. Это селеніе было нѣкогда острожкомъ, основаннымъ для усмиренія Тасѣевскихъ Тунгусовъ.

Покореніе русской власти Тунгусовъ нынѣшней Иркутской губерніи, Якутской и Забайкальской областей не относится къ моему предмету, а потому я прямо перехожу къ этнографическимъ замѣткамъ о Тунгусахъ Енисейской губерніи.

Въ Енисейской губерніи Тунгусы бродятъ въ Енисейскомъ округѣ и Отдѣленіяхъ Богучанскомъ и Туруханскомъ. Къ Сѣверу они доходятъ до селенія Дудинскаго, версть за 500 ниже Туруханска, вдоль по теченію Енисея; къ Югу же до рѣки Оны или Бирюсы, протекающей по границѣ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ.

Въ Енисейской губерніи 25 тунгусскихъ родовъ. Приводимыя Г. Степановымъ названія ихъ не совсѣмъ вѣрны, при томъ, многіе роды имъ не поименованы.

Вотъ названія этихъ родовъ:

а) *Подкаменскій*. Родъ этотъ у Г. Степанова пропущенъ. Онъ бродитъ по берегамъ Подкаменной Тунгуски, а для уплаты ясака выходитъ въ село Подкаменно-Тунгуское, а иногда Назимовское и другія.

б) *Питско-Варагонскій*, тоже пропущенный у Г. Степанова. Этотъ родъ уже нѣсколько лѣтъ не выходитъ на сугланы и уплачиваетъ ясакъ вмѣсто звѣря деньгами. Онъ постоянно бродитъ около золотыхъ промысловъ, съ помощію его и открытыхъ, начиная съ р. Удерей, по Мамону, Пенченгѣ, Питу, Вангашѣ, Калами, Севагликону, Актолику и другимъ.

в) *Милицкій*—у Г. Степанова Милицкій—Литскій. Родъ этотъ бродитъ по р. Сыму, впадающему съ лѣвой стороны въ Енисей. На сугланъ онъ выходитъ при устьѣ Сыма каждаго годно въ послѣднихъ числахъ Мая мѣсяца и въ началѣ Іюня.

г) *Верхне-Чумскій*. У Г-на Степанова пропущенъ. Онъ бродитъ по р. Питу и впадающимъ въ него рѣчкамъ, а на сугланъ выходитъ въ одно время съ Милицкимъ и Чапогирско-Чельзяльскимъ родами въ деревню Дубино-Устьпитскую.

д) *Чапомирско-Чельзяльскій* родъ пропущенъ у Г-на Степанова, бродитъ по Подкаменной Тунгускѣ.

е) *Каменско-Черноульскій* или просто Каменскій, какъ называетъ его Г-нъ Степановъ. Этотъ родъ Тунгусовъ бродитъ по р. Каменкѣ, впадающей съ правой стороны въ Верхнюю Тунгуску. На сугланъ выходитъ въ Февралѣ, Мартѣ, Апрѣлѣ и Юнѣ мѣсяцахъ въ деревню Каменскую.

ж) *Три Куркумирскихъ* рода, именно 1, 2 и 3-й. Они бродятъ по рр. Бѣдобѣ и Иркинѣвой, впадающимъ въ Верхнюю Тунгуску съ правой стороны, а на сугланъ выходятъ въ одно время съ Каменско-Черноульскимъ родомъ въ деревни Бѣдобинскую или Каменскую.

з) *Нанудальскій*, у Г-на Степанова Нанадольскій.

в) *Ятоульскій* у Г-на Степанова Етіельскій.

и) *Два Лапаьугскихъ* рода, именно 1-й и 2-й.

к) *Чемдальскій* или Чанадальскій.

л) *Панкаурскій*, пропущенный у Г. Степанова. Всѣ эти роды Тунгусовъ бродятъ по небольшимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Верхнюю Тунгуску, а иногда заходятъ въ Киренскій округъ Иркутской губерніи и въ Туруханскій край. На сугланъ выходятъ въ селеніе Кежемское, Петропавловское и другія.

м) *Четыре лѣтнихъ* рода 1, 2, 3 и 4-й. Первый бродитъ по нижней Тунгускѣ, впадающей въ Енисей верстахъ въ 30 выше Туруханска, а на сугланъ выходитъ туда, куда доведется пристать казакамъ съ казеннымъ хлѣбомъ. Второй и третій роды Тунгусовъ живутъ по р. Дудиной, впадающей въ Енисей близъ села того же имени, а выходятъ на сугланъ въ селеніе Карасинское и Плахинское. Четвертый родъ бродитъ по р. Лѣтней Курейкѣ, впадающей въ Енисей съ правой стороны верстахъ въ 120-ти ниже Туруханска. Сугланъ ихъ въ селеніи Курейскомъ.

- и) *Илимпейскій* }
 о) *Нижне-Чумскій* }
 п) *Чапалырскій* }
 Всѣ эти роды бродятъ по Нижней Тунгускѣ, а на сугланы выходятъ иногда зимою, иногда лѣтомъ, туда, куда казаки привозятъ для нихъ хлѣбъ. Лѣтомъ они часто являются съ ясакомъ прямо въ Туруханскъ.
- р) *Долгано-Ессейскій*, у Г-на Степанова Эссейскій.
 с) *Жаганскій*, у Г-на Степанова Жиганскій Боганидскій.
 Оба эти рода бродятъ по р. Дудиной, близъ озера Ессея и такъ называемыхъ Норыльскихъ озеръ. Сугланъ ихъ въ селеніи Дудинскомъ, и
- т) *Долгано-Боганидскій*, у Г-на Степанова Долганскій, бродитъ по р. Боганидѣ, а на сугланъ выходитъ въ селеніе Хатангское.

При этомъ не лишнимъ считаю сдѣлать маленькое замѣчаніе о Долганскихъ родахъ Тунгусовъ, или о Долганахъ.

Г-нъ Академикъ Бэръ (*) пишетъ, что народецъ Долганы впервые упоминается въ отвѣтахъ, присланныхъ отъ здѣшняго начальства въ Императорскую Академію Наукъ во время снаряженія экспедиціи Г. Фонъ-Миддендорфа; Академикъ Кеппенъ (**) говоритъ, что г-ну Фонъ-Миддендорфу принадлежитъ честь возстановленія правильнаго чтенія имени Долганъ, потому, что будто бы, до него ихъ называли не Долганами, а Долчанами; г-нъ Небольсинъ утверждаетъ (***), что Долганы племя извѣстное по одному только названію. Смѣю увѣрить, что все это совершенно не справедливо. Свѣдѣнія, необходимыя для экспедиціи Г. Миддендорфа, доставлены здѣшнимъ мѣстнымъ начальствомъ Императорской Академіи Наукъ въ 1841 г.; самъ же Г-нъ Миддендорфъ путешествовалъ по Туруханскому краю еще позднѣе; а между тѣмъ,

(*) Новѣйшія извѣстія объ экспедиціи Г. Миддендорфа.

(**) Жур. Мин. Нар. Просв. 1845 г. инструкція, Доктору Кас-трени.

(***) От. Зап. 1847 г. Рас. о Сиб. Золот.-пром.

Г-нъ Степановъ издалъ свое сочиненіе объ Енисейской Губерніи еще въ 1835 году и въ немъ постоянно Долганы называются Долганами. А какъ это родъ Тунгусовъ, вообще хорошо извѣстныхъ, то ихъ ни какъ нельзя назвать племенемъ, извѣстнымъ только по одному названію.

Нѣкоторые роды Тунгусовъ, на примѣръ Чапогирскій, Чемдальскій, Куркугирскій и другіе, производятъ свое начало отъ знаменитыхъ родовичей, славныхъ богатырей и называются ихъ именамъ; нѣкоторые, какъ на примѣръ I, II, III, и IV лѣтніе, Питско-Ворогонскій, Каменскій и нѣкоторые другіе, названы такъ Ясачною Коммисією по рѣкамъ и рѣчкамъ, близъ которыхъ они бродятъ.

Во время Г-на Степанова всѣхъ Тунгусовъ въ Енисейской губерніи считалось 1879 душъ, въ 1850 г. ихъ было 2198 душъ мужескаго пола, изъ которыхъ 954 души платили ясакъ. Въ 1850 и въ 1851 г. по Туруханскому краю господствовала страшная оспа, дѣйствовавшая чрезвычайно губельно на Тунгусовъ. Нѣкоторые роды ихъ, въ особенности I и II лѣтніе, Иямпейскій и Нижнечумскій, уничтожились почти на половину. Нынѣ ихъ считается не болѣе 1700. д. муж. пола.

Большая часть земель, занимаемыхъ Енисейскими Тунгусами, покрыта дремучею, только имъ доступною, тайгою и перерѣзана въ разныхъ направленіяхъ цѣпами горъ. Это теперь послѣдній пріютъ въ Енисейской губерніи для лучшаго сорта пушнаго звѣря. Вообще, въ тайгахъ, гдѣ преимущественно бродятъ Тунгусы, попадаются: соболь (дынька), лиса (шумяка), бѣлка (улюки), горностай (чемаки), колонокъ (шалонко), выдра (чукунь), росомаха (чентаки), медвѣдь (амиканъ или кути), волкъ (гуско) и олень (оронъ). Впрочемъ вышеозначенное не относится до нѣкоторыхъ родовъ Туруханскихъ Тунгусовъ. Такъ, на примѣръ 1 и 2 лѣтніе, Долгано-Ессейскій и Боганидскій роды бродятъ по странѣ, весьма бѣдной лѣсомъ, изрѣзанной почти сплошь рѣками, озерами и тундрами. Здѣсь они занимаются промысломъ

песца и въ особенности дикихъ оленей, которыхъ тутъ весьма много; ихъ мясомъ они преимущественно и питаются. Для добычи соболей, бѣлки и медвѣдей они всегда подаются на Югъ къ Нижней и даже Подкаменной Тунгускѣ. Тамшнія озера очень богаты рыбою, вкусомъ которой не могутъ нахвалиться туземцы. Въ нихъ ловится стерлядь (понуга), таймень (чэки), щука (гутконъ), налимъ (шегонъ), обунъ (еко), сорога (песо), сигъ (шуры), подъязокъ (гульбинъ), хайрузъ (ныру), елецъ (году), карась (колемтэ) и другія мелкихъ породъ, кромѣ нельмы и мокеуна. Въ рѣкахъ, протекающихъ по тундрѣ, сверхъ того осетръ (тана). Весною рѣки и озера покрываются изумительнымъ количествомъ разнаго рода водяныхъ птицъ: лебедей (гаги), гусей (ивняги), гоголей (момарь), крохалей (атынъ), утокъ (тарли), куликовъ (синеки), и тому подобныхъ.

Что бы дать хотя приблизительное понятіе о наружномъ видѣ Тунгусовъ, слѣдовало бы приложить два, три изображенія ихъ, но я не имѣлъ случая пріобрѣсти ихъ типы, почему и постараюсь рассказать, какъ умѣю о наружности Тунгусовъ.

Тунгусы большею частію роста средняго. Голова у нихъ овальная, лице круглое, лобъ широкій, плоскій, глаза узкіе, черные, блестящіе, нѣсколько впалые, брови дугообразныя, носъ плоскій, къ концу вздернутый со впалымъ и почти ровнымъ съ углами глазъ переносьемъ, ротъ широкій, съ толстыми большею частію губами; скулы выдавшіяся, подбородокъ тупой и широкій. Цвѣтъ кожи ихъ почти красно-смуглый. Свои длинные прямые, черные и весьма жесткіе волосы, они никогда не стригутъ и даже не приглаживаютъ, а просто собираютъ на затылкѣ пучкомъ и туго завязываютъ его тонкимъ ремнемъ. Борода и усы у нихъ очень рѣдкіе, а у многихъ ихъ и совсѣмъ нѣтъ, потому, что они волосы на этихъ мѣстахъ вырываютъ. Нѣкоторые Тунгусы въ знакъ особеннаго достоинства, и теперь еще татуируютъ себѣ лицо и подбородокъ, вышивая листья или какіе вѣду-

маются узоры. Обыкновенно, для этого употребляются нитка изъ оленей жилы, натертая порошкомъ или углемъ. Эти нитки, выдѣлываемыя Тунгусками, ровны, тонки и прочностію своею превосходятъ лучшей шелкъ. Грудь и спина у Тунгусовъ широкія.

Женскій полъ почти во всемъ сходенъ съ представленнымъ здѣсь изображеніемъ, только черты лица Тунгусокъ гораздо выразительнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Вообще о красотѣ ихъ можно сказать тоже самое, что о красотѣ всѣхъ дикихъ красавицъ. Уборка волосъ Тунгусокъ состоитъ также изъ пучка, перетянутого ремнемъ или лентою.

Въ послѣднее время, въ особенности съ развитіемъ золотыхъ промысловъ, многіе Тунгусы Енисейскаго округа и Богучанскаго Отдѣленія стали одѣваться въ русскія платья — азамъ, кафтаны и т. п. Даже можно встрѣтить Тунгуса въ сюртукъ или во фракъ, вымѣненнымъ имъ у какого нибудь прикащика золотопромышленника или подаренномъ за вѣрную службу. Можно себѣ представить какую смѣшную фигуру дѣлаетъ изъ себя Тунгусъ въ подобномъ нарядѣ. Къ этому должно прибавить еще то, что Тунгусъ не заботится о томъ въ пору ли ему вымѣненный или подаренный фракъ или сюртукъ, а просто напяливаетъ ихъ на себя. Если случится ему пріобрѣсти себѣ трехъ-угольную шляпу, онъ надѣваетъ и ее, а иногда сверхъ парки, натягиваетъ какой нибудь цвѣтной жилетъ. Впрочемъ почти у каждаго изъ нихъ есть свое національное платье и, надо отдать справедливость, оно довольно красиво. Туруханскіе Тунгусы еще не познакомились съ русскимъ платьемъ.

Тунгусы, какъ мужчины, такъ и женщины одѣваются почти одинаково и зимою и лѣтомъ. Теперь уже не рѣдкость встрѣтить Тунгуса, особенно въ Богучанскомъ Отдѣленіи, даже въ обыкновенной русской рубашкѣ (рубаша); но лѣтъ десять съ небольшимъ тому назадъ, они не имѣли объ ней никакого понятія. Сверхъ рубашки надѣваютъ они родъ кафтана (хунъ-лыша). Онъ обыкновенно дѣлается изъ оленьихъ кожъ, толь-

ко съ тою разницею, что зимою шерстью вверхъ, а лѣтомъ со всѣмъ безъ шерсти. По воротнику, обшлагамъ и подолу онъ унизывается довольно широкою каймою бѣлаго, чернаго и голубаго бисера, изображающею трехъ-угольники, четырехъ-угольники, полукружія и т. п. Кафтаны, или парка, какъ обыкновенно называютъ его Русскіе, спускается не ниже колѣна. Изъ подъ каймы, облегающей края кафтана, виситъ бахрама изъ бѣлыхъ, черныхъ, а иногда красныхъ козлиныхъ волосъ. Нижнее платье (хорхи) шьется изъ выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ, безъ шерсти, и простирается только до половины стегна. Оно прикрывается коротенькою юбочкою (шимлэ), на которую отъ шеи спускается нагрудникъ изъ оленьей кожи шерстью въ верхъ, точно также вышитый бисеромъ и опушенный бахрамою, какъ и самая парка. Поверхъ нагрудника идетъ, разукрашенная шитьемъ ременная перевязь черезъ плечо и завязывается у пояса. На перевязи за маленькія колечки привѣшено нѣсколько чахольчиковъ суконныхъ и кожаныхъ съ самыми любимыми вещами Тунгуса — табакомъ, кремнемъ, огнивомъ, ножемъ и маленькою желѣзною трубкою. Нерѣдко можно встрѣтить у нихъ китайскія трубки. Зимняя обувь Тунгусовъ, походящая на обще-извѣстные въ Сибиря унты (чикушма), дѣлается исключительно изъ камысовъ, то есть шкуръ, снимаемыхъ съ оленьихъ ногъ. Она весьма тѣсна и обвязывается вѣкругъ ноги ремнемъ. Лѣтомъ они надѣваютъ простые русскіе чарки, называя ихъ лакашей. Вмѣсто чулковъ, Тунгусы обертываютъ ноги травою. Что касается до головнаго убора, то мужскія шапки (авунъ), что-то въ родѣ татарскихъ тибетеекъ, а женскія состоятъ иногда изъ бѣлаго песка и испещряются разными узорами.

Безпрестанно скитаясь по лѣсамъ и горамъ за добычею звѣря, Тунгусъ, какъ нельзя болѣе хладнокровенъ ко всевозможнаго рода лишеніямъ. Жилище его (чумъ) есть ни что иное, какъ простой бѣдный шалашъ, въ которомъ Тунгусъ останавливается только на привалахъ, тамъ, гдѣ надѣется про-

быть нѣсколько времени. Состроить чумъ очень не трудно. Сперва вырубаютъ до 30 штукъ шестовъ, толщиною въ 3 вершка и вышиною въ пять аршинъ, потомъ ставятъ эти шесты кругомъ, оставляя въ низу пространство аршина на четыре въ діаметрѣ, а вверху отверстіе на пол-аршина для выхода дыма; наконецъ обтягиваютъ этотъ остовъ берестою, или выдѣланными кожами оленя, укрѣпляютъ внизу дерномъ и валежникомъ — и чумъ готовъ. Богатые разрисовываютъ его снаружи разными красками, выводя полоски и узоры; бѣдные обходятся и безъ этой прихоти. Полъ чума усыпается вѣтвями лиственницы или пихты, а по стѣнамъ его развѣшивается оружіе. Тутъ же можно найти и всю домашнюю утварь, необходимую для бродячей жизни Тунгуса, одинъ или два котла, ножи и другія мелочи. Однимъ словомъ — чумъ самое незатѣйливое жилище, однакожъ онъ свидѣтель всѣхъ семейныхъ радостей и горестей Тунгуса и затащитъ его изъ чума жить въ русскую избу нѣтъ почти никакой возможности.

Рожденіе дѣтей у здѣшнихъ Тунгусовъ сопровождается слѣдующими не многими обрядами. Когда женщина станетъ мучиться родами (беременную женщину Тунгусы называютъ — голбунъ), то мужъ ея срубаетъ дерево, дѣлаетъ клинъ и забиваетъ его въ пень срубленнаго дерева. Повивальныхъ бабокъ при этомъ никогда не бываетъ и какъ Тунгусы бродятъ по одиночкѣ, рѣдко по два или по три семейства, то часто случается, что нѣтъ ни одной женщины, которая могла бы родильницѣ. Когда родильница (болдырень) разрѣшится, мужъ съ боку чума дѣлаетъ другую дверь и ведетъ ее туда. Тутъ разводится не большой огонь, и она для очищенія должна перейти чрезъ него три раза. Новорожденнаго въ то же время моютъ въ снѣгу, если это зимою, или въ ближайшемъ ручьѣ, если это лѣтомъ. Имя ребенку (алуканъ) даетъ не отецъ (ама) и мать (ане), а первый кто придетъ въ чумъ. Хотя многіе Тунгусы Христіане, однакожъ, не смотря на то, даютъ своимъ дѣтямъ имена какія вздума-

ють. Впослѣдствіи ребенокъ получаетъ христіанское имя, но между своими однородцами все таки продолжаетъ носить прежнее, данное при рожденіи. Вотъ самыя употребительныя имена между мужчинами язычниками: Чунгууль, Тундауль, Чабарча, Джамынча, Лагунъ, Ахарча, Гоголо, Иларча, Копкандера, Даурча, Кункурча, Турули, Ермауль, Гогольчи, Сорога, Даучо, Утоглу, Голонда, Шахтончипъ, Ирючинъ, Хочинъ, Гулякъ, Тыне, Тымомъ, Мутуръ, Кильты. Тунгусы—христіане обыкновенно стараются окрестить дѣтей при выходѣ на сугланы. Смѣтливые крестьяне, имѣя въ виду, что у богатаго Тунгуса не безвыгодно быть кумомъ, наперерывъ напрашиваются въ крестные отцы къ ребенку. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что Тунгусъ всякій разъ выходя на сугланъ, прежде всего является къ куму, а тотъ подпоитъ его и выманитъ ни за что всю лучшую рухлядь. До трехъ дней родильница считается не чистою и если въ это время необходимо сдѣлать куда нибудь переваль, то ее даже не сажаютъ на оленя; она должна итти пѣшкомъ. Люльки для маленькихъ дѣтей богатые Тунгуски дѣлаютъ сами, сшивая ихъ изъ кожи оленя и украшая бисеромъ и стеклярусомъ; у бѣдныхъ онѣ состоятъ изъ выдолбленныхъ деревянныхъ чурокъ. Въ перекочевкахъ съ одного мѣста на другое—люльки, обыкновенно висятъ у матерей за плечами.

Тунгуски, лаская своихъ дѣтей, обыкновенно, называютъ ихъ: *албсу алуканъ*, хорошій ребенокъ, *бала* — жирный, *бадама* бѣлый, *аяма* — любезный и т. п.

Лѣтъ 15 или 16 Тунгусъ уже женится. Сватовство совершается очень просто. Женихъ надѣваетъ лучшее платье и идетъ въ чумъ отца, дяди, брата или другаго родственника той, на которой онъ хочетъ жениться. Войдя въ двери онъ говоритъ хозяину: *эмо-этынъ матере Тиво* — отдай за меня дочь свою Тиво. Если отецъ согласенъ, то начинается рядиться, какой женихъ дать колымъ. Колымъ этотъ, обыкновенно, состоитъ или изъ оленей или денегъ. Оленей даютъ не болѣе 10, а денегъ не болѣе 30 рублей серебромъ. Иногда

женихъ вмѣсто оленей и денегъ, предлагаетъ взять отцу, брату или дяди своей невѣсты въ замужество мать свою, сестру, племянницу. Когда торгъ состоялся, женихъ отправляется и приводитъ оленей или приноситъ деньги. Иногда свадьба (ошадгаранъ) отлагается до того времени, когда соберутся съ промысловъ родные и знакомые, иногда же играется сейчасъ послѣ уплаты колыма. Существуетъ обычай, что если кто послѣ сватовства не захочетъ взять невѣсты, то онъ лишается колыма; если же родные не захотятъ отдать за него невѣсты, тогда колымъ возвращается. Когда свадьбу положено праздновать сейчасъ послѣ уплаты колыма, то женихъ, вручивъ его роднымъ невѣсты, беретъ ее за руку, выходитъ изъ чума, садится на оленей и ѣдетъ домой. Тѣмъ оканчивается вся церемонія. Если новобрачные христіане, то при выходѣ въ какое либо русское селеніе на сугланное мѣсто, являюся къ Священнику и освящаютъ бракъ по обрядамъ церкви, если же не христіане, то войдя въ селеніе, берутъ вина и нѣсколько дней сряду пьянствуютъ съ своими родовичами. Это самое удобнѣйшее время услышать Тунгускія пѣсни и увидѣть Тунгускія пляски.

У Тунгусовъ нѣтъ ни какихъ пѣсенъ, которыя бы жили въ народѣ. Правда они иногда поютъ, но эти пѣсни импровизація, да еще какая ничтожная импровизація! Она вся заключается въ воззваніи къ тому предмету, который прежде всего бросился въ глаза Тунгуса. Увидѣвъ селеніе, онъ поетъ «ты село, село большое», потомъ ему представилась сосна и онъ продолжаетъ; «вотъ сосна стоитъ высокая»; сосну качаетъ вѣтромъ, и онъ прибавляетъ: «ее клонить буйный вѣтеръ» и т. д. Идетъ корова—онъ воспѣваетъ её, ѣдетъ крестьянинъ — его; словомъ все, что ни попадется на глаза. Заставьте Тунгуса повторить опять ту же пѣсню чрезъ нѣсколько минутъ и онъ уже будетъ воспѣвать вамъ со всѣмъ другое. Равнымъ образомъ у Тунгусовъ нѣтъ и сказокъ, по крайней мѣрѣ у здѣшнихъ, у другихъ можетъ быть онѣ и есть, какъ можно судить по нѣкоторымъ дан-

нымъ. «Объѣзжая Нерчинскій Округъ говоритъ Г. Корниловъ (*), я зашелъ въ гости къ Тунгусу, раскинувшему свою кожаную юрту въблизи знаменитыхъ кондуйскихъ развалинъ, почитаемыхъ въ народѣ остатками дворца Чингисъ-Хана. Тунгусъ, удовлетворяя моему любопытству, пропѣлъ нѣсколько пѣсенъ и разсказалъ длинную волшебную сказку, отличающуюся богатствомъ и остроуміемъ вымысла и обнаруживавшую южное происхожденіе.» Было бы весьма интересно, если бы Г. Корниловъ передалъ намъ содержаніе пропѣтыхъ этимъ Тунгусомъ пѣсенъ и сказки.

Тунгузскія пляски состоятъ въ томъ, что нѣсколько мужчинъ и женщинъ берутся за руки, составляютъ кругъ, вертятся и притопывая ногами, кричатъ ёхоръ-э, ёхоръ-э, ёхоръ-э, чёхъ, чёхъ, чёхъ, ёхоръ-э. Вообще Тунгусы большіе охотники плясать. Мнѣ случилось видѣть пятилѣтнюю Тунгуску, вывезенную изъ Туруханскаго края, у которой всѣ родные померли отъ оспы. Видя раза два — три, какъ у ея воспитателя танцовали польку, она сама стала танцовать её и такъ хорошо, какъ будто бы её учили. Музыкальныхъ инструментовъ у Тунгусовъ со всѣмъ нѣтъ.

Г-нъ Степановъ пишетъ, что въ его время у Тунгусовъ было по нѣсколько женъ. Теперь это почти вывелось изъ употребленія, а про Туруханскихъ Тунгусовъ можно положительно сказать, что у нихъ нѣтъ многоженства. Жена Тунгуса исправляетъ всѣ домашнія потребности: выдѣлываетъ кожи, шьетъ платье, выючить и развѣвываетъ оленей, готовить пищу, ставить и разбираетъ чумъ, нянчить дѣтей. Впрочемъ мужу всѣмъ этимъ и нѣкогда заниматься; онъ постоянно на звѣриной и рыбной ловлѣ, а когда случится ему быть дома, то у него есть другія занятія: надо сдѣлать стрѣлу, сковать ножъ и т. п. Но вообще они обращаются съ женами привѣтливо, хотя онѣ въ сущности ничто иное, какъ ихъ рабыни. Существуетъ ли теперь между всѣми Енисей-

(*) Библиот. для Чтен. 1851 г. т. 10 стр. 8.

скими Тунгусами описываемый Степановымъ обычай, уступать другъ другу женъ на время промысла, чтобы доставить женѣ ланній пай отъ него, не извѣстно; но о Туруханскихъ Тунгусахъ, можно положительно сказать, что онъ между ними не существуетъ.

Несчастливыя супружества встрѣчаются у Тунгусовъ, какъ и вездѣ. Бываютъ случаи невѣрностей и побѣги женъ. Проходить голъ и два, но мужъ непременно найдетъ свою жену и обыкновенно, чтобы не ссориться, уступаетъ ее похитителю за штофъ другой водки, или за два, за три соболя. Впрочемъ, это опять таки не относится до Туруханскихъ Тунгусовъ. Незнакомый съ развратомъ, Туруханскій Тунгусъ скорѣе самъ угоститъ обольстителя своей жены пулею или стрѣлою, чѣмъ станетъ дожидаться угощенія отъ него водкою.

Тунгусы вообще боятся всякихъ болѣзней. Оно немудрено. При отсутствіи медицинскихъ пособій, при суровости климата и при томъ образѣ жизни, какой ведутъ Тунгусы, почти всякая болѣзнь между ними большею частію оканчивается смертію. Изъ списковъ Ясачной Коммисіи видно, что изъ нихъ рѣдко кто достигнетъ 60—70 лѣтъ. Прежде, нежели Тунгусъ войдетъ въ чумъ сосѣда, онъ непременно спроситъ, всѣ ли въ немъ здоровы. Самая обыкновенная болѣзнь у Тунгусовъ часотка, происходящая отъ нечистоты, потому что они никогда не моются. Но въ особенности Тунгусы боятся больныхъ, зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями — горячкою, венерическою и преимущественно оспою. Воображеніе ихъ создало, что оспа ни что иное, какъ страшная отвратительная старуха, съ оскаленными длинными зубами, которая ходитъ и кусаетъ людей. Кого она укусила, тому уже нѣтъ никакого спасенія. Прежде при малѣйшемъ появленіи оспы, они, чтобы испугать злую старуху, натягивали лукъ и ставили его у входа въ чумъ; но теперь кажется убѣдились, что это средство самое ненадежное, а потому, какъ скоро кто у нихъ заболитъ этою болѣзнею, они

кладутъ ему нѣсколько пищи и оставляютъ его на произволь судьбы, уходя сами какъ можно дальше на возвышенныя мѣста, гдѣ воздухъ чище. Въ этомъ случаѣ, ни полъ, ни возрастъ, ни связи родства, ни что не въ состояніи удержать ихъ. Разумѣется, что такой больной, оставленный всѣми, умираетъ, или дѣлается добычею звѣрей. Прививать себѣ оспу Тунгусы, не смотря ни на какую заботливость о томъ правительства, рѣшаются очень рѣдко.

Вообще Туруханскіе инородцы убѣждены и не безъ основанія, что всѣ вообще болѣзни переходятъ къ нимъ отъ русскихъ, до появленія которыхъ они, по мѣстнымъ преданіямъ, не знали ни какой прилипчивой болѣзни. А потому во время какой либо эпидеміи, они прекращаютъ всякія сношенія съ Русскими, бѣгутъ въ самыя отдаленныя мѣста и ни какая мѣстная власть не имѣетъ на нихъ въ то время вліянія. Командированнаго начальствомъ въ подобное время къ чумамъ ихъ Русскаго они останавливаютъ на ружейный выстрѣлъ, съ предвареніемъ, что дальнѣйшее приближеніе будетъ ему стоить жизни. На этомъ благородномъ разстояніи идутъ переговоры. Во время губельнаго дѣйствія оспы въ 1851 году, при объѣздѣ Туруханскаго края бывшему Засѣдателю К. встрѣтилась на пути крайняя необходимость въ оленяхъ, безъ которыхъ ему нельзя было ни продолжать пути, ни возвратиться въ городъ. Узнавъ, что верстахъ въ 5-ти, въ сторонѣ, стоятъ чумы Тунгусовъ, онъ отрядилъ казака съ 2 крестьянами выгнать ихъ съ оленями къ нему. Но при нарушеніи казакомъ вышеупомянутаго правила, онъ чуть-чуть не подвергся выстрѣламъ и едва добрался до Засѣдателя. Тогда К. послалъ къ нимъ любимаго ихъ вахтера, знающаго прекрасно по Тунгузски. Онъ объяснилъ имъ его затруднительное положеніе и они дозволили взять необходимое число оленей, однакожь, сами явиться къ нему рѣшительно отказались и ловить оленей казаку съ крестьянами не помогали.

Если кто въ чумѣ Тунгуса умеръ, обыкновенною смертію,

и при томъ покойникъ (будень) былъ христіанинъ, то сейчасъ послѣ смерти съ чума снимается вся покрывка, а въ срединѣ разводится огонь и ставится на немъ сковорода съ оленьимъ жиромъ. Потомъ убиваютъ оленя и, зашивъ въ его шкуру покойника, зарываютъ въ яму. Если это мужчина, то вмѣстѣ съ нимъ зарываютъ любимыя его вещи — винтовку съ патрусской, ножъ, палму, топоръ, лукъ со стрѣлами и непременно котель съ пробитымъ дномъ. Если же женщина, то ножъ и тѣвунъ или посошекъ, которымъ погоняютъ оленей. Убитаго оленя варятъ и, отрѣзавъ одно стегно, кладутъ на свѣжую могилу, а остальное ѣдятъ сами. Послѣ этого, всѣ чумы немедленно снимаются, навиваются на оленей и Тунгусы уходятъ въ другое мѣсто. Слѣдъ свой они стараются завалить сѣвгомъ или деревьями, чтобы мертвецъ не всталъ и не пришелъ къ нимъ по слѣду.

Похороны Тунгусовъ не христіанъ отправляются иначе. Тутъ мертвый также зашивается въ шкуру оленя, но только не зарывается въ яму, а вѣшается на дерево. Если случится найти по близости четыре дерева, близко стоящія другъ отъ друга и въ особенности кедры, то на нихъ устраивается лабазъ и покойника кладутъ туда. Тутъ же вѣшаютъ его любимое оружіе и непременно котель съ пробитымъ дномъ. Туруханскіе Тунгусы, устроивъ такой лабазъ, иногда подкладываютъ подъ него сухихъ деревьевъ и зажигаютъ. Когда мертвецъ обуглится, они уходятъ какъ можно далѣе отъ этаго мѣста. Богучанскіе Тунгусы не христіане не сожигаютъ своихъ покойниковъ, а оставляютъ ихъ просто на деревьяхъ, срубая всѣ сучки на нихъ, опять таки для того, чтобъ покойнику нельзя было спуститься на землю. Если какому нибудь Тунгусу во время промысла случится нечаянно найти на такое дерево, то онъ тотъ часъ же останавливается и начинаетъ пятиться назадъ. Пройдя такимъ образомъ такое пространство, что дерево съ мертвецомъ скрылось изъ виду, онъ оборачивается къ нему спиною и идетъ другою дорогой.

Долганы отправляютъ похороны почти такъ же какъ Самоѣды, съ которыми они находятся въ частыхъ сношеніяхъ. Они оставляютъ покойника въ томъ самомъ чумѣ, гдѣ онъ умеръ, накидываютъ на этомъ чумѣ нѣсколько оленьихъ кожъ и обкладываютъ его сухимъ хворостомъ. Потомъ ближайшіе родственники подходятъ и зажигаютъ хворостъ.

Тунгусы, кромѣ нѣкоторыхъ родовъ, бродящихъ по Нижней Тунгускѣ, самое гостепріимное племя изъ всѣхъ бродячихъ инородцевъ. Не зная, что самъ будетъ ѣсть завтра, Тунгусъ однакожь не задумается подѣлиться съ каждымъ встрѣчнымъ послѣднимъ кускомъ козы или оленя. Если удастся ему убить дикаго оленя или медвѣдя и при томъ близъ его чума есть сосѣди, то онъ устраиваетъ настоящій праздникъ и всѣ ѣдятъ сколько могутъ на счетъ счастливца.

Въ обращеніи между собою они постоянно вѣжливы. Тунгуса пожилыхъ лѣтъ или старика молодой Тунгусъ иначе не назоветъ, какъ *Шакды* или *Отриконъ*; Тунгуса среднихъ лѣтъ — *Души-горби*, малолѣтняго — *Хуркокончи*. Сынъ отца называетъ *Аша*, мать — *Але*, дѣда — *Ашака*; братъ брата зоветъ *Кокунъ*, а сестру — *Ока*; мужъ, обращаясь къ женѣ, говоритъ ей *Аши*, а жена къ мужу — *Отырконъ*. Съ Русскими они также весьма привѣтливы и ни сколько недичатся ихъ. Прежде бывало Тунгусъ, увидя засѣдателя или его казака, приѣхавшаго за сборомъ ясачной подати, непременно выстрѣлить холостымъ зарядомъ изъ винтовки, привѣтствуя этимъ ихъ какъ слугъ Высокаго Солнца. Такъ называютъ они Государя и убѣждены, что онъ живетъ на солнцѣ. Привязанность ихъ къ нашему Правительству весьма сильна. И не мудрено: для нихъ дѣлается то, чего не дѣлается для инородцевъ ни въ одной странѣ. Не смотря на дебри, въ которыхъ они бродятъ, для нихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ учреждены особыя пункты, гдѣ они въ долгъ могутъ получать хлѣбъ, порохъ и свинець; случись между ними какая нибудь эпидемія, къ нимъ немедленно посылается врачъ. Кому не извѣстно, что когда Тунгусы узнали въ на-

чалъ 1815 года о занятіи Москвы Французами, то вздумали было идти на оленяхъ и лыжахъ отстаивать её! Во время экспедиціи Геденштрома, Зашиверовскіе Тунгусы, не смотря на свою крайнюю бѣдность, узнавъ, что олени, которыхъ онъ торговалъ у нихъ, нужны для экспедиціи, состоявшейся по волю Государя Императора, пожертвовали ихъ даромъ (*).

Тунгусы называютъ Русскихъ — *Луци*. (**)

Выйдя въ русское селеніе на сугланъ, Тунгусъ зайдетъ въ избу развѣ только коротко знакомаго ему крестьянина. Сперва онъ робко озирается, нѣтъ-ли когонибудь изъ постороннихъ, потомъ говоритъ: *Еромотчерень?* (каково поживаешь). *Мургу-гучерень!* (хорошо живу) отвѣчаетъ русскій — пріятель и проситъ Тунгуса сѣсть.

Гость садится, но все еще озирается и молчитъ. Хозяинъ, которому непременно нужно знать, гдѣ онъ промысляетъ звѣря и каковъ, слѣдовательно, былъ его уловъ, чтобы, судя потому и предложить ему извѣстную плату за рухлякъ, продолжаетъ спрашивать его объ этомъ. Тунгусъ обыкновенно отвѣчаетъ односложными словами: *дамаки* (близко), *горе* (далеко) и т. п. Является на столъ водка. Выпивъ рюмку, Тунгусъ отбрасываетъ все свои опасенія на счетъ незнакомыхъ и начинаетъ самъ говорить по русски самымъ умерительнымъ образомъ. Тутъ обыкновенно идутъ спросы про самыя ничтожныя вещи и иногда драгоценный мѣхъ переходитъ за ничто къ смѣтливому крестьянину.

Тунгусы, какъ и все инородцы, весьма любятъ водку. Если Русскому придется угостить Тунгуса, то онъ сей часъ же собираетъ всю свою родню, мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей и проситъ, чтобы и они были поподчиваны. Выходя

(*) Сибир. Вѣст. 1822 г. стр. 23.

(**) Амурскіе Тунгусы называли и называютъ Русскихъ *Лоча*.
Прим. Р — ра. И. С.

на сугланы, они пьютъ по нѣскольку дней сряду. Въ это время они въ высшей степени отвратительны.

Сугланъ есть ни что иное, какъ назначенное Правительствомъ мѣсто, куда въ известное время должны выходить инородцы для уплаты ясака. Для разныхъ родовъ Тунгусовъ назначены разные сугланы. Здѣсь, являясь къ вахтеру казеннаго хлѣбнаго магазина, обыкновенно казаку они уплачиваютъ старые долги, вносятъ слѣдующій съ нихъ окладъ ясака, запасаются порохомъ, свинцомъ и хлѣбомъ, а потомъ сбываютъ оставшуюся рухлядь торговцамъ, непременно прибывающимъ сюда къ этому времени, и крестьянамъ. Прогулявъ нѣсколько дней на сугланѣ, Тунгусъ опять уходитъ въ свои завѣтные лѣса.

Чтобы въ короткихъ словахъ представить здѣсь характеристику Тунгуса, скажу, что онъ честенъ, дѣятеленъ и неутомимъ, когда не пьянъ; храбръ и рѣшителенъ въ опасности. Умъ его одаренъ остротою и проницательностію, хотя онъ совершенно не заботится о развитіи этихъ качествъ. Въ слѣдствіе такого небреженія, понятія Тунгуса весьма ограничены о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Годы онъ считаетъ только по зимамъ или по выходамъ на сугланы; о мѣсяцахъ, недѣляхъ и дняхъ недѣльныхъ—онъ не имѣетъ никакого понятія. Считать умѣютъ Тунгусы только до тысячи. Вотъ этотъ счетъ:

1. Каракунъ.	10. Чанъ.
2. Чюръ.	11. Каракунъ голоко.
3. Иманъ.	12. Чюръ-голоко.
4. Дыганъ.	20. Чуръ-чанъ.
5. Туньга.	30. Иманъ-чанъ.
6. Жогунъ.	100. Намача.
7. Наданъ.	101. Каракунъ-намача.
8. Чабкунъ.	102. Гюръ Намача.
9. Яшнъ.	1000. Чанъ-намача.

Выше я упоминалъ, что Тунгусовъ можно считать типомъ бродячихъ инородцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, они весь вѣкъ свой

проводятъ въ бродяжествѣ. Лѣтомъ пѣшкомъ, зимой на лыжахъ, — Тунгусъ въ одинъ день выходитъ столько, сколько едва ли удастся пройти лошади, или пробѣжать собакамъ. Каждый ручеекъ, каждое дерево, каждая тропинка ему извѣстны, какъ свои пять пальцевъ. По рѣкамъ и рѣчкамъ онъ смѣло плыветъ на маленькой лодочкѣ, на которой другой не проплылъ бы и пяти сажень. За то, живя постоянно въ лѣсахъ, постоянно преслѣдуя звѣря, Тунгусъ до невѣроятности изощрилъ свое зрѣніе. Премаха изъ винтовки или изъ лука онъ почти не знаетъ на самомъ дальнемъ разстояніи; ему лишь бы найти звѣря, а то онъ едва ли уйдетъ отъ него.

Рыбу онъ также видитъ въ водѣ на довольно значительной глубинѣ и бьетъ ее навѣрное стрѣлою. Но въ особенности Тунгусъ любитъ перевѣдаться съ медвѣдемъ. Онъ идетъ на него одинъ на одинъ и почти всегда остается побѣдителемъ. Завидѣвъ звѣря и подпустивъ его такъ близко, какъ едва ли рѣшится подпустить какой нибудь другой охотникъ, онъ стрѣляетъ въ него изъ винтовки, но не столько для того, что бы убить его, сколько для того, чтобы раздражить и заставить подняться на дыбы. Какъ только удалось ему это, онъ принимаетъ гостя отказомъ. Отказъ — отточенный съ обѣихъ сторонъ ножъ вершка въ $1\frac{1}{2}$ шириною и въ $1\frac{1}{2}$ аршина длиною, крѣпко всаженный въ рукоятку, съ которою вмѣстѣ имѣетъ до $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Раненый звѣрь реветъ, поднимается на заднія лапы и идетъ на Тунгуса, ломая все, что ни попадется ему на пути. Тунгусъ хладнокровно становится на правое колѣно и держитъ отказъ такъ, чтобы медвѣдь не выбилъ его изъ рукъ, почти позади себя. Когда звѣрь подошелъ уже весьма близко и готовъ опуститься на переднія лапы, чтобы, такимъ образомъ, совершенно смять своего смѣлаго противника, тотъ быстро ставитъ ему противъ горла отказъ, и мишка падаетъ безъ чувствъ, пронзенный насквозь острымъ ножомъ.

Однѣмъ разъ молодой крестьянинъ изъ Онскихъ селеній Канскаго округа поплылъ куда-то по р. Онъ съ кумомъ

своимъ Тунгусомъ. Отплывъ версть пять отъ того селенія, изъ котораго отправились, они увидѣли на низменномъ берегу двухъ медвѣдей, которые обдирали дохлую лошадь. вмѣсто веселья, какъ обыкновенно, у нихъ былъ шестъ и потому имъ ни какъ нельзя было выбраться на глубь, а надо было проводить лодку мимо самаго берега, въ двухъ шагахъ отъ медвѣдей. замѣтивъ этихъ животныхъ, Тунгусъ сей часъ поднялъ свой шестъ и шепотомъ сказалъ куму: *амиканы* (медвѣди). Кумъ вѣроятно еще ни разу не хаживалъ на амикановъ, а потому, увидѣвъ ихъ, поблѣднѣлъ и весьма громко сталъ упрашивать, чтобы податься на глубь. Тунгусъ, давая ему жестами знать, чтобы онъ замолчалъ, схватилъ отказъ и винтовку, прыгнулъ на берегъ и исчезъ за кустами. Мужикъ остолбенѣлъ и не зналъ что дѣлать. Между тѣмъ медвѣди неизвестно почему оставили свой обѣдъ и пошли прочь, сперва тихо, потомъ рысью. Берегъ, плоскій у рѣки, далѣе начиналъ холмиться и наконецъ сливался въ порядочныя горы. Долго бѣдный кумъ слѣдилъ, какъ амиканы бѣжали съ холма на холмъ и какъ бѣжалъ за ними Тунгусъ. Наконецъ они скрылись изъ виду. Мужикъ прождалъ Тунгуса еще съ полчаса.... онъ воротился, но былъ очень печаленъ. Сѣвъ въ лодку, онъ нѣсколько времени не могъ отвѣчать ни одного слова на вопросы кума, и только, отплывъ версть пять, проговорилъ, вздыхая, «дурака кума! амиканъ боится кричать: пропала двѣ шкура!»

Тунгусы очень любятъ мясо медвѣдей. Но единственное и главное богатство Тунгусовъ состоитъ въ оленяхъ. Это благородное животное въ дремучихъ сибирскихъ тайгахъ и безпредѣльныхъ тундрахъ тоже самое, что верблюдъ въ степяхъ Аравіи или Африки. Олень перевозитъ скудныя пожитки Тунгуса въ его трудныхъ и безпрестанныхъ странствованіяхъ; олень доставляетъ защиту его чуму, наконецъ олень питаетъ его своимъ мясомъ. И при всемъ томъ, это такое животное, которое не требуетъ за собою никакого ухода. Лѣтомъ, когда берега таежныхъ рѣчекъ одѣты густою зеленью, когда

мохъ можно найти вездѣ, объ оленѣ нечего заботиться; зимою, онъ такъ же самъ добудетъ себѣ пищу, откапывая мохъ копытами изъ подъ снѣга. Едва ли ошибусь, если скажу, что небудь у Тунгусовъ оленей, то они давно бы оставили нынѣшній свой образъ жизни и поселились деревнями. Впрочемъ, рано ли, поздно ли, а это непременно должно случиться, потому что число оленей у Тунгусовъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Не болѣе 20 лѣтъ тому, было не рѣдкость встрѣтить Тунгуса Богучанскаго Отдѣленія, который считалъ у себя 700 оленей, приученныхъ къ ѣздѣ (*); теперь едва ли между ними найдется одинъ богачъ, который имѣлъ бы болѣе 200, какъ ѣзжалыхъ, такъ и не ѣзжалыхъ оленей. О Тунгусахъ вѣдомства Енисейскаго Земскаго Суда и Туруханскаго края и говорить нечего: они несравненно бѣднѣе Богучанскихъ.

Ручной олень нѣсколько больше дикаго, только концы роговъ у него, по замѣчанію Доктора Кибера, (**) теряютъ свою правильность. Онъ живетъ до 15 и 16 лѣтъ, но уже десятигодовой неспособенъ къ работѣ. Вообще онъ довольно малосиленъ и не можетъ нести выюка тяжелѣе 4 или много 5 пудовъ. Въ нарты Тунгусы оленей не запрягаютъ, а болшею частію стараются приучить ихъ только къ выюку. Сѣдлаютъ ихъ такъ, что сѣдло, или вмѣсто его подушка, лежитъ почти на шеѣ, потому что хребетъ у оленя очень слабъ.

Кромѣ оленей, Тунгусы ѣдятъ всякаго звѣря, начиная отъ соболя до медвѣдя. На голодъ они удивительно терпѣливы и бывають иногда по двое по трое сутокъ безъ пищи, не показывая по видимому никакого страданія.

Въ Енисейской Губерніи нѣтъ Тунгусовъ Ламаитовъ, какъ въ Иркутской; здѣсь они или христіане, или язычники.

Тунгусы плохіе христіане. Нося только одно христіанское

(*) Зап. объ Енис. губ. Пестова ст. 180.

(**) Сиб. Вѣстн. 1823 г. стр. 16.

вмя, и то по спискамъ мѣстнаго начальства или между Русскими своими знакомыми, они иногда по нѣскольکو лѣтъ сряду не видятъ даже церкви Божіей, не исполняютъ ни какихъ обрядовъ и всегда готовы слушать наставленія Шама-новъ. Изъ всѣхъ Святыхъ они преимущественно чтутъ Николая Чудотворца.

Языческія вѣрованія Тунгусовъ весьма темны и сбивчивы. Впрочемъ, самымъ главнымъ препятствіемъ къ уразумѣнію ихъ догматовъ служитъ съ одной стороны плохое знаніе ими русскаго языка, съ другой стороны совершенное незнаніе тунгускаго языка тѣми, кому доводилось говорить съ Тунгусами о предметахъ ихъ вѣрованія. Кромѣ того Тунгусъ, какъ всякій дикарь, весьма подозрителенъ. Услыша вашъ вопросъ, какіе боги, по его мнѣнію живутъ на небесахъ, или что нибудь въ родѣ этаго, онъ сей часъ подумаетъ, что вы его хотите какъ нибудь завлечь въ уголовное дѣло и непременно отвѣтитъ, что не знаетъ, а знаютъ про то старики, оставшіеся въ тайгѣ. Впрочемъ вотъ тѣ немногія данныя, какія извѣстны о языческихъ вѣрованіяхъ Тунгусовъ. Главный небесный Богъ у нихъ называется Шеваги-Окшари. По ихъ рассказамъ это мущина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, безъ бороды, въ золотой одеждѣ; онъ обитаетъ на небѣ. Близъ Шеваги-Окшари обитаетъ меньшій небесный богъ, покровитель Тунгусовъ, Озябки. Это мужчина среднихъ лѣтъ, средняго роста, также безъ бороды, какъ и Шеваги-Окшари, и ходитъ въ бѣлой Тунгуской оленьей паркѣ. Съ согласія Шеваги-Окшари, Озябки выбираетъ шамановъ. Въ противоположность этимъ двумъ богамъ, въ существѣ своемъ добрымъ и покровителямъ людей, — въ отдаленныхъ, непроходимыхъ тайгахъ, живетъ богъ смерти и разрушенія — Хархи, черный богъ. У него огромные огненные на выкатѣ глаза, плоскій носъ, чудовищная голова. Его черные волосы на головѣ и бородѣ все равно, какъ тайга послѣ бури. Онъ ходитъ всегда въ черномъ тунгускомъ платьѣ и принимаетъ разные виды на пагубу человѣка: то прикинется огромнымъ

медвѣдемъ, то волкомъ, то сохатымъ. Кромѣ этихъ главныхъ божествъ, Тунгусы почитаютъ и нѣкоторыя другія. *Укомъ* (гагара) считается у нихъ божествомъ воды; *галиль* (лебедь) и *гуши* (орелъ) божествами промысла; *терепга* (ястребъ) божествомъ предвѣщаній; наконецъ, *кути* (медвѣдь) божествомъ клятвы. Самыя вѣрнѣйшія свѣдѣнія о языческихъ вѣрованіяхъ Тунгусовъ, можно бы было скорѣе всего получать отъ шамановъ; но къ нимъ такой трудный приступъ, они такіе недобродимы, что это почти рѣшительно не возможно.

Съ распространеніемъ христіанства, шаманы все рѣже и рѣже встрѣчаются между Тунгусами. Не смотря на то, они уважаютъ ихъ и боятся. Одежда шамановъ обще-извѣстна. У Енисейскихъ Тунгусовъ она отличается нѣсколько тѣмъ, что надѣваемая ими шапка бываетъ съ рогами въ четверть аршина длины и что они сверхъ одежды (татыло) надѣваютъ желѣзныя цѣпи, иногда пуда въ три тяжестью. Когда на какое нибудь стойбище является шаманъ, для него дѣлаютъ особенный чумъ и рѣжется олень, мясо котораго развѣшивается вокругъ этого чума. Тутъ къ шаману являюся со всѣхъ сторонъ за предсказаніями. Чтобы удовлетворить просителей, онъ разводитъ среди чума огонь и начинаетъ шаманить: бьетъ въ бубенъ, ломается, кричитъ голосомъ разныхъ звѣрей, перепрыгиваетъ черезъ огонь, беретъ въ ротъ горячіе угли и въ изступленіи припадаетъ лицомъ къ землѣ. Окончивъ всѣ эти прелюдіи, шаманъ садится по среди чума, закрываетъ глаза и начинаетъ отвѣчать спрашивающимъ. Предсказанія его, обыкновенно, касаются того, въ какой сторонѣ есть звѣрь, въ какой сторонѣ нѣтъ, въ какую деревню можно выходить потому, что тамъ нѣтъ ни оспы, ни горячки, въ какую нѣтъ и т. п. Въ благодарность ему брасаютъ разныя звѣриныя шкуры, а потомъ ѣдятъ убитаго оленя. Иногда шаманы занимаются и леченіемъ больныхъ.

IV.

Мѣстность на лѣво отъ Енисея до Таза.

—

Продолжаю дальнѣйшій путь по Енисею.

Принявъ въ себя Подкаменную Тунгуску, Енисей течетъ въ прямомъ направленіи на Сѣверо-Западъ. Видъ береговъ самый однообразный: вдали темнѣютъ лѣса, изрѣдка попадаются острова. Проплывъ версть двадцать—тридцать, встрѣчаешь бѣдное, ничтожное зимовье—двора два или три. Между Подкаменной и Нижней Тунгуской только и находится одно замѣчательное селеніе Верхнеимбатское. Въ немъ дворовъ 5 и церковь. При самомъ этомъ селеніи впадаетъ въ Енисей рѣка Имбакъ, а напротивъ съ лѣвой стороны—рѣка Елогуй. Прошу обратить вниманіе на эту рѣку.

Выше я уже замѣтилъ, что Туруханскій край занимаетъ обширную площадь земли. Эта обширность его, равно какъ малонаселенность страны и трудность сообщенія между населенными пунктами—ставили не разъ Туруханскихъ жителей въ самое крайнее положеніе по продовольствію ихъ хлѣбомъ, потому что хлѣбопашества здѣсь не производится. Изъ официальныхъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ дѣлъ Томскаго Губернскаго Архива, между прочимъ видно, что въ 1805 году многіе жители Туруханскаго края подверглись страшному голоду. Въ это время за Енисейскою тундрою по рѣкѣ Хетѣ умерло безъ всякой помощи, 31 человекъ Тунгусовъ Жиганскаго рода, вышедшихъ сюда за звѣроловствомъ изъ Иркутской губерніи. Въ 1806 году продолжалось тоже самое; инородцы и Русскіе приходили за покупкою хлѣба къ казеннымъ запаснымъ магазинамъ версть за 400 отъ своихъ жилищъ, оставляя семейства безъ всякаго призрѣнія. Но въ то время хлѣбъ находился только въ двухъ магазинахъ—Туруханскомъ и

Верхневѣмбатскомъ, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. Пройдя такое значительное разстояніе и находясь въ невозможности пріобрѣсти хлѣба ни за деньги, ни за звѣриныя шкуры, Русскіе и инородцы ѣли что попало:дохлыхъ собакъ, оленей и т. п. Въ 1807 и 1808 г. въ Туруханскомъ краѣ умерло съ голода 32 человека. Въ 1810 и 1811 г. въ Ессейской волости Тунгусъ Налтеновъ, мучимый голодомъ, убилъ двухъ своихъ дочерей и съѣлъ ихъ, а въ Илимпейскомъ зимовьѣ умерло съ голода 40 человекъ инородцевъ. Оставшіеся въ живыхъ нѣсколько времени кормились ихъ тѣлами. Въ 1812 г., столь памятномъ для Россіи, Туруханскій край также страдалъ отъ голода. Этотъ краткій перечень *голодовокъ* отдаленнаго края (употребляю мѣстное выраженіе), разумѣется, не могъ не обратить на себя вниманія вновь прибывшаго въ Сибирь въ 1813 г. Томскаго Губернатора Иличевскаго, тѣмъ болѣе, что, не смотря на сдѣланное имъ распоряженіе о заготовленіи хлѣба въ магазины въ большихъ количествахъ, въ 1814 и 1815 годахъ, Остяки Тымской и Караконской волостей, углубившіеся въ тундру между Тазомъ и Енисеемъ, покушались убивать другъ друга, чтобы питаться мертвыми тѣлами. Но даже и самое достаточное заготовленіе хлѣба не достигло своей цѣли по чрезмѣрной трудности сообщенія въ Туруханскомъ краѣ, гдѣ хлѣбъ иногда надо было отправлять въ мѣста продовольствія за 1100 и 1500 верстъ отъ Туруханска. Такое затрудненіе особенно встрѣчалось въ доставкѣ хлѣба на рѣку Тазъ, по мѣстности совершенно пустынной, почему еще въ 1811 г. состоялось мнѣніе Государственнаго Совѣта о заведеніи новыхъ зимовьевъ между Тазомъ и Енисеемъ, полагая на каждое по 5 душъ. Тазъ, ограничивающій западную сторону Туруханскаго края, вытекаетъ изъ болотъ подъ 63° широты и 103° долготы. Составляя почти параллель съ Енисеемъ, онъ, пробѣжавъ около 300 верстъ, впадаетъ наконецъ широкимъ устьемъ въ Обскую губу подъ 68° широты. Правая сторона Таза довольно возвышенна, а потому въ Енисей впадаетъ много рѣчекъ, посредствомъ которыхъ мо-

жно болѣе или менѣе удобно добраться до Таза. Приводя въ исполненіе означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, Г. Илличевскій обратилъ прежде всего вниманіе на рѣки, которыми Тазъ могъ бы соединиться съ Енисеемъ, и именно на рѣку Туруханъ, впадающій въ Енисей близъ Туруханска. Но по обзрѣнію, произведенному на мѣстѣ, оказалось, что по этой рѣкѣ сообщеніе весьма будетъ не удобно, а устроить тутъ зимовья, даже и совсѣмъ невозможно. Не говоря уже о томъ, что подниматься вверхъ по р. Турухану не легко, по быстротѣ его, отъ этой рѣки до главнаго пункта русскаго населенія на р. Тазъ, до тазовскаго погоста болѣе 300 верстъ разстоянія по одной тундрѣ, гдѣ, кромѣ зыбей и топкихъ мѣстъ, ни чего нѣтъ. Это заставило въ 1817 году обратиться къ мысли осмотрѣть рѣку Елогуй, впадающую въ Енисей напротивъ селенія Верхнеимбатскаго, какъ сказано выше. Осмотръ этотъ былъ порученъ проживавшему въ томъ селеніи Смотрителю Поселенцевъ Давыдову, который еще прежде отличался особенною дѣятельностію при устройствѣ поселеній отъ границы Енисейскаго округа до Туруханска. Объясняя причины, по которымъ р. Елогуй предпочитается Турухану, какъ относительно устройства поселеній по ней, такъ и относительно сообщенія съ Тазомъ, Г. Илличевскій отъ 19 Декабря 1817 г. писалъ Давыдову: «1) Самое положеніе р. Елогуя не столь сѣверно, но къ Югу болѣе 400 верстъ отъ Турухана находится и вершина его, куда должно селить, имѣетъ направленіе къ западу, слѣдовательно, Елогуй несравненно долженъ быть удобнѣе къ жительству и представляетъ болѣе къ тому выгодъ; 2) По р. Елогую всегда къ Верхнеимбатцу приплываютъ въ не маломъ числѣ ясачные не только Тазовскіе, но изъ Нарымскаго уѣзда, Сургутскіе и, какъ говорятъ, будто даже Березовскіе, обыкновенно въ то время, когда проплываютъ по Енисею купеческія суда, слѣдовательно, по сей рѣкѣ есть сообщеніе съ Енисеемъ и 3) Вершины рѣкъ Елогуя и Таза весьма близки и, слѣдовательно, если по Елогую учредить поселенія, то въ рѣку Тазъ входитъ

ная страна совершенная пустыня, такъ что въ теченіи 10 дней Давыдовъ и Берестовъ не встрѣтили ни души. Какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны въ Елогуй впадаетъ множество рѣчекъ, но всѣ онѣ не значительны за исключеніемъ одной Коксы, впадающей съ лѣвой стороны верстахъ во 100 отъ устья Елогуя. Въ 316 верстахъ отъ устья, Елогуй раздѣляется на двѣ вѣтви или, лучше сказать, здѣсь сходятся двѣ рѣки, составляющія Елогуй. Рѣка, текущая справа, называется Колою, а названіе другой неизвѣстно. Направленіе первой къ Ю. В. а второй къ З. Здѣсь Давыдовъ съ Берестовымъ положили расстаться съ тѣмъ, чтобы Берестовъ осмотрѣлъ рѣку Колу, а Давыдовъ Безъимянную. 11-го Іюля Берестовъ сталъ подниматься по р. Колѣ. Рѣка эта небольшая, извилистая, тихая. Кругомъ мелкій лѣсъ и болота. Проплывъ версть 150, онъ на шестой день своего пути встрѣтилъ Остяковъ, которые обѣснили ему, что р. Кола подходитъ своею вершиною къ вершинамъ рѣкъ Сыма и Каса, но что на р. Тазъ оттуда пробраться не возможно; тамъ непроходимая тундра. По этому Берестовъ, считая дальнѣйшее плаваніе ни къ чему не ведущимъ, отправился въ обратный путь. Между тѣмъ, Давыдовъ, оставаясь у соединенія Колы съ Безъимянною, для исправленія лодки, встрѣтилъ тутъ 6 человекъ Остяковъ, которые объявили ему, что эта рѣка выходитъ изъ тундръ и весьма далека отъ вершинъ р. Таза. Къ этой вершинѣ, по ихъ словамъ, очень близко подходитъ рѣка Кокса, вытекающая изъ озера Дындэ. Повѣря ихъ словамъ, Давыдовъ спустился внизъ по Елогую, вошелъ въ устье Коксы и въ продолженіи двѣнадцати-дневнаго плаванія достигъ до ея вершины. Оказалось, что тутъ нѣтъ ни какаго озера, а стелется непроходимая тундра. Дѣлать было нечего: онъ возвратился въ село Верхнеимбатское, убѣдясь только въ томъ, что Елогуй не имѣетъ никакого сообщенія съ р. Тазомъ и что тамошніе инородцы ни какъ не могутъ выходить по этой рѣкѣ на Енисей.

Не смотря на неудачу, Давыдовъ все таки не терялъ надеж-

ды открыть когда нибудь сообщеніе между Тазомъ и Енисеемъ. Распрашивая подробно объ этомъ Остяковъ, онъ наконецъ узналъ, что помянутой цѣли можно достигнуть, плывя по рѣчкѣ Пакулихѣ, которая впадаетъ въ Енисей съ лѣвой стороны не далеко отъ деревни Нижнеимбатской, ниже устья Елогуя. Остяки сказывали ему, что хотя между Пакулихой и Тазомъ есть волокъ, но онъ не болѣе двухъ верстъ, а мѣста по Пакулихѣ очень удобны для поселенія. Обо всемъ этомъ Давыдовъ донесъ Губернатору и 4 Декабря 1818 года получалъ предписаніе, съ наступленіемъ весны изслѣдовать эту рѣчку. Въ помощь ему былъ данъ знакомый уже намъ Землемѣръ Берестовъ и нѣсколько человекъ поселенцовъ и казаковъ.

Людямъ, мало знакомымъ съ образомъ путешествія по сѣверной Сибири вообще и по Туруханскому краю въ особенности, можетъ быть, покажется страннымъ, если я скажу, что путь, предстоявшій Давыдову, по странѣ малонаселенной и по рѣчкѣ совершенно неизвѣстной, былъ сопряженъ съ большими опасностями, не говоря уже о затрудненіяхъ. Но Давыдовъ предвидѣлъ это и потому нанялъ себѣ въ проводники Остяка Зяблина, который не разъ ходилъ на лыжахъ между Тазомъ и Енисеемъ, а равно плавалъ въ не большихъ лодкахъ на всемъ теченіи рѣчки Пакулихи. Послѣ этаго предварительнаго распоряженія, онъ сталъ готовиться въ путь.

Утромъ 9 ч. Юня 1819 г. Давыдовъ изъ деревни Нижнеимбатской спустился по Енисею и поплылъ въ низъ по теченію до того мѣста, гдѣ впадаетъ въ него рѣчка Пакулиха. Вся экспедиція состояла изъ двухъ большихъ крытыхъ лодокъ; людей было:—самъ Давыдовъ, Землемѣръ Берестовъ, три казака, пять поселенцевъ и Остякъ Зяблинъ.

Но предоставляю самому Давыдову рассказывать свое путешествіе.

«11 Числа по утру, милостию Божіей, прибыли здоровы

и благополучны въ зимовье Ямское. Тутъ, отдохнувъ мало, около полуденъ начали путь по рѣчкѣ Пакулихѣ.

» Отъ устья Пакулихи версть примѣрно на 20 пошли низкія мѣста; растеть тальникъ и частію мелколѣсье. Дальше по лѣвому берегу пошелъ крутойяръ версты на 4, а на немъ боръ сосновый. Уначала яра остановились и имѣли ночлегъ.

«Въ четвертокъ, 12 числа, проплывъ яръ, увидѣли по обѣимъ сторонамъ низменные мѣста. Ясашный Зяблинъ сказывалъ, что тутъ лѣтомъ изрядные сѣнокосы, но разсмотрѣть оныя было не лзя, ибо все было понято водою на далекое пространство и видѣлись только одни тальники. Сіи низменные мѣста идутъ на 25 версть, а по окончаніи ихъ, на правомъ берегу яръ, а наискосокъ его, на лѣвомъ, также яръ; мѣста къ заселенію неудобныя.

«До 15 числа проплыли отъ Енисея примѣрно версть 200. Мѣста идутъ индѣ низменные, индѣ ярами, какъ показано Землемѣромъ на планѣ. На ярахъ растеть лѣсъ сосновый и кедровый. Многія мѣста должны быть изобильны звѣремъ.

«15 числа, въ воскресенье, день былъ сумрачный и видѣть вдали ничего было не лзя, а потому цѣлое утро простояли на мѣстѣ, а послѣ обѣда, пустившись въ дальнѣйшій путь, встрѣтили шивера. Здѣсь по обоимъ берегамъ Пакулихи густой сосновый строевой лѣсъ. За шиверами пошла быстрина, такъ что обѣ лодки тянули бичевой.

«18 числа въ среду, въ 5 часовъ вечера, доплыли до озера Ненюльто, изъ коего пала рѣчка Пакулиха. У самага устья сей рѣчки поднялся сильный противный сиверь, такъ что должны были выйти на берегъ. Кругомъ мѣста возвышенныя и лѣсистыя.

«Ночью на 19-е число, какъ развели огонь для приготовления пищи, приплыли изъ озера съ большими опасностями 12 человекъ Остяковъ Тымско-Караконской волости, промышлявшіе рыбу въ озерѣ Нюнельто. Съ ними приплылъ также старшина Егоръ Андрѣевъ. Сей человекъ, по замѣчанію моему, я какъ я объ немъ слышанъ еще въ Нижнеимбатцѣ отъ

прочихъ Остяковъ, есть хитрый и болѣе походить на русскаго, нежели на ясачнаго Остяка. Бывъ старшиною, онъ управляетъ какъ хочетъ своими простыми и не образованными людьми и беретъ съ нихъ великія взятки. Онъ же старшина Андрѣевъ, ведетъ торгъ съ своими Остяками, продаетъ топоры, ножи и порохъ на звѣря весьма высокими цѣнами, а покупку сихъ припасовъ, равно какъ и звѣря, имѣетъ въ Туруханскѣ и доставляетъ изъ Туруханска тѣми же людьми и самыми бѣднѣйшими Остяками за весьма малую цѣну. Какіе же происходятъ въ Караконской волости у Остяковъ недостатки, дары и насилія, то полагаю, что старшина Егоръ Андрѣевъ пронырствомъ своимъ отъ Г. Земскихъ Чинovníковъ скрываетъ, а оные никогда сюда не выѣзжаютъ, имѣя слѣдованіе лишь разъ въ году зимою отъ Туруханска по тундрѣ до Тазовскаго погоста и обратно.

«Пришедшіе Остяки сказывали Остяку Зяблину, что часто временно между ними происходятъ насилія въ отобраніи другъ отъ друга на колотье для пиши оленей и прочія насильства, каковыя могутъ прекратиться, когда послѣдуетъ населеніе Русскихъ людей по близости тѣхъ мѣстъ. Да они же сказывали, что для полученія хлѣба выходятъ на станокъ Ямской и Нижнеимбатскій и что если хлѣбъ будетъ доставляться съ Енисея Пакулихою рѣчкою, хотя не на самый Тазъ, но на возвышенное мѣсто, состоящее между озерами Нюнельтомъ и Некультокомъ, то они почтутъ себя спасенными на всегда, ибо въ крайнихъ необходимостяхъ продовольствія своего, имъ удобнѣе выходить на самый Енисей, нежели къ Тазовскому погосту.

«Топоръ межеумокъ, означенный Егоръ Андрѣевъ продаетъ ясачнымъ по 50 бѣлокъ, малый 30 и 40 бѣлокъ; платокъ бумажный, стоящій въ покупкѣ не болѣе 2 рублевъ, 50 бѣлокъ, столбъ къ неводу рѣдкой 50 бѣлокъ; ясаку съ души, пш съ лука беретъ 1 соболя, 1 лисицу бѣлодушку и 50 горностаевъ. И сей возвышенный ясакъ есть также плутовство означеннаго Андрѣева.

«19 числа въ Четвертокъ, продолжался также сильный сиверь, но къ полудню онъ стихъ, а къ вечеру переплавились черезъ озеро Нюнельто.

«Озеро сіе не есть весьма обширно, однако же бурливо. Берега индѣ камень, индѣ пологи. Со всѣхъ сторонъ растетъ густой лѣсъ. По словамъ Остяковъ, въ озерѣ ловится весьма изобильно разная бѣлая рыба. Звѣря въ сосѣднихъ лѣсахъ также довольно.

«20 ч, Пятокъ. Весь день перетаскивали лодки черезъ волокъ отъ озера Нюнельто до озера Некельтокъ. Волокъ будетъ версты 2. Мѣсто возвышенное, вездѣ лѣсъ.

«О семъ послѣднемъ озерѣ должно сказать тоже самое, что сказано объ озерѣ Нюнельто. Только оно меньше онаго.

«Утромъ въ Субботу, 21 число, проплывъ озеро Некельтокъ, вступили въ вытекающую изъ онаго рѣчку сего же имени. Рѣчка эта преглубокая. По берегамъ лѣсъ еловый, пихтовый, сосновый, лиственничный и березовый. Возвышенныя мѣста имѣются.

«22 ч. Воскресенье. Въ 10 часовъ утра, во время проплаву съ правой стороны впала въ Ненельтокъ почти встрѣтъ рѣчка Фантова. Вершины полагаютъ изъ тундръ.

«23 ч. Въ Понедѣльникъ по утру приплыли къ рѣкѣ Тазу. А всего проплывъ отъ Енисея до Таза версть 450».

Я еще возвращусь къ дневнику Давыдова, а какъ цѣль его плаванія была, найти путь между Тазомъ и Енисеемъ для скорѣйшей доставки хлѣба, то считаю теперь не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о обезпеченіи народнаго продовольствія въ Туруханскомъ краѣ.

Такъ какъ, по климатическимъ условіямъ, здѣсь не возможно ни какое земледѣліе, то обезпеченіе народнаго продовольствія Правительство приняло на свой счетъ. Съ этою цѣлію оно учредило въ разныхъ пунктахъ Туруханскаго края хлѣбные казенные запасные магазины. Около 1768 г. для этаго былъ заимствованъ изъ разныхъ суммъ особый капиталъ, а въ слѣдъ за тѣмъ учреждены и самые магазины.

Нынѣ они находятся вездѣ, гдѣ только это необходимо: внизъ по теченію Енисея 14 магазиновъ, по Тазу 2, по Нижней Тунгускѣ 3 и за Большою Тундрою 3. Хлѣбъ для нихъ готовится каждагодно съ торговъ въ Красноярскѣ и продается по цѣнамъ, во что обошлась поставка казиѣ со всеми расходами и съ наддачею 6% въ пользу капитала. И Русскій и Инородецъ теперь въ случаѣ надобности, идутъ смѣло къ извѣстному пункту и твердо увѣрены, что не останутся безъ хлѣба, потому что онъ выдается имъ не только за наличныя деньги и звѣриныя шкуры, но даже и въ долгъ, лишь было бы ручательство общества въ вѣрности платежа. По десятилѣтней сложности, цѣнность хлѣба за пудъ въ Туруханскомъ краѣ не превышаетъ 85 коп. сер. Впрочемъ, хлѣбный запасный капиталъ Енисейской губерніи, который по всѣмъ соображеніямъ долженъ бы былъ возрасти до огромной цифры, нынѣ почти совсѣмъ уничтожился. Причина этому та, что жители Туруханскаго края очень бѣдны. Со временемъ, вѣроятно придется ихъ продовольствовать на счетъ Правительства, если только мѣстные обстоятельства Туруханскаго края не измѣнятся къ лучшему.

V.

Остяки.

Въ предыдущей главѣ не разъ упоминалось объ Остякахъ. Считаю нужнымъ поговорить объ нихъ нѣсколько подробнѣе.

Въ Енисейской губерніи находится 9 родовъ Остяковъ, а именно: въ вѣденіи Енисейскаго Земскаго Суда—Сымско-Касовскій и Натско-Пумпокольскій и въ Туруханскомъ краѣ—Верхнеимбатскій, Нижнеимбатскій, Подкаменный, Байхинскій,

Карасинскіи, Тымскіи и Караконскіи. Роды Натско-Пумпо-колскіи, Карасинскіи, Байхинскіи, Тымскіи и Караконскіи называются совершенно неправильно Остяками, ибо это Самоѣды, хотя въ языкъ ихъ и перешло нѣсколько Остяцкихъ словъ. Роды Сымско-Кассовскіи, Подкаменный, Верхнеимбатскіи и Нижнеимбатскіи, также не чистые Остяки и говорятъ совершенно другимъ языкомъ Финско-самоѣдскаго корня. Это замѣтилъ еще Г. Степановъ (*) въ описаніи Енисейской губерніи и подтвердилъ Касгрень. Въ отличіе отъ другихъ Остяковъ, они называются Енисейскими.

Что значить слово Остякъ и Юштякъ, не извѣстно. Нѣкоторые полагаютъ, что оно у Чудскихъ племенъ означало тоже самое, что у древнихъ *варваръ* или у насъ *нѣмецъ*, т. е. все не наше, чужое. Енисейскіе Остяки называютъ себя Тындыгетами и Тшипканами. Что означаютъ эти слова, также неизвѣстно.

Всѣ здѣшніе Остяки приписаны къ числу бродячихъ инородцевъ. Бродятъ они между Тазомъ и Енисеемъ по тундрамъ и тайгамъ, но преимущественно по Енисею и впадающимъ въ него рѣкамъ.

Что же за народъ эти Остяки?

Разсматривая этотъ вопросъ, Степановъ (**) высказываетъ предположеніе, что они потомки Уйгуровъ.

«Въ землѣ Монгольской, говоритъ онъ, по словамъ переводчика Абумази, находится три гряды горъ, проходящія у источниковъ Енисея: Тугра-Табуз-лукъ, Уксун-лук-Тугра и Куть.

«Между сими грядами горъ жили Уйгуры, но по несогласію раздѣлилась. Одна часть осталась на старомъ мѣстѣ, а другая вышла жить на берега рѣки Иртыша. Выходцы

(*) Ч. II, стр. 40. Bulletin historico-philologique de l'Academie de Sciences de St. Petersbourg, 1847 г. Томъ IV, стр. 266 и 267.

(**) Чае. II, стр. 40.

раздѣлились также на три части: первая упражнялась въ хлѣбопашествѣ, другая не подалеку отъ нихъ занималась скотоводствомъ, а третья рыбною и звѣриною ловлею. Звѣроловцы сѣн добывали соболей, куницъ, бобровъ, бѣлокъ и другихъ звѣрей, мясо которыхъ употребляли въ пищу, а изъ кожъ дѣлали платье. Они столь не навидѣли [другой родъ жизни, что пожелать кому нибудь быть скотоводцемъ или земледѣльцемъ почиталось обидою или ругательствомъ. Не предки ли это Остяковъ Енисейскихъ?»

По изслѣдованіямъ Дорджи Банзарова, (*) Уйгуры были дѣсною народъ тюркскаго или монгольскаго племени. Если это такъ, то дѣло филологин рѣшить, на сколько языкъ Енисейскихъ Остяковъ заключаетъ въ себѣ тюркскаго или монгольскаго элементовъ.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Кастрена, они происходятъ по собственному ихъ преданію съ верховьевъ Енисея.

Это преданіе, вѣроятно, то самое, которое приводитъ и Степановъ на 41 стр. II. части своего сочиненія.

«Когда Орда наша, говорилъ ему одинъ Остяцкій старшина, пробиралась отъ заката солнца на востокъ и пришла на р. Тазъ, то осталось въ живыхъ только 4 человека съ женами. Изнуренные трудами и голодомъ, лежа на берегу Таза, приготовлялись уже они къ голодной смерти, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ объять былъ обыкновеннымъ ему вдохновеніемъ: ибо онъ принадлежалъ къ Тысво-Тишбыкумамъ (мудрымъ). Въ минуту приросли къ нему два крыла, на которыхъ онъ поднялся къ небесамъ и быстро погрузился въ воды Таза; а чрезъ нѣсколько времени, поднявшись на воздухъ, явился къ товарищамъ, обнизанный съ головы до ногъ разными рыбами, которыя трепетали хвостами и сверкали разноцвѣтною чешуею. Съ тѣхъ поръ, оканчиваетъ рассказчикъ, стали мы заниматься рыбнымъ промысломъ.» (**)

(*) Библіотека Восточи. Истор. профес. Березина т. 1.

(**) Часть II, стр. 41.

Въ настоящемъ случаѣ, также дѣло Филологіи рѣшить, на сколько языкъ Енисейскихъ Остяковъ сохранилъ въ себѣ Финскаго элемента.

Замѣчательно, что по словамъ Кастрена, языкомъ Енисейскихъ Остяковъ говорятъ Камачинцы Агульского улуса, живущіе въ Канскомъ округѣ.

Остяки, большею частию роста средняго и вообще слабы. Лица ихъ не представляютъ никакихъ особенныхъ чертъ: мужчины смотрятъ всегда изъ подлѣбья, какъ то сурово и пасмурно, а женщины какъ то болѣзненно. Многіе мужчины носятъ совершенно такое же платье, какъ русскіе крестьяне, будучи знакомы даже и съ рубахою (суюгатъ); другіе, напротивъ, придерживаются своего стариннаго костюма, который весьма не затѣйливъ. Это длинный халатъ (аутрамъ) изъ выдѣланныхъ съ обѣихъ сторонъ оленьихъ кожъ, иногда выкопченныхъ, а иногда бѣлыхъ. Волосы нѣкоторые стригутъ, какъ русскіе крестьяне, а нѣкоторые никогда не стригутъ, распуская ихъ по плечамъ и дѣлая проборъ спереди. За то послѣдніе совершенно не знакомы съ шапками. У женщинъ и дѣвушекъ одинъ и тотъ же нарядъ: онѣ носятъ длинныя рубахи, короткіе штаны (алыпъ), халаты, чарки (сагарчи) и холщевыя чулки (суннанбулууль). Головы бѣдныя покрываютъ бумажными платками, а богатые носятъ суконныя или китайчатые шапочки, опушенныя какимъ нибудь мѣхомъ.

Вообще должно сказать, что какъ Остяки, такъ и Остячки отвратительно грязны и нечистоплотны.

Енисейскіе Остяки всѣ давнымъ давно уже христіане, и потеряли даже всякое воспоминаніе объ язычествѣ. Шамановъ у нихъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ они увѣряютъ, что нѣтъ. Вообще же это народъ дикій, до сихъ поръ еще во многомъ чуждающійся Русскихъ. Грамотный человѣкъ или мальчикъ (дизикбичичъ кетъ, дизикбичичъ дулла) между ними большая рѣдкость. Будучи совершенными невѣждами, они

однакоже не лишены хитрости, свойственной всѣмъ дикарямъ и сплутовать умѣетъ изъ нихъ каждый.

Главное занятіе Енисейскихъ Остяковъ рыболовство; звѣриный же промыселъ допускается отъ нужды, когда нечего ѣсть.

Какъ только весенній снѣгъ сталъ таять, Остякъ съ своимъ семействомъ отправляется на берегъ извѣстной ему или любимой имъ рѣки и устраиваетъ тутъ свое временное жилище. *Фуре ахтехмиъ*, говоритъ онъ, (погода хорошая) *Оуиа деуфанъ хусъ*, *атте анбуиса буаде нисе дисхочebetъ урде* (чумъ уже стоитъ на лугу, завтра я пойду ловить рыбу на рѣку). И въ самомъ дѣлѣ поставить чумъ для Остяка минутное дѣло, почти тоже самое, что для бродяги цыгана разбить свой шатеръ. Остяцкіе чумы даже очень походятъ издали на цыганскіе шатры: только послѣдніе изъ полотна, а эти изъ березовой коры, очищенной и сшитой, съ отверстіемъ вверху для выхода дыма. Поставивъ свой чумъ, или, лучше сказать, предоставивъ все это сдѣлать своей женѣ, которая у него чистая рабыня, Остякъ на завтра будитъ ее словами: *буаде фартидесъ; анксаона* (пора вставать; утро). *Хок-сенъ и гунасъ тый, эай фанкэ, плуносъ чинъ* (скорѣе приведи вѣтку, подай сѣсть, приведи собаку). Горе женѣ, если она осмѣлится сказать ему хоть, на примѣръ, *анбагарфутъ* (подожди) или *эшзаданъ сугамъ* (поднять тяжело). Мужъ тутъ же беретъ полѣно и съ словами *сейлемъ ирчетъ* (худо дѣлаешь), начинаетъ нещадно колотить свою сожительницу. *Атаха ринаргетъ*, говоритъ она, (ты не сердись) и исполняетъ немедленно всѣ его приказанія.

Если рѣка или озеро, близь которыхъ остановился Остякъ, еще не вскрылись отъ льда, онъ пробиваетъ его пѣшнею и ловить рыбу сѣтями.

Такъ какъ языкъ Енисейскихъ Остяковъ весьма малоизвѣстенъ, то я считаю нелишнимъ привести здѣсь по Остяцкіи названія тѣхъ рыбъ, которыя водятся въ туземныхъ рѣкахъ и озерахъ.

Щука (хуудя) едва ли не самая любимая рыба (ылиса) Остяковъ. За нею слѣдуютъ: окунь (тыньга), язь (денга), ершъ (фалка), карась (саръ), осетръ (бонганъ), стерлядь (онкъ), нельма (сулль), таймень (тогтъ), сигъ (чугуръ), омуль (кельчупъ), чиръ (танче), ленокъ (бетешъ), налимъ (кейсъ) и харюзъ (лушь).

Въ Сибирской лѣтописи Саввы Есипова (*) объ Остякахъ, бродившихъ по Оби, между прочимъ сказано «во истинну и скотамъ не уподобишася сіи людіе: скоть бо, аще есть и безсловесно, но что есть Богомъ не повелѣно ясти ему и не ясть, звѣря ли или птицы или траву сѣнну. Сіи жь челоувѣцы не уподобишася симъ, понеже сыроядцы, звѣрина же и падская мяса снѣдающе скверно, и кровь пїяху, яко воду, отъ животныхъ, и траву и корніе ядыху.» Эти слова во всей точности можно примѣнить и къ теперешнимъ Остякамъ. Поймавъ рыбу голодный Остякъ разбиваетъ ей чѣмъ ни попало голову и начинаетъ ее терзать совершенно сырую. Г. Степановъ увѣряетъ, (**) что къ этой пищѣ побуждаетъ ихъ не одна страсть, но и величайшая польза, именно устраненіе скорбута, почти общаго между ними. Положимъ, что это и такъ, но все же таки ни чего не можетъ быть гаже и отвратительнѣе Остяка, разрывающаго зубами рыбу и съ особеннымъ удовольствіемъ сосущаго кровь. Утоливъ жажду и голодъ, Остякъ начинаетъ уже думать о семействѣ, беретъ наловленную рыбу и идетъ въ чумъ. Войдя въ двери онъ бросаетъ свою добычу женѣ, и самъ преспокойно говоритъ: *дашранъ укса; ахайсадиву бокъ: діунъ ахтемъ веселе* (принеси дровъ, раскладывай огонь; будешь жить весело!). Съ этими словами онъ бросается на что ни попало и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ на цѣлый день или до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ голода. Проснувшись, онъ снова требуетъ ѣсть и снова засыпаетъ. Такъ проходитъ вся

(*) Въ послѣднее время она напечатана LXII т. Отеч. Запис.

(**) II част. 64 стр.

жизнь лѣниваго Остяка. До тѣхъ поръ, пока есть у него съѣстные припасы, онъ считаетъ себя счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Если по извѣстному озеру, рѣкѣ или рѣчкѣ уловъ рыбы сталъ уменьшаться,—Остякъ снимаетъ свой чумъ и отходитъ на другое мѣсто. Заготовленіе зимнихъ запасовъ—варки (разваренная и провяленная рыба), юкалы (сушеная на солнцѣ) и порсы (превращенная въ порошокъ), онъ предоставляетъ женѣ. Если она неслишкомъ рачительна къ хозяйству, слишкомъ роскошничаетъ столомъ во время весны и лѣта и если не слишкомъ много заготовила запасовъ на зиму, то всю осень и зиму ему придется питаться завялыми или выбранными изъ подъ снѣга ягодами—рябиною (сонгать), черемухой (банерь), брусникой (эфуръ), княженикой (амполемъ), черникой (фусъ) и т. п.

Какъ только наступятъ заморозки и первоснѣжье, Остяки углубляются въ лѣса для звѣринаго промысла. Здѣсь, остановясь близъ какой нибудь рѣчки или озера, они роютъ себѣ землянки и оставляютъ въ нихъ свои семейства, навѣдывая ихъ отъ времени до времени. Верхъ землянки закрывается рядами тремя бревенъ и засыпается землею, сухими листьями и валежникомъ. На самой срединѣ оставляется отверстіе для выхода дыма. Грязь, вонь и сырость—главныя принадлежности подобныхъ жилищъ.

Отправляясь въ тайгу, Остякъ беретъ съ собою пищи столько, сколько можетъ унести. Въ случаѣ надобности, онъ ѣстъ всякаго звѣря, кромѣ волка (хынтъ), лисицы (коганъ) и горноста (кергенъ). Вообще Остяки промысляютъ въ своихъ тайгахъ медвѣдя (хой), оленя (сиръ), лося (хай), зайца (бесъ), соболя (ээдде), бѣлку (соккъ), выдру (тааръ) и колонка (сааръ). Можно сказать, что звѣриный промыселъ Остяковъ совершенно незначителенъ, такъ что они едва въ состояніи уплачивать звѣриными шкурами свой ничтожный ясакъ.

Рожденіе дѣтей у Остяковъ не сопровождается никакими особенными обрядами. Замѣчательно только, что Остячки во-

обще родять трудно и не рѣдко умирають родами. Можетъ быть, какъ полагаетъ Г. Степановъ, причина этого заключается въ варварскомъ обхожденіи съ ними мужей,—обхожденіи, подобнаго которому нѣтъ между инородцами Туруханскаго края.

Бракъ у Остяковъ чистая покупка жены. Желающій жениться на извѣстной дѣвушкѣ, идетъ къ отцу своей возлюбленной и прямо говоритъ ему: *атте шазде хейсоусъ хеэмдуль*, (я хочу жениться на твоей дочери). Начинается торгъ, сколько женихъ даетъ колыма за невѣсту. Смотря по состоянію жениха, онъ обыкновенно простирается отъ 10 до 50 руб. сереб., или же на столько звѣриными шкурами. Когда колымъ заплаченъ, женихъ беретъ невѣсту за руку и отправляется въ церковь. Возвратясь оттуда въ свой чумъ, они созываютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и угощаютъ ихъ чѣмъ Богъ послалъ. Иногда при этомъ бываетъ и вино. Развеселившись, собесѣдники начинаютъ кричать что кому вздумается, потому что пѣсенъ у нихъ ни какихъ нѣтъ и плясать, какъ кто умѣетъ. Тѣмъ оканчивается все дѣло. Иногда, въ случаѣ отдаленности церкви отъ мѣста нахождения Остяковъ, свадьбы справляются и раньше, нежели они освящены христіанскими обрядами.

Нѣтъ ничего безчеловѣчнѣе, какъ обращеніе Остяковъ съ больными, въ особенности, если еще болѣзнь прилипчива. Не оставивъ иногда и достаточно пищи, они бросаютъ больнаго одного и удаляются какъ можно дальше. — Остается онъ живъ—хорошо, а нѣтъ—такъ и быть. Для умершаго обыкновенною смертію вырывается могила, тѣло покойника обертывается въ бересту и зарывается въ землю родными и знакомыми вмѣстѣ съ тою одеждою, въ которой онъ умеръ и съ тѣми вещами, которыя ему принадлежали, лукомъ, стрѣлами, ножемъ и т. п., за исключеніемъ винтовки, такъ какъ она составляетъ для Остяка значительную цѣнность. Скоть, олени и собаки, а равно рыболовныя и звѣриныя снасти, поступаютъ къ дѣтямъ покойнаго подъ

управленіемъ старшаго брата. Послѣ бездѣтнаго покойника, наследуетъ старшій братъ его, а если его нѣтъ, то ближайшій родственникъ. Послѣ безроднаго Остяка, имущество его достается тому, кто его воспиталъ или съ кѣмъ онъ долго проживалъ вмѣстѣ.

При похоровахъ Остяковъ дозволяется плакать только, кажется, однѣмъ женщинамъ; мужчины, обыкновенно, останавливаютъ ихъ словами: *атонандъ дууде* (полно плакать). Отпѣваніе покойниковъ по христіанскому обычаю происходитъ уже тогда, когда Остяки выходятъ на сугланныя мѣста для уплаты ясака, куда въ это время прѣзжаетъ и священникъ для выполненія требъ.

Енисейскихъ Остяковъ считается не болѣе 900 душъ обо-его пола.

VI.

Отъ Пакулихи до Нижней Тунгузки.

Отъ устья Пакулихи до устья Нижней Тунгузки нѣтъ ничего достопримѣчательнаго, за исключеніемъ Троицкаго монастыря.

Помѣщаю здѣсь отрывокъ изъ письма ко мнѣ одного моего знакомаго объ этомъ монастырѣ.

«Объ этомъ монастырѣ Вы найдете нѣсколько свѣдѣній у Пестова и Степанова; но они весьма кратки и, вѣроятно далеко не въ состояніи удовлетворить Вашу любознательность. Я постараюсь, сколько могу, дополнить эти свѣдѣнія, хотя, напередъ предваряю Васъ, что они очень и очень скудны. Вся монастырская бібліотека заключается въ церковныхъ книгахъ, и то не старопечатныхъ, изъ одной свѣтской и изъ одной небольшой рукописи, о которой я упомяну ниже. По этому заимствовать объ этомъ монастырѣ болѣе подробныхъ свѣдѣній здѣсь въ Туруханскѣ, мнѣ пока не изъ чего.

«Туруханскій Троицкій 3-го класса мужскій монастырь находится на правомъ берегу Енисея близъ самаго устья Нижней-Тунгуски (*), или какъ ее называли въ старину, Верхней Тунгуски, потому что Нижнею, какъ видно изъ Атласа 1745 г. называлась Ангара. Находящееся тутъ же селеніе Троицко-Монастырское, состоящее изъ десяти или пятнадцати бѣдныхъ и неопрятныхъ лачужекъ, растянута по обрыву большой песчаной горы, одѣтой тощими елями и соснами. Отъ Туруханска до сюда по Енисею верстъ 25 или 30; сухопутнаго сообщенія нѣтъ. Когда основанъ Туруханскій Троицкій монастырь—положительнаго свѣдѣнія я ни гдѣ не могъ найти, хотя нѣкоторые относятъ это къ 1660 году, слѣдовательно не долго спустя послѣ того, какъ основано и самое зимовье Туруханское, переименованное въ послѣдствіи времени въ городъ. Основатель его былъ нѣкто Тихонъ, чело-вѣкъ, прославившійся святостію жизни и тяжелыми иноческими подвигами. Преданіе говоритъ, что вскорѣ послѣ его смерти, монастырь заключалъ въ своихъ стѣнахъ уже около 15 чело-вѣкъ иноковъ. Въ то время Туруханскій край былъ несравненно богаче и несравненно многолюднѣе теперешняго. Частыя посѣщенія монастыря усердными бого-мольцами, которые стекались сюда не только изъ Енисейска, но изъ Тобольска, изъ Березова и другихъ отдаленныхъ городовъ Сибири, давали ему хоть скудныя, но все-таки безбѣдныя средства къ существованію. Иноки этого монастыря, какъ рассказываетъ тоже преданіе, преимущественно подвизались въ обращеніи въ христіанство Остяковъ и Тунгусовъ, которые окружали ихъ со всѣхъ сторонъ. Вѣроятно не одна жертва пала тогда въ борьбѣ христіанства съ язычествомъ. Рассказываютъ, что верстахъ въ двухъ-стахъ отъ Троицкаго монастыря, надъ Тунгуской высится огромная

(*) Ее также называютъ Монастыркою. Это названіе въ особенности употребительно между поисковыми, на золото, приказчиками.

скала, середина которой выпукло и весьма ясно представляет изображение монаха въ черномъ клобукѣ. Ни одинъ Остякъ, ни одинъ Тунгусъ не проплываетъ и теперь еще мимо этой скалы, безъ того, чтобы не пустить въ нее стрѣлу. Не прежняя ли ненависть язычества къ распространителямъ Слова Божіа управляетъ этими дѣйствіями дикихъ, необразованныхъ дѣтей лѣсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже давно христіане? Я ни отъ кого ни чего не могъ добиться объ этомъ, а Тунгусовъ и Остяковъ съ Нижней Тунгуски не разпрашивалъ потому, что не видалъ еще ни одного изъ нихъ. Но продолжаю сообщать тѣ свѣдѣнія о Туруханскомъ Троицкомъ монастырѣ, какія мнѣ удалось собрать.

«Еще около 1640 г. одинъ промышленникъ, по имени Тимофей, открылъ на берегу рѣчки Манзы (нынѣ Усолка въ Канскомъ Округѣ, впадающая въ р. Тасѣеву), богатѣйшіе соляные ключи. Въ послѣдствіи времени, онъ устроилъ тутъ солеваренный заводъ и по духовному завѣщанію передалъ его во владѣніе Троицкаго монастыря. Это разумѣется, какъ нельзя лучше увеличило благосостояніе монастыря. Добывавшаяся соль снабжала въ продолженіи многихъ лѣтъ большую часть народонаселенія нынѣшней Енисейской губерніи, а вырученныя за нее деньги поступали въ монастырскую кассу. Изъ старыхъ дѣлъ Красноярскаго Архива видно, что въ 1700-хъ годахъ монастырь имѣлъ въ Красноярскѣ свое подворье, гдѣ жилъ постоянно одинъ изъ братіи, который распорядился продажею соли, заключалъ контракты на поставку ее въ казну и тому подобное. Распоряженіями относительно выварки соли въ самомъ заводѣ завѣдывали также монахи. Около того же времени, когда въ вѣдѣніи Троицкаго монастыря поступилъ солеваренный заводъ, Царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ туда священническую фелонь и пятидесяти пудовой колоколь, который и теперь виситъ на колокольнѣ. Хотя онъ ни чѣмъ въ особенности не замѣчателенъ, но я все-таки постараюсь снять съ него рисунокъ и переслать его Вамъ. Что касается до фелони, то она сгорѣ-

ла въ бывшій въ монастырѣ пожаръ, но когда именно случился этотъ пожаръ, я ни какъ не могъ узнать. Въ 1764 г. солеваренный заводъ поступилъ во владѣніе казны, и съ этого времени число братіи въ монастырѣ стало постоянно уменьшаться. Теперь въ немъ считается только: настоятель и одинъ монахъ.

«Я приплылъ къ Троицкому Туруханскому монастырю 9 Юня въ воскресенье въ 10 часовъ утра, ровно мѣсяць спустя послѣ того, какъ оставилъ Красноярскъ. День былъ ясный и жаркій. Въ воздухѣ носились тучи мошекъ и комаровъ. Выйдя на берегъ я прямо отправился къ монастырю. Селеніе Троицко-Монастырское мнѣ показалось совершенно безлюднымъ.

«Обѣдня уже окончилась и изъ церкви на встрѣчу мнѣ вышло человекъ пять дряхлыхъ стариковъ, все наличное населеніе въ ту пору Троицко-монастырскаго селенія; всѣ, кто былъ по моложе, уплыли ловить рыбу. Я остановилъ одного старика и спросилъ: гдѣ Настоятель. Онъ былъ еще въ церкви и разоблачался, когда я вошелъ въ нее. Въ такой пустынь, въ какой суждено ему жить, всякое новое лицо—давно желанный гость. Добрый старикъ обрадовался мнѣ какъ старинному, давно ожидаемому знакомому. Долго онъ спрашивалъ меня, откуда я родомъ, давно ли въ Сибири, за чѣмъ плыву въ Туруханскъ, долго-ли тамъ пробуду и тому подобное; потомъ, по просьбѣ моей онъ съ удовольствіемъ показалъ мнѣ монастырскую церковь, не очень давно перестроенную, и ризницу, не заключающую въ себѣ ни чего достопримѣчательнаго. Церковь (во имя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы), самой простой архитектуры, очень не велика и бѣдна. Въ ризницѣ на полкѣ между старыми кадилами и цѣпами отъ нихъ, лежало нѣсколько книгъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли. Достопочтенный старецъ весьма серьезно объявилъ мнѣ, что это монастырская библіотека. Изъ любопытства я взялъ одну книгу, закапанную во многихъ мѣстахъ воскомъ: она оказа-

лась изъ числа богослужебныхъ; другія пять или шесть — тоже. На вопросъ мой есть ли тутъ какія либо свѣтскія книги или рукописи, Настоятель объявилъ, что есть одна книга и именно Словцова — Историческое обозрѣніе Сибири, и рукопись, составленная какимъ-то монахомъ этого монастыря о жизни Василія Мангазейскаго. Рукопись заключала въ себѣ три или четыре листа и я попросилъ позволенія прочесть ее, пока пробуду въ монастырѣ.

«Василій Мангазейскій, останки котораго и теперь покоятся у лѣваго клироса главной монастырской церкви, былъ, какъ говоритъ рукопись, Ярославскій уроженецъ, сынъ тамошняго мѣщанина Федора. Занимаясь торговлею, онъ поступилъ въ прикащики къ какому-то купцу и отправился торговать его товарами въ городъ Мангазею, находившійся нѣкогда на р. Тазѣ, близъ того мѣста, гдѣ теперь находится хлѣбный магазинъ Тазовскій, у часовни. Съ ранней молодости Василій отличался кротостію, благоправіемъ и благочестіемъ. Одинъ разъ, въ самую заутреню въ Свѣтлое Христова Воскресеніе, когда онъ находился въ церкви, воры взломали двери его лавки и покрали всѣ товары. Хозяинъ, полагая, что тутъ дѣло не могло обойтись безъ содѣйствія самаго Василья, подалъ на него жалобу мѣстному Начальству. Въ это время, говоритъ рукопись, въ Мангазеѣ былъ воеводою нѣкто Савлукъ-Пушкинъ (*). Онъ приказалъ сей часъ-же взять Василья, привести въ сѣзжую избу, и при хозяинѣ сталъ пытатъ его. Василій ни въ чемъ не сознавался, хотя муки были такъ жестоки, что онъ нѣсколько разъ падалъ за мертво. Считая его молчаніе упорствомъ, озлобленный хозяинъ, державшій въ это время связку ключей отъ своей обкраденной лавки, размахнулъ и ударилъ ими Василья въ ви-

(*) Изъ краткаго показанія о сибирскихъ воеводахъ, напечатаннаго въ Тобольскѣ въ 1792 г. видно, что Влукъ Евстафьевичъ Пушкинъ вмѣстѣ съ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Масальскимъ-Кольцовымъ были воеводами въ Мангазеѣ въ продолженіи 1601 и 1602 годовъ.

сокъ. Онъ тяжело вздохнулъ и закрылъ глаза. Когда же его снова подняли на дыбу, то увидѣли, что онъ уже скончался. Желая какъ нибудь скрыть это непріятное происшествіе, воевода приказалъ не соблюдать при похоронахъ Василья ни какихъ церемоній, а просто положить его тѣло въ гробъ и бросить въ болотистое мѣсто подлѣ самой сѣзжей избы, въ которой онъ замученъ. Приказъ воеводы, разумѣется, былъ исполненъ въ точности; а что бы гробъ какъ можно глубже погрузился въ болото, то черезъ него положили доску для прихода въ сѣзжую избу просителей, стрѣльцовъ и десятниковъ. Но не смотря на это, въ 1652 году (слѣдовательно при воеводѣ Игнатіѣ Стефановичѣ Корсаковѣ, который управлялъ Мангазеею съ 1652 по 1656 г.), гробъ Василія показался снова въ тины и грязи. Вскорѣ молва припомнила народу, какою мученическою смертію онъ умеръ, и какъ благочестиво онъ жилъ. Гробъ былъ вынутъ, перенесенъ въ другое болѣе удобное мѣсто, зарытъ и надъ нимъ выстроена часовня. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1670 года, Іеромонаху Троицко-Таруханскаго монастыря Тихону приснился сонъ, что какой-то молодой человѣкъ съ бѣлокуроыми волосами, безъ бороды, въ бѣлой одеждѣ, будить его, заставляетъ идти въ Мангазеею и перевезти тѣло его въ монастырь, объявляя, что онъ тотъ самый Василій, о которомъ такъ много говорится въ народѣ и который замученъ воеводою Пушкинымъ. Тихонъ немедленно отправился въ Мангазеею, или лучше сказать, на то мѣсто, гдѣ она нѣкогда стояла, и 10 Мая того же года, привезъ тѣло Василія въ монастырь. Въ память этого, въ этотъ день въ монастырѣ и теперь отправляется ежегодно соборная всенощная. За тѣмъ въ рукописи слѣдуетъ извѣстіе о нѣкоторыхъ лицахъ призывавшихъ въ своихъ молитвахъ имя Василія Мангазейскаго и получившихъ исцѣленіе отъ болѣзней; о томъ, какъ прибылъ въ монастырь Преосвященный Филофей Лещинскій, Митрополитъ Тобольскій и Сибирскій (род. 1650, умеръ 1727 г.), какія трудности перенесъ онъ въ пути и тому подобное.

«Доподню это сказаніе еще нѣкоторыми свѣдѣніями, собранными на мѣстѣ.

«Версть за восемь-сотъ на Сѣверо-Западъ отъ Тураханска, верстахъ въ двѣнадцать на Сѣверъ отъ селенія Тазовскаго, на берегу тихаго величественнаго Таза, покрытомъ мѣлкимъ, но густымъ лѣсомъ, видна и теперь еще мѣстность, гдѣ находилась Мангазея, сгорѣвшая въ 1661 году. Во многихъ мѣстахъ видны ямы, гдѣ были погреба жителей; во многихъ мѣстахъ лежатъ груды угля и кирпичей. Все это заглохло и заросло до того тальникомъ и жалкими, низенькими кривыми соснами, что лѣтомъ туда не безъ затрудненій можно пробраться. Берегъ Таза въ этомъ мѣстѣ плоскій и тундристый. Тутъ же находится и ветхая часовня, въ которой некогда похороненъ былъ Василій Мангазейскій. Въ этой часовнѣ вы во всякое время года найдете нѣсколько звѣриныхъ шкуръ, изъ которыхъ многіе уже истлѣли. Это приношеніе бродящихъ въ близія Юраковъ Тазовской Орды и другихъ инородцевъ, случайно заходящихъ въ эту глушь. Они свято чтутъ память Василя и, отправляясь на ловъ звѣрей, или послѣ удачной охоты, всегда приходятъ къ часовнѣ и оставляютъ въ ней какую нибудь шкуру. Русскіе жители ближайшаго селенія Тазовскаго считаютъ святотатствомъ взять оттуда что-нибудь. Въ часовнѣ находится нѣсколько образцовъ, лики которыхъ отъ сырой мѣстности давнымъ давно полиняли.

«Впрочемъ, память Василя чествуютъ не одни инородцы, но и русскіе населенцы Туруханскаго края. У многихъ изъ нихъ есть даже изображенія его, которыхъ начало относится еще къ 1679 г. Здѣсь въ Туруханскѣ я видѣлъ два такихъ изображенія, представляющихъ Василя въ разныхъ положеніяхъ. На одномъ онъ является молодымъ, бѣлокурымъ юношею, безъ бороды, въ бѣлой рубашкѣ, не подпоясаннымъ, а съ боку представлено истязаніе его при купцѣ и воеводѣ. На другомъ изображенъ Туруханскій Троицкій мо-

настырь, а надъ нимъ на горѣ молящійся Василій, также въ одной рубашкѣ и безъ обуви.

«Я пробылъ въ монастырѣ часа четыре. Добрый настоятель ни за что не хотѣлъ отпустить меня безъ обѣда. На скоро приготовлена была уха изъ свѣжей стерляди, поданы копченыя сельди. Во время трапезы старикъ рассказывалъ мнѣ объ истинно пустынноическомъ своемъ житьѣ-бытьѣ и горько жаловался на бѣдность монастыря. Провожая меня, онъ чуть не плакалъ.

«Оканчивая письмо мое къ Вамъ о Туруханскомъ Троицкомъ монастырѣ, я не могу не припомнить одного обстоятельства, въ слѣдствіе котораго ему предстояла блестящая участь распространить сѣмена Евангелія между инородцами Туруханскаго края посредствомъ ихъ же самихъ. Богу угодно было, чтобы это предположеніе не осуществилось.

«11-го Августа 1805 г. отъ бывшаго Томскаго Гражданскаго Губернатора Хвостова послѣдовало къ Г. Министру Внутреннихъ дѣлъ донесеніе слѣдующаго содержанія:

«Въ бытность мою нынѣ въ Туруханскѣ имѣлъ я случай сдѣлать посильное краю сему добро, въ память искренняго моего усердія къ его благу. Нашедъ въ семъ городѣ у разныхъ людей пять мальчиковъ изъ Тунгусовъ и Остяковъ, отданныхъ на воскормленіе безъ возврата отъ бѣдныхъ родителей, считавшихъ себѣ отягощеніемъ пропитать несчастныхъ младенцевъ сихъ, по случившимся худымъ промысламъ звѣря и рыбы, — рѣшился я взять ихъ на мое содержаніе. Сообразивъ бѣдное положеніе и самихъ воспитателей и не предвидя, кромѣ присвоенія, иной цѣли въ участи сихъ несчастныхъ дѣтей, не трудно мнѣ было убѣдить ихъ, чтобъ они мнѣ ихъ поручили. Я прибѣгнулъ съ просьбою къ Игумну Троицкаго Туруханскаго Монастыря, въ 35 верстахъ отъ города при устьѣ Тунгуски лежащаго, прося Его Преподобіе, чтобъ онъ согласился на слѣдующее мое предложеніе: взять въ монастырь для содержанія пищею, одеждою и обувью сихъ пяти мальчиковъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ обучить читать,

писать и начальнымъ основаніямъ закона. Сей, по истиннѣ достойный званія своего Игуменъ, на сіе согласился, тѣмъ паче, когда получилъ онъ къ сему и архипастырское Начальничье ему подтвержденіе, о чемъ и просилъ я Его Преосвященство Архіепископа Тобольскаго и Сибирскаго. На содержаніе сихъ мальчиковъ дано отъ меня 200 р., съ тѣмъ, что обязался я письменно Начальству сей обители взносить ежегодно къ 12 числу Марта таковую сумму по смерть мою, предоставляя попеченію монастыря содержать непрерывно пять сиротъ изъ ясашныхъ, края сего, народовъ; при чемъ просилъ, чтобъ по довольномъ наученіи всѣхъ или приготова нѣсколькихъ, отнестись въ Томскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

«Я осмѣливаюсь всепокорнѣйше испрашивать исходатайствованія Высочайшаго повѣленія, чтобъ Томскому Приказу Общественнаго Призрѣнія поставлено было обязанностію о устроеніи участи прочной симъ воспитанникамъ; Губернскому Начальству, чтобъ къ отысканію подобныхъ несчастныхъ сиротъ изъ ясашныхъ Туруханскаго края къ дополненію впредь вакансіи дѣлало оно нужныя распоряженія.

По Всеподданнѣйшему докладу объ этомъ Его Императорскому Величеству Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ послѣдовала слѣдующій Высочайшій рескриптъ.

«Господину Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Томскому Гражданскому Губернатору Хвостову.

Изъ представленія Вашего къ Министру Внутреннихъ дѣлъ съ удовольствіемъ я видѣлъ похвальный Вашъ поступокъ въ призрѣніи дѣтей изъ Тунгусовъ и Остяковъ, оставленныхъ въ городѣ Туруханскѣ. Человѣколюбіе есть одно изъ существенныхъ свойствъ вашего званія. Миѣ пріятно видѣть опыты его во всѣхъ состояніяхъ, но наипаче въ Начальникѣ края: примѣръ его есть наилучшее къ добру побужденіе.

Я одобряю предположеніе Ваше, чтобъ дальнѣйшее устроеніе участи дѣтей, благотворительнымъ распоряженіемъ Вашимъ въ монастырѣ воспитываемыхъ, состояло на попеченія

и точной обязанности Приказа Общественнаго Призрѣнія и чтобъ Губернское Начальство избирало и наполняло число воспитанниковъ Вами опредѣленное, изъ ясашихъ сиротъ Туруханскаго края».

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Мѣстечко Пулава

3 Октября 1803 г.

«Доброе дѣло было начато, оставалось только продолжать его. Предположено было, чтобы дѣтей, оказавшихъ способности, посылать для окончанія курса наукъ въ семинарію, а потомъ тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ вступить въ духовное званіе, посылать священно и церковными служителями въ Туруханскій край, преимущественно въ тѣ мѣста, близъ которыхъ бродятъ Остяки и Тунгусы.

«Въ 1810 году, по окончаніи переписки между духовнымъ и гражданскимъ Начальствомъ, бѣдные сироты были помѣщены въ монастырь и пробыли тамъ два года. Но въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1812 года Томская Духовная Консисторія отнеслась въ Томское Губернское Правленіе, что бы эти мальчики были взяты изъ монастыря, потому что они остаются тамъ безъ всякаго призрѣнія и обучать ихъ нѣкому. Последнее обстоятельство было совершенно справедливо. Дѣлать было нечего: бѣдные сироты взяты изъ монастыря, но куда потомъ дѣвались — неизвѣстно.

Сколько подобныхъ прекрасныхъ начинаній остается иногда безъ послѣдствій.

VI.

Туруханскъ.

Отъ Троицкаго монастыря до Туруханска, какъ упомянуто выше, не болѣе 25 или 30 верстъ.

Туруханскъ—одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ городовъ Сибири. Онъ находится подъ $65^{\circ} 55'$ сѣверной широты и $105^{\circ} 18'$ восточной долготы. Слѣдовательно Березовъ южнѣе его около двухъ градусовъ, Якутскъ около трехъ, Нарымъ около пяти. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ русскихъ городовъ, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически, преимущество предъ Туруханскомъ берутъ только Кола и Нижне-Колымскъ: оба они сѣвернѣе его около трехъ градусовъ.

Начало Туруханска относится къ XVII столѣтію.

Въ 1598 году до Царя Θεодора Іоанновича дошли слухи, что на далекомъ Сѣверѣ, близъ Оби рѣки» яже двѣма устьи вниде въ Окіянъ море» существуетъ земля Самоѣдовъ; а потому, для провѣданія этой земли, въ томъ же году былъ посланъ нѣкто Федоръ Дьяковъ. Результаты этой экспедиціи намъ не извѣстны, кромѣ того только, что Дьяковъ доходилъ до р. Енисея. Однако мысль овладѣть Самоѣдскою землею не оставляла наше Правительство и въ послѣдующее время. Весьма вѣроятно, что поводомъ къ этому былъ слухъ, доходившій отъ времени до времени въ Тобольскъ о богатствѣ помянутой земли. При Царѣ Борисѣ Θεодоровичѣ въ 1600 г на р. Тазу былъ уже основанъ городокъ подъ именемъ Мангазеи. Укрѣпясь здѣсь, отрядные Начальники постоянно посылали во всѣ стороны партіи казаковъ для сбора ясака. Въ нѣсколькихъ дняхъ пути на Востокъ отъ Мангазеи, казаки нашли рѣку Туруханъ, а плывя по ней внизъ по теченію, естественно должны были выдти въ Енисей. При впаденіи Турухана Енисей расширяется, дѣлится на нѣсколько протоковъ и образуетъ довольно большой тундристый островъ, покрытый лозникомъ, соснами и березами. Ровное и открытое положеніе этого острова показалось казакамъ весьма удобнымъ къ учрежденію тутъ караульнаго поста, а потому они выстроили на немъ зимовье и назвали его Туруханскимъ. Это было въ 1609 году. Вскорѣ послѣ этого, Мангазея сгорѣла, а устраивать новый городъ на томъ же мѣстѣ оказалось не удобнымъ, по причинѣ не здороваго климата и болотистой почвы. Это

было поводомъ къ тому, что въ 1672 г. по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, всѣ жители Мангазеи переведены въ Туруханское зимовье и тутъ выстроенъ деревянный городъ подъ именемъ новой Мангазеи или Туруханска.

Такова давняя исторія Туруханска. Дальнѣйшая судьба его представляетъ весьма мало интереса. 19 Января 1782 г. онъ причисленъ къ Томской области Тобольскаго Намѣстничества; 17 Марта 1785 г. ему данъ гербъ—въ зеленомъ полѣ серебряный песецъ, «потому что оной округи песцы наилучшими почитаются;» 18 Марта 1804 г. гербъ этотъ измѣненъ: въ щитѣ, раздѣленномъ горизонтально на двое, въ верхней половинѣ вѣдно изображать гербъ Томска, къ вѣденію котораго онъ причисленъ, а въ нижней въ красномъ полѣ серебрянаго песца, обращеннаго въ правую сторону; наконецъ въ 1822 году, при открытіи Енисейской губерніи, Туруханскъ изъ окружнаго города Томской губерніи переименованъ заштатнымъ Енисейской; присутственныя мѣста его закрыты; казна и три чугунныхъ пушки перевезены въ Красноярскъ и Тобольскъ, а для управленія дѣлами Полиціи и для сбора ясака назначенъ особый чиновникъ, съ названіемъ Отдѣльнаго Засѣдателя.

Туруханскъ самое скучное, самое глухое и самое не здоровое мѣсто, какое только можно себѣ вообразить.

Находясь въ 1414 верстахъ отъ своего Губернскаго города—Красноярска и въ 1084 верстахъ отъ окружнаго—Енисейска, Туруханскъ рѣдко—рѣдко бываетъ кѣмъ либо посѣщаемъ и даже самая почта ходитъ въ него только одинъ разъ въ мѣсяць.

Все народонаселеніе Туруханска состоитъ изъ 394 человекъ мужескаго пола. Мѣщанъ 72 души; казаковъ считается до 45 душъ, а остальные—поселенцы, сосланные туда за разныя вредныя ересы. Изъ чиновниковъ тамъ находятся: Отдѣльный Засѣдатель, Помощникъ Засѣдателя, Лекаръ, Винный и Соляной Пристава. Кромѣ сихъ лицъ въ Туруханскѣ жительствоуетъ одинъ Священникъ. Туруханскіе мѣщане весь-

ма бѣдны, потому что не могутъ найти работу, ни особенно доступныхъ промысловъ, которые бы могли улучшить ихъ благосостояніе. Но за всеѣмъ тѣмъ привязанность къ родинѣ у нихъ такъ велика, что они ни за что нехотятъ приписаться къ какому нибудь другому городу. Впрочемъ одна изъ самыхъ главнѣйшихъ причинъ ихъ нищеты—лѣдность. Не лѣзя повѣрить до какой степени этимъ людямъ трудно приняться за какую нибудь работу. Правда, что нѣкоторые изъ нихъ не подходятъ подъ это правило, и живя въ зимовьяхъ внизъ по Енисею къ Ледовитому морю, занимаются добычею пуш-наго звѣря,—но это рѣдкія исключенія. Большая часть Туруханскихъ мѣщанъ ведетъ жизнь до того праздную, что не въ состояніи даже прокормить себя, между тѣмъ, какъ рыбы тамъ въ изобиліи, родится довольно хорошо картофель и другія овощи. О дичи и говорить нечего; ее необыкновенное множество.

Казаки, напротивъ, самая дѣятельная часть Туруханскаго населенія. Только до 1852 г. они такъ были заняты службою, что у нихъ едва—едва оставалось сколько нибудь свободнаго времени для того, чтобы пріобрѣсти себѣ что нибудь. Ихъ обыкновенно назначали смотрителями хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ, разбросанныхъ по всеѣмъ пунктамъ Туруханскаго края; ихъ употребляли на посылки по дѣламъ службы; наконецъ, они преимущественно занимались сплавомъ казеннаго хлѣба по Нижней Тунгuskѣ. Последняя обязанность считалась самою трудною. Нижняя Тунгуска беретъ начало изъ плоскихъ возвышенностей, прилегающихъ къ лѣвому берегу рѣки Лены, дѣлается судоходною отъ мѣста впаденія въ нее рѣки Непы и впадаетъ въ Енисей верстахъ въ 25 или 30-ти выше Туруханска, близъ селенія Троицко-монастырскаго; она чрезвычайно быстра и усѣяна страшными порогами, которые начинаются отъ впаденія въ нее рѣчки Подпорожной. На всеѣмъ протяженіи Нижней Тунгуски находится четыре урочища, наиболѣе посѣщаемыя бродячими Тунгусами и другими инородцами: Нижне-Чумское, Таймур-

ское, Усть-турыжское и Тайминское. Всякій годъ въ Августѣ мѣсяцѣ до тридцати казаковъ отправлялось вверхъ по теченію этой рѣки на трехъ-палубныхъ лодкахъ и, приставъ у одного урочища, ждали выхода инородцевъ и продавали имъ хлѣбъ; потомъ отправлялись въ другое и такъ далѣе. Такимъ образомъ они поднимались болѣе 1200 верстъ противъ теченія. А какъ Тунгуска замерзаетъ весьма рано, именно въ половинѣ Октября, то очень часто случалось, что казаки зимовали гдѣ нибудь на берегу ея и возвращались въ Туруханскъ по проходѣ льда, то есть не ранѣе Іюня мѣсяца. Обратное плаваніе совершается чрезвычайно быстро. 1200 верстъ проплываютъ не болѣе, какъ дней въ пять или шесть. Въ Августѣ мѣсяцѣ, тѣ же самые казаки отправлялись вновь съ хлѣбомъ по Тунгускѣ. Такимъ образомъ, у нихъ почти не было свободнаго времени.

Нынѣ таковой сплавъ хлѣба производится посредствомъ найма вольными рабочими, а казаки занимаютъ только вахтерскія должности и употребляются для посылокъ.

Въ Туруханскѣ не получается ни газетъ, ни журналовъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Всѣ самыя необходимыя вещи не только очень дороги, но случается даже, что ихъ нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги. Все нужно выписывать или изъ Енисейска или покупать очень дорого отъ торговцевъ, приплывающихъ сюда за вымѣномъ у инородцевъ рухляди. Говядина рѣдкость и зимою и лѣтомъ. За то рыбы сколько душѣ угодно и Туруханскіе копченые сельди пользуются повсемѣстною извѣстностью въ Енисейской губерніи.

Весь Туруханскъ состоитъ изъ одной кривой улицы и нѣсколькихъ кое-какъ разбросанныхъ домиковъ. Большая часть ихъ скривилась и готова упасть. Крышу здѣсь замѣняетъ дернъ, а стекла бумага или пузырь, такъ что во всемъ Туруханскѣ едвали можно насчитать четыре дома, въ которыхъ были бы вставлены настоящія стекла. Словомъ сказать, нѣтъ ни одного зданія, которое не грѣша можно бы было назвать домомъ; нѣтъ даже ни больницы, ни училища,

ни острога. Церквей двѣ, но они ничѣмъ незамѣчательны. Гостинный дворъ почти совсѣмъ развалился.

Весна открывается въ Туруханскѣ не ранѣе конца Мая; въ началѣ Іюня только что начинается трава и распускаются тальники. Когда стаетъ снѣгъ, весь Туруханскъ покрывается грязью, которая не просыхаетъ цѣлое лѣто. Прежде во многихъ мѣстахъ сдѣланы были деревянные тротуары, но теперь они совершенно развалились. Лѣтомъ страшныя жары, не уничтожая грязи, наполняютъ воздухъ убійственными испареніями. Въ Іюль мѣсяцѣ термометръ часто подымается до 30°, но не рѣдко случается, что на другой затѣмъ день выпадаетъ снѣгъ. Лѣтомъ бываютъ непрерывныя грозы и дожди. Къ довершенію всего появляются мириады комаровъ и мошекъ. Спаситься отъ нихъ одно средство—надѣть сѣтку изъ лошадиныхъ волосъ, или развести курево, отъ котораго въ свою очередь можно задохнуться. Мошки не даютъ покоя днемъ, а комары ночью. Впрочемъ съ 20 Іюля обыкновенный комаръ исчезаетъ, но за то его мѣсто заступаетъ другой видъ, мелкій и болѣе лютый. Во время сильныхъ жаровъ, протѣки, окружающіе островъ, на которомъ расположенъ Туруханскъ, совершенно пересыхаютъ, такъ что за водою надо ѣздить на Туруханъ, версты за четыре отъ города. Впрочемъ жители такъ лѣнны, что предпочитаютъ лучше брать воду изъ одного озера, находящагося не далеко отъ Туруханска, которое наполнено болотными насѣкомыи. Все лѣто въ Туруханскѣ почти непрерывный день: едва солнце сядетъ на Западѣ, какъ уже снова показывается на Востокѣ. Нѣсколько дней оно и совсѣмъ несходитъ съ горизонта.

Зимою картина перемѣняется; она наступаетъ сей часъ за лѣтомъ, такъ что осени почти и не замѣтно. Въ началѣ, а иной годъ въ половинѣ Ноября, огромныя сугробы снѣга заваливаютъ Туруханскъ до того, что между ними едва замѣтны его бѣдныя лачужки. Жестокія пурги, продолжающіяся иногда по нѣскольку дней, буквально не позволяютъ сдѣлать двухъ шаговъ по улицѣ. Морозы простираются до

40 и болѣе градусовъ. Съ половины Октября по Январь солнце доходить только до половины горизонта и потомъ скрывается, оставляя послѣ себя зарево. За то жители Туруханска почти каждую ночь наслаждаются зрѣлищемъ свѣтозарныхъ сѣверныхъ сіяній.

Однакожь не смотря на это грустное описаніе, въ которомъ и сотой доли не сказано того, что можно бы сказать, — бывають дни, когда Туруханскъ какъ будто бы оживаетъ, на единственной улицѣ его замѣчается движеніе, все принимаетъ какой-то праздничный видъ. Я говорю о томъ времени, когда въ Туруханскъ прибываютъ торговцы изъ Енисейска и Красноярска и привозится хлѣбъ для казенныхъ запасныхъ магазиновъ.

Обыкновенное время прибытія купеческихъ судовъ въ Туруханскъ около половины Іюня. Въ это же время (весь Іюль мѣсяцъ) здѣсь бываетъ и ярмарка, на которую выходятъ Остяки и Тунгусы разныхъ родовъ. Степановъ въ своемъ описаніи Енисейской Губерніи говоритъ, что въ его время эта ярмарка была довольно значительна, но теперь она совершенно ничтожна. Во время пребыванія въ Туруханскѣ Енисейскихъ торговцевъ, всѣ жители стараются заготовить на цѣлый годъ всѣми необходимыми вещами: хлѣбомъ, холстомъ, сукномъ, кожею, чаемъ, сахаромъ и т. п. Хотя многія и утверждаютъ, что распространеніе въ простомъ народѣ чая спасительно въ томъ отношеніи, что уменьшаетъ употребленіе спиртныхъ напитковъ; однакожь таковое мнѣніе не совсѣмъ справедливо относительно туруханскихъ мѣщанъ и поселенцевъ. Страстные охотники до чая, который здѣсь не очень дешевъ, какъ и все, они тѣмъ не менѣе страстные охотники и до водки. Исключеніе составляютъ только одни раскольники. Что касается до инородцевъ, то каждый изъ нихъ за рюмку водки готовъ продать самага себя.

Кромѣ ярмарки въ Туруханскѣ проявляется особенная жизнь, особенное движеніе во время годовыхъ праздниковъ и торжественныхъ дней.

Градскіе доходы Туруханска ничтожны; по десятилѣтней сложности они простираются до 150 р., изъ которыхъ до 120 р. получается съ откупной питейной суммы.

VIII.

Отъ Туруханска до моря.

Отъ Туруханска до Ледовитаго моря считается 1405 верстъ. Прежде на этомъ пространствѣ было болѣе 100 зимовьевъ, тецерь ихъ нѣтъ и на половину. Здѣсь я исчисляю только главнѣйшія:

1) *Шорохино* въ 40 верстахъ отъ Туруханска. Оно состоитъ изъ 5 домовъ, въ которыхъ болѣею частію, живутъ Якуты.

Какъ много было писано у насъ объ Якутахъ Якутской Области, такъ мало извѣстно о двухъ родахъ ихъ, обитающихъ на отдаленномъ Сѣверѣ Енисейской губерніи, въ Туруханскомъ краѣ. Конечно, эти два рода представляютъ весьма мало особенностей; любопытно однакоже взглянуть на нихъ, такъ далеко и по видимому, такъ давно отдалившихся отъ своихъ соплеменниковъ.

Обыкновенно полагаютъ (да объ этомъ сохранилось и преданіе), что Якуты жили въ старину около вершинъ рѣки Лены и около озера Байкала, вмѣстѣ съ Монголами и Бурятами. Поссорясь съ ними, Якуты должны были удалиться изъ мѣстъ, которыя занимали и со всѣмъ своимъ скотомъ уплыли на плотахъ внизъ по рѣкѣ Ленѣ. Отбиваясь отъ встрѣчавшихся имъ на этомъ пути Тунгусовъ, они поселились частію по рѣкѣ Олекмѣ, частію по Ленѣ, а отсюда перешли на Вилюй, Алданъ, Яну и Индигирку. Все это по всей

вѣроятности происходило еще за до́лго до пришествія въ эту страну нашихъ отважныхъ казаковъ. Точно также, вѣроятно, задолго до этого времени два рода Якутовъ отделились отъ своихъ соплеменниковъ и направились чрезъ Анабаръ къ берегамъ Енисея. Но когда именно это было и въ слѣдствіе какихъ причинъ, сказать невозможно.

По послѣднимъ официальнымъ свѣдѣніямъ, всѣхъ Якутовъ, живущихъ въ Туруханскомъ краѣ, считается 249 душъ мужескаго и 252 души женскаго пола. Они раздѣляются на два рода—Шорохинскій и Нижне Затундринскій. Въ первомъ при 15 душахъ мужескаго населенія считается 9 работниковъ; во второмъ при 234 душахъ—121 работникъ, платящихъ ясакъ.

Шорохинскій родъ Туруханскихъ Якутовъ живетъ вмѣстѣ съ Русскими крестьянами въ зимовьѣ Шорохинскомъ на правой сторонѣ Енисея, немного ниже впаденія въ Енисей рѣчки Шорохи. Якуты Нижне-Затундринскіе живутъ отъ Туруханска верстъ за 1500 и 1800 за такъ называемою Низовою Тундрою по рѣкамъ Хетѣ, Боганидѣ, Хатангѣ до Анабара. На земляхъ, считающихся во владѣніи Шорохинскаго Якутскаго рода, растеть лѣсъ въ значительномъ количествѣ; земли же Нижне-Затундринскаго Якутскаго рода представляютъ сплошную тундру, усѣянную болотами и озерами. Озера эти весьма богаты бѣлою рыбою, которая считается особенно вкусною. Нечего, кажется, говорить, что въ мѣстахъ, гдѣ жувутъ Туруханскіе Якуты, по суровости климата, не можетъ быть допущено и мысли о земледѣліи. Единственное средство къ существованію здѣсь заключается въ звѣриной и рыбной ловлѣ.

Якуты роста средняго и отличаются довольно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Физиономія ихъ чисто татарская. Лицемъ они смуглы; волосы у нихъ черные, почти курчавые; глаза также черные, узенькіе; скулы широкіе, выдавшіеся. Вообще, женщины несравненно красивѣе мужчинъ. По рассказамъ Г. Степанова, видѣвшаго Якутовъ въ зимовьѣ Шорохинскомъ,

«они, въ особенности ихъ жены и дочери, изыскательны въ убранствѣ своего платья и хотя разръзные кафтаны ихъ съ фалдами изъ кожъ бурыхъ ланей, вывороченныхъ къ верху мѣхомъ, очень похожи на старинныя крестьянскіе зипуны и покроемъ не очень щеголеваты, но съ широкою каймою по оконечностямъ, съ прошивами сзади и съ нарукавниками — нарядны чрезвычайно. Вся эта отдѣлка, равно какъ и нагрудникъ, выказывающійся изъ подъ кафтана дѣлаются изъ какого нибудь сукна, унизаннаго въ узоры бисеромъ и стеклярусомъ. На шапкѣ, опушенной лисьими или песцовыми хвостами, также лежитъ поперегъ широкая бисерная полоса. Нижняя одежда обоего пола похожа на мужскую самоѣдскую». Рубахъ Якуты не носятъ, кромѣ развѣ самыхъ богатыхъ.

Читая описаніе объ Якутахъ Якутской Области и сравнивая ихъ съ имѣющимися у насъ свѣдѣніями объ Якутахъ Туруханскаго края нельзя не убѣдиться, что послѣдніе не сравненно зажиточнѣе первыхъ. Якуты Шорохинскаго рода почти ни чѣмъ не отличаются отъ русскихъ крестьянъ: почти у всѣхъ у нихъ есть даже рогатый скотъ, что вообще рѣдкость въ Туруханскомъ краѣ. Изъ Нижне-Затундринскихъ Якутовъ едва ли есть одинъ, у котораго бы было менѣе 50 или 60 оленей. Кромѣ того обиліе дикихъ оленей, водящихся по ихъ тундрамъ и богатая рыбою озера даютъ имъ всѣ средства къ безбѣдному существованію. Правительство, желая обезпечить продовольствіе жителей приполярныхъ мѣстъ Енисейской губерніи съ издавна учредило за тундрою три хлѣбныхъ запасныхъ магазина, но тамошніе Якуты пользуются изъ нихъ хлѣбомъ весьма рѣдко, именно развѣ только въ случаѣ неурожа дикихъ оленей или рыбы.

Якуты стараются строиться деревнями, подобно Русскимъ. Жилища ихъ обыкновенно состоятъ изъ зимниковъ. Это низкая деревянная связь съ потолкомъ, но безъ крыши, раздѣленная коридоромъ на двѣ части: въ одной, раздѣленной также на двѣ части, помѣщается семейство Якута и его пожитки, а въ другой живутъ олени и собаки, если они есть.

Посреди избы, занимаемой семействомъ Якута, устроены всегда чумалы, родъ камина, посредствомъ котораго и нагрѣвается жильё; около стѣнъ находятся лавки; окна затягиваются пузырями. Сколько вообще не толкуютъ путешественники о нечистотѣ подобнаго рода жилищъ, однакожь намъ не разъ случалось слышать мнѣніе людей, менѣе взыскательныхъ, что послѣ долгаго странствованія по тундрѣ, послѣ всѣхъ непріятностей, сопряженныхъ съ этимъ странствованіемъ, якутскіе зимники—дворцы передъ чумами Самоѣдовъ, живущихъ съ ними по сосѣдству. Гостепріимство и вѣжливость Якутовъ еще болѣе располагаютъ всякаго въ ихъ пользу. Какъ только гость прибылъ къ зимнику Якута, то самъ хозяинъ, хозяйка и дѣти ихъ на перерывѣ стараются высадить его изъ нарты, ввести въ жильё и помѣстить по ближе къ чумалу, напоить, накормить чѣмъ Богъ послалъ и вообще заставить забыть всѣ лишеныя, въ дорогѣ. Между угощеніями, которыя подадутъ здѣсь путнику, непременно появится такъ называемая якутская каша. Каша эта готовится слѣдующимъ образомъ: въ кипящую воду насыпаютъ несѣянной ржаной муки, комки ея разбиваютъ мутовкою, а когда клестеръ этотъ совершенно разотрется, то туда кладутъ нѣсколько масла.

Всѣ Якуты Туруханскаго края давно уже христіане, и поощающіе ихъ священники не могутъ нахвалиться ихъ усердіемъ къ вѣрѣ. Обрядъ крещенія, брака, похоронъ—все это они стараются исполнять по уставамъ церкви. Въ этомъ отношеніи они едва ли не превосходятъ русскихъ жителей Туруханскаго края. Только очень не многіе изъ Якутовъ, живущихъ вблизи къ р. Анабару, въ сосѣдствѣ своихъ сродичей Якутской Области, придерживаются временемъ шаманства. Изъ темныхъ, и сбивчивыхъ разсказовъ о вѣрѣ, которая существовала между ними до принятія Христіанства, видно, что они признавали существованіе девяти небесъ, изъ которыхъ на семи, по ихъ понятіямъ, обитали разныя животныя, лошади, олени и проч., которыми питались души покойниковъ; на осьмомъ небѣ жилъ богъ, содержащій во

власти своей громъ и молнію, именно: *Сюрдяхъ-Сюга-тоёнъ* (страшный топоръ господинъ), а на девятомъ — богъ творецъ всего — *Аръ-тоёнъ* (чистый господинъ). Жена его называлась — *Кубей-Хатунъ* (почтенная госпожа). Вотъ всё незначительныя свѣдѣнія о языческихъ вѣрованіяхъ здѣшнихъ Якутовъ.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что находишь Туруханскіе Якуты въ краѣ менѣе суровомъ, чѣмъ Туруханскій, они давно бы были отличными земледѣльцами. То, что обыкновенно рассказываютъ о лѣности Якутовъ Якутской Области, почти не вѣроятно для тѣхъ, которые знакомы съ бытомъ ихъ Туруханскихъ сродичей. Стоитъ только привести себѣ на память, что такое ужасная Низовая тундра, что бы понять, сколько усилій долженъ употребить Якутъ для того, что бы обезпечить существованіе свое и своего семейства. А живутъ они, какъ замѣчено выше, не бѣдно.

Якуты вообще считаются страшными обжорами. Мнѣ случилось слышать рассказъ очевидца, что трое Якутовъ, сбывъ выгодно въ Охотскѣ свой товаръ, вздумали повеселиться. Они купили ведро вина, зарѣзали годовалаго жеребенка и уничтожили все это за одинъ присѣстъ, не считая еще нѣсколькихъ фунтовъ масла, которое было тутъ же растоплено и выпито. О Туруханскихъ Якутахъ рассказываютъ тоже самое.

Ни музыки, ни пѣсенъ у Туруханскихъ Якутовъ нѣтъ; но плясать они большіе охотники. Пляска эта состоитъ въ томъ, что они становятся въ кружокъ и медленно двигаются впередъ, переступая съ ноги на ногу и припѣвая:

Хейра, хейра, хечу, хечу;

Хугай урай, хугай урай;

Аггай, аггай.

Всѣ Туруханскіе Якуты очень хорошо понимаютъ по русски. Природный языкъ ихъ тотъ же самый, какимъ говорятъ ихъ сродичи Якутской Области.

Туруханскіе Якуты отнесены къ разряду осѣдлыхъ инородцевъ. Они управляются своими старшинами или тоёнами. Ясакъ платятъ по числу работниковъ, находящихся въ каждомъ родѣ. Обыкновенно этотъ ясакъ состоитъ изъ горностаевъ или песцовъ.

2) *Ангутское*, въ 75 верстахъ отъ Туруханска. Оно состоитъ изъ 3-хъ лачугъ крестьянъ и поселенцевъ. Здѣсь въ 1737 г. зимовалъ Лейтенантъ Овцынъ, плывшій изъ Тобольска для изслѣдованія береговъ Ледовитаго моря.

3) *Курейское*, въ 140 верстахъ отъ Туруханска. Оно изъ трехъ хижинъ, но за то здѣсь хлѣбный запасный магазинъ. Прошу замѣтить это ничтожное зимовье потому, что это южный предѣлъ бродяжества Юраковъ, одного изъ самыхъ интереснѣйшихъ племенъ Енисейской губерніи, которому я намѣренъ посвятить особую главу.

4) *Денежнино*, въ 165 верстахъ отъ Туруханска на правой сторонѣ Енисея. Въ немъ только два дома крестьянъ. Здѣсь въ 1737 г. зимовалъ спутникъ Овцына, корабельный мастеръ Кошелевъ, плывшій за нимъ на допель-шлюпѣ, построенномъ въ Тобольскѣ. Пестовъ въ 1833 г. еще говорилъ, что въ его время оставались развалины зимовья, построеннаго экипажемъ Кошелева, а равно амбара и бани. Допель-шлюпъ, какъ извѣстно, доплылъ въ послѣдствіи времени до Енисейска, былъ тамъ оставленъ и сгорѣлъ во время страшнаго пожара, случившагося въ Енисейскѣ въ 1778 г., когда сгорѣло почти два трети города.

5) *Хантайское*, въ 400 верстахъ отъ Туруханска, на правомъ берегу Енисея. Въ немъ два дома и полуразвалившаяся деревянная церковь.

6) *Фокино*, въ 452 верстахъ отъ Туруханска, на правомъ берегу. Это зимовье, состоящее изъ одного только дома, можно считать крайнимъ предѣломъ лѣсовъ. Занимъ они уже рѣдѣютъ, а нѣсколько ниже, съ устья рѣчки Авсины, исчезаютъ совершенно. Отсюда начинается тундра. Енисей течетъ въ пологихъ берегахъ около 10 верстъ шириною.

7) *Дудинское*, въ 532 верстахъ отъ Туруханска, на правомъ берегу. Здѣсь казенный запасный магазинъ и три дома. Это зимовье—пунктъ отправленія за большую тундру.

8) *Селякинское*, въ 682 верстахъ отъ Туруханска, на правомъ берегу. Съ этого зимовья Енисей начинаетъ расширяться все болѣе и болѣе и образовывать острова.

9) *Толстоносское*, въ 724 верстахъ отъ Туруханска, на правомъ берегу. Здѣсь деревянная церковь и нѣсколько бѣдныхъ домовъ. У этого селенія Енисей уже около 20 верстъ ширины.

и 10) *Звѣрево*, въ 948 верстахъ отъ Туруханска, на лѣвой сторонѣ. Здѣсь Енисей 60 верстъ ширины.

За этимъ зимовьемъ, Енисей расширяется, образуетъ до 50 острововъ, снова съуживается и впадаетъ въ Ледовитое море подъ $71^{\circ}5'$ широты.

Самое послѣднее зимовье — Крестовское. Оно на самомъ устьѣ Енисея, верстахъ въ 100 отъ моря.

IX.

Юраки.

Выше я мимоходомъ упомянулъ объ Юракахъ.

Юраки самый сѣверный народъ Самоѣдскаго племени. Народъ этотъ до сихъ поръ еще мало извѣстенъ, а потому я полагаю, что настоящія свѣдѣнія объ нихъ, собранныя на мѣстѣ, будутъ не совсѣмъ лишены интереса.

Потрудитесь взглянуть на карту Туруханскаго края. Немного ниже Туруханска, ближе къ берегу Ледовитаго моря лежитъ селеніе Курейское. Проведите отъ него мысленно черту на западъ до рѣки Таза и она упрется какъ разъ въ зимовье Тазовское у Часовни, близъ котораго находился нѣкогда городъ Мангазея. Это южный предѣлъ бродяжества Юраковъ, — говорю бродяжества потому, что это народъ

бродячій, не имѣющей никакой осѣдлости. Съ Запада ихъ земли ограничиваются рѣкою Тазомъ, съ Сѣвера Ледовитымъ моремъ и съ Востока рѣкою Енисеемъ.

Пространство земли, заключающееся въ очерченныхъ нами предѣлахъ, весьма обширно, если принять въ соображеніе даже одно то, что отъ зимовья Тазовскаго у Часовни и Курейскаго внизъ по теченію рѣкъ Таза и Енисея до Ледовитаго моря, будетъ по крайней мѣрѣ до 800 верстъ. Какъ велико пространство отъ селенія Курейскаго по прямому направленію, до селенія Тазовскаго у Часовни, равно какъ велика линія берега Ледовитаго моря, заключающагося между Тазомъ и Енисеемъ, мы не знаемъ. Все пространство земли, заключающееся въ этихъ предѣлахъ, можно назвать совершенною плоскостью: небольшія возвышенія идутъ только по берегамъ Хеты, впадающей въ Енисей; остальное — все тундра, пересѣкаемая незначительными рѣчками и озерами. Озера, большею частію, не имѣютъ никакихъ названій, или лучше сказать называются по рѣчкамъ, которыя изъ нихъ вытекаютъ. Замѣчательнѣйшія рѣчки суть: Володеча, Гыда, Пелятка, Соленая, Хета, Месо и Волочанка. Всѣ онѣ весьма обильны рыбою, вкусомъ которой не могутъ нахвалиться всѣ пробовавшіе ее. Въ нихъ водится чирь (по Юракски: ядурча), муксунъ (симбукчи), подчирокъ (олеко-ядурчеко), пелятка (пая), сигъ (пулпуръ), щука (пуреко), окунь (майтура), налимъ (нуя), сорога (лусу), карась (няръ-янахала), таймень (ненгахай), стерлядь (энако), нельма (сявота). Мы нарочно приводимъ здѣсь юракскія названія рыбъ, какъ образчики ихъ языка, на который, кромѣ покойнаго Кастрена, до сихъ поръ еще, кажется, никто не обращалъ вниманія. Въ устьяхъ рѣкъ Таза и Енисея попадаютъ омули (янгали) и осетры (ехена), которые, впрочемъ, водятся вездѣ въ этихъ двухъ рѣкахъ. Бѣлуга (выборка), по свѣдѣніямъ, отобраннымъ у Юраковъ Береговой Орды, водится только у береговъ Ледовитаго моря, заходя иногда въ Тазъ и Енисей за сельдами, которыхъ Юраки называютъ на своемъ языкѣ: ха-

мерь. Всѣ рѣки той тундры, гдѣ бродятъ Юраки, текутъ въ пологихъ, открытыхъ берегахъ и только въ верховьяхъ опушены мелкимъ, болѣзненнымъ хвойнымъ лѣсомъ и отчасти жалкою березою и ивнякомъ. Вообще, слѣдуя внизъ по р.р. Тазу и Енисею, въ небольшомъ разстояніи отъ селеній Тазовскаго у Часовни и Курейскаго, можно еще встрѣтить лѣса, но за ними они уже рѣдѣютъ. Впрочемъ, не смотря на малолѣсье, звѣрей здѣсь много. Не говоря уже о бѣломъ медвѣдѣ (сыръ-ворка), жителѣ вообще полярныхъ странъ, здѣсь встрѣчается, что довольно замѣчательно, — черный медвѣдъ (пырына-ворка), красная лисица (няръ юни-іюня), лисица сиводушка (хорха-перерыву), соболь (тозь), бѣлый песецъ (сыръ-ного), голубой песецъ (сенга-ного), росомаха (янгани), бѣлка (таръ) и горностай (пія). Бѣлка и горностай здѣшніе плохаго качества. Изъ птицъ, водящихся здѣсь, упомянемъ о лебедѣ (хохоръ), уткѣ (нябы), большомъ гусѣ (арка-тинеха), среднемъ гусѣ (сенгари) и гагарѣ (ніюны).

Нечего, кажется и говорить, что лѣта здѣсь почти нѣтъ, а царствуетъ одна зима со всѣми ея полярными ужасами.

Вотъ въ короткихъ словахъ очеркъ той пустыни, которую избрали себѣ жилищемъ Юраки.

По исчисленію послѣдней Ясачной Коммисіи, производившемуся въ одно время съ осьмою народною переписью, Юраковъ было до 250 душъ мужскаго и 160 женскаго пола. Въ полѣднее время между ними была повальная оспа, въ слѣдствіе чего число ихъ уменьшилось: мужчинъ до 191 души, а женщинъ до 119 душъ.

Юраки раздѣляются на двѣ орды, то есть рода, заключающаго въ себѣ болѣе 100 душъ мужскаго пола: Тазовскую и Береговую. Первая бродитъ по берегамъ р. Таза верстъ на 300 ниже селенія Тазовскаго у Часовни, и на пространствѣ между этимъ селеніемъ и р. Енисеемъ; вторая занимаетъ мѣста около береговъ Ледовитаго моря. Юраковъ Тазовской орды по послѣднимъ свѣдѣніямъ считается 166 душъ мужскаго пола, а Береговой — только 36.

Юраки черноволосы и лицомъ смуглы; но физиономія ихъ не представляетъ ничего непріятнаго, что такъ часто встрѣчается въ дикаряхъ. Всѣ они весьма стройны, ловки и проворны. О женщинахъ ихъ должно сказать тоже самое: онѣ похожи лицомъ на русскихъ женщинъ. Юракскій костюмъ, какъ мужской, такъ и женскій, весьма простъ. Мужчины носятъ длинные волосы, собранные въ пучекъ и завязанные назади ремнемъ, или оленьею жилою; лѣтняя одежда ихъ мальча—родъ сюртука изъ оленьей кожи, безъ шерсти, разукрашенная мѣдными пуговицами, разноцвѣтными лентами и бисерами и сапоги до колѣнъ, изъ той же кожи, вышитые крупнымъ бисеромъ; зимняя одежда тоже мальча, но уже на подобіе мѣшка шерстью къ тѣлу; сокуй тоже въ родѣ мѣшка изъ оленьей кожи съ капишономъ на голову и сапоги изъ оленьихъ или волчьихъ лапъ шерстью наружу, шитые бисеромъ. Къ этому прибавьте рукавицы изъ оленьей кожи шерстью наружу (оби) и поясъ (нимара) той же кожи, шитый бисеромъ, къ которому привѣшивается ножъ, пороховница, мѣшечекъ со свинцомъ и другой мѣшечекъ, вышитый бисеромъ для огнива и трубки. Женщины носятъ шапки краснаго или голубаго сукна на подобіе огромныхъ чепцовъ, обложенныхъ мѣхомъ росомахи, лисицы или другаго звѣря; сапоги въ родѣ мужскихъ и парки изъ оленьей кожи, покрытые краснымъ, желтымъ или голубымъ сукномъ, унизанные множествомъ бисера, кольцами и пуговицами. Изъ подъ шапки сверху парки онѣ выпускаютъ свои длинные, черные волосы, раздѣленные на пряди (обыкновенно двѣ на вискахъ и двѣ на затылкѣ) и унизанные мѣдными пуговицами, цѣпочками и даже серебряными рублями. Иногда вмѣсто всего этого употребляютъ корольки и узенькія полосочки сукна разныхъ цвѣтовъ. Спереди отъ шеи до колѣнъ виситъ кусокъ оленьей кожи, въ родѣ передника, унизанный также разноцвѣтными бисерами, пуговицами и серебряными рублями. Поясъ, подобный мужскому, ножъ, трубка и огниво довершаютъ костюмъ юракскихъ женщинъ.

Всѣ украшенія, необходимыя для юракскаго костюма, доставляются сюда Енисейскими торговцами, плавающими ежегодно въ Туруханскій край съ хлѣбомъ, солью и другими потребностями, необходимыми для инородцевъ.

Русскіе обычаи и платья проникли до береговъ не гостепріимнаго Ледовитаго моря. Тѣ изъ Юраковъ — мужчинъ и женщинъ, которые чаще посѣщаютъ русскія селенія, стараются какъ въ платьѣ, такъ и въ обычаяхъ подражать Русскимъ и ихъ даже иногда можно видѣть одѣтыхъ совершенно въ русскій костюмъ тамошняго края. Напротивъ, Юраки, бродящіе въ отдаленныхъ лѣсахъ и тундрахъ, строго держатся своего національнаго платья. Юраки Береговой орды, и мужчины и женщины, татуируютъ даже лица. Обыкновенно для этого употребляется рыба кость и древесный уголь.

Юраки живутъ въ Юртахъ, или по ихнему чумахъ, весьма удобно перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто. Чумы бываютъ обыкновенно круглые, аршинъ 6 — 7 въ поперечникѣ и аршинъ 9 и 10 въ вышину. Они дѣлаются изъ оленьихъ кожъ, шерстью наружу и растягиваются на палкахъ. Для лѣтняго чума надо по крайней мѣрѣ отъ тридцати пяти до сорока оленьихъ кожъ; для зимняго же, когда покрывку чума необходимо удвоить, отъ семидесяти до восьмидесяти. Поэтому чумъ обходится Юраку довольно дорого и онъ бережетъ его. Издали чумъ представляетъ собою опрокинутую воронку, изъ узкаго отверстія которой постоянно выходитъ дымъ. Въ каждомъ юракскомъ чумѣ можетъ помѣститься до двадцати, а въ случаѣ нужды и болѣе, человекъ.

Дверь чума замѣняетъ выдѣланная оленья кожа, на самой срединѣ его лежитъ листъ желѣза или у менѣе зажиточнаго хозяина, нѣсколько камней, — это домашній очагъ, на которомъ день и ночь горитъ огонь, какъ для приготовленія пищи такъ и для поддержанія тепла. По сторонамъ, на выдѣланныхъ оленьихъ шкурахъ, разбросаны разныя домашнія принадлежности, купленные у Русскихъ, а на стѣнахъ чума ви-

сятъ винтовки, пороховницы или, по здѣшнему натруски, мѣшечки со свинцомъ, луки, колчаны и стрѣлы. Последнія въ особенности всегда можно найти у Юраковъ Береговой орды, у которыхъ мало винтовокъ. Юракскій лукъ дѣлается обыкновенной формы изъ тальнику, аршина два или болѣе длиною и натягивается тетивою, скрученною изъ толстыхъ оленьихъ жилъ (маганды-ты). Сверху онъ оклеивается тонкой кожицей березы, а снизу роговою накладкою. Стрѣлы въ аршинъ длиною, окрыленные у концовъ перьями съ двухъ или съ четырехъ сторонъ, выстрагиваются изъ крѣпкаго березоваго дерева и смотря по роду звѣря, для котораго приготовлена стрѣла, бываютъ или тупыя, или оканчивающіяся копейцомъ разныхъ формъ и разныхъ размѣровъ.

Колчанъ шьется изъ оленьей кожи и украшается разноцвѣтными бисерами. Если, войдя въ чумъ Юрака, вы застанете хозяина дома, то на вѣрное увидите, что онъ или стружетъ стрѣлу, или точитъ копьеце для нея,—словомъ непременно готовятся для звѣроловства или рыболовства; хозяйка непременно что нибудь шьетъ. Праздными Юраковъ трудно встрѣтить; впрочемъ оно и не мудрено; они занимаютъ такія пустыни, что если человекъ самъ о себѣ не позаботится, то объ немъ не кому уже заботиться.

Юраки, подъ родовымъ именемъ Самояди, стали намъ извѣстны весьма давно, именно съ первыхъ лѣтъ завоеванія Сибири.

Еще въ 1598 г. до Царя Θεодора Иоанновича дошли слухи о существованіи близъ рѣки Оби земли Самоѣдовъ. Для провѣданія ея въ томъ же году посланъ былъ нѣкто Дьяковъ, который доходилъ до Енисея.

При Царѣ Борисѣ Феодоровичѣ предположено было на устьѣ р. Таза, въ странѣ, называвшейся Мокасе, основать городъ. Исполненіе этого порученія возложено на Тобольскаго Письменнаго голову Князя Шаховскаго. Въ тогдашнее время такого рода предпріятіе было сопряжено съ большими затрудненіями и опасностями.

Отправляясь изъ Тобольска князь Шаховской взялъ съ собою сто казаковъ. Въ Березовѣ онъ построилъ четыре кочи и двѣ коломенки и вышелъ въ Обскую губу. Но едва онъ успѣлъ проплыть нѣкоторое пространство, конечно придерживаясь береговъ, какъ коломенки прибило вѣтромъ совершенно къ берегу и залило водою. Тутъ Шаховскій принужденъ былъ остановиться, выйти на берегъ и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Самоѣдовъ, продолжать путь на лыжахъ. Но и сухопутное путешествіе не было счастливымъ. На одинъ день ѣзды отъ восточнаго берега рѣки Пуры, на него напали Юраки. Битва была, вѣроятно, жестокая, если принять въ соображеніе, что 30 казаковъ легло на мѣстѣ и самъ Шаховской былъ раненъ. Будучи принужденъ отказаться отъ своего предпріятія, онъ бросилъ все, что съ нимъ было, и съ остальными казаками долженъ былъ отступить.

Въ 1601 году воеводы Князь Масальскій и Пушкинъ получили вторичное приказаніе о построеніи города въ странѣ Мокасе. Въ Указѣ, данномъ по этому случаю Князю Масальскому, между прочимъ сказано было: «а идучи въ Мангазею и къ Енисею развѣдывать Князю Масальскому про Князя Шаховскаго, гдѣ нынѣ онъ находится. И острогъ въ Мангазеѣ на Тазовскомъ устьѣ построилъ-ли? и не было ли на Князя Шаховскаго на дорогѣ отъ Самояди и Остяковъ приходу какого». Изъ этого можно заключить, что въ то время наше Правительство еще ничего не знало о судьбѣ Шаховскаго и его спутниковъ.

Князь Масальскій прибылъ къ устью Таза съ двумястами казаковъ, поднялся нѣсколько вверхъ по его теченію и въ виду юракскихъ чумовъ срубилъ городокъ, давъ ему названіе Мангазеи.

Составителю книги большаго Чертежа, страна, по которой проходили означенныя экспедиціи, извѣстна была слѣдующимъ образомъ:

За рѣкою за Обью, 200 верстъ, пала въ морѣ рѣка Тазъ.

А въ Тазъ рѣку пала рѣка Пуръ.

Протоку Тазъ рѣки 890 верстѣ, а рѣки Пура протоку 460 верстѣ.

А по рѣкѣ Тазу-Мангазея, Сямоядь-Пяки.

Въ краткой лѣтописи о Сибири, относящейся къ началу второй четверти XVII вѣка, объ устьѣ Оби рѣки, между прочимъ, говорится: «великая же рѣка Обь вниде устьемъ въ губу Мангазейскую, сія же убо двѣма устьи вниде въ море-окіанъ, прямо къ сиверу» Кромѣ другихъ племенъ, живущихъ по Оби, въ этой лѣтописи упоминается и о Самоѣдахъ, а подъ этимъ родовымъ именемъ, само собою разумѣется и объ Юракахъ. «Остяки и Самоядь закона не имѣютъ, но идоламъ поклоняются и жертвы приносятъ, сыродцы суши: звѣринна же и гадска мяса ѣдятъ, и кровь пьютъ яко воду, и траву и кореніе ѣдятъ. Остяки же одежды имѣютъ отъ рыбы, Самоядь же отъ оленей.»

Судьба Мангазеи, построенной между ордъ воинственныхъ Юраковъ, извѣстна. Она сгорѣла, устраивать же новый городъ на берегу Таза сочли неудобнымъ, какъ по причинѣ нездороваго климата и болотистой почвы, такъ вѣроятно и по непріятному сосѣдству съ Юраками. Въ 1672 г. всѣ жители Мангазеи переведены были въ зимовье Туруханское. Юраки всегда отличались между другими племенами своею непріязненностію къ намъ, своимъ упорствомъ платить ясакъ и своею враждою къ другимъ родственнымъ племенамъ Самоѣдовъ и Остяковъ.

Въ дополнительной инструкціи капитанъ-командору Берингу 16 Марта 1733 года, между прочимъ, сказано, что между Оби и Енисея рѣкѣ кочуетъ такъ называемая Юрацкая Самоядь, которая въ ясакъ еще не обложена и всегдашнія съ Остяками драки имѣетъ. А потому, при ученыхъ изслѣдованіяхъ эти мѣста велѣно обходить.

Еще не далѣе какъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Юраки Береговой орды напали на одно малолюдное русское зимовье, разграбили его и сожгли. Впрочемъ они тогда же были усмирены.

Нынѣ стало со всѣмъ не то. Юраки Тазовской орды теперь характера миролюбиваго, ласковы къ Русскимъ и гостепріимны; ложь, воровство и другіе пороки имъ, кажется, со всѣмъ не извѣстны. Юраки Береговой орды отличаются и теперь еще своею грубостію и суровостію. Но не смотря на то, всѣ они безпрекословно, въ извѣстное время выходятъ изъ своихъ тундръ и лѣсныхъ урочищъ и вносятъ опредѣленный съ нихъ ясакъ. Мѣсто, въ которомъ вносятъ свой ясакъ Тазовскіе Юраки, это селеніе Тазовское у Часовни, а Береговые Юраки—селеніе Хетское. Въ каждомъ изъ этихъ селеній едва ли можно насчитать до 15 душъ русскаго населенія; тамъ находится по одному хлѣбному казенному запасному магазину, изъ которыхъ Юраки покупаютъ иногда для себя хлѣбъ; при каждомъ магазинѣ живетъ вахтеръ изъ туруханскихъ казаковъ: онъ то и собираетъ ясакъ съ этихъ инородцевъ. Ясакъ, обыкновенно, состоитъ изъ песцевыхъ и горностаевыхъ шкуръ.

Имя Государя Императора Юраки произносятъ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Чиновниковъ мѣстнаго управленія, иногда посѣщающихъ ихъ на сугланахъ, они зовутъ русскими старшинами (аркалуца).

Юраки Тазовской орды, большею частію уже христіане и даже нѣкоторые знаютъ грамотѣ, потому что въ дѣтствѣ учились и жили въ русскихъ селеніяхъ. Юраки Береговой орды—всѣ язычники, хотя мы и не можемъ подробно разсказать, въ чемъ состоятъ ихъ языческія вѣрованія. Бога они называютъ *Нумъ*. У cadaго зажаточнаго Юрака можно всегда найти полные санки разныхъ болванчиковъ грубой работы изъ дерева или мамонтовой кости. Одни изъ этихъ болванчиковъ представляютъ оленей, другіе лисицъ, третьи бѣлокъ и другихъ звѣрей, кромѣ однакожь волка. Волка Юраки, какъ христіане, такъ и язычники, не терпятъ, вѣроятно потому, что онъ весьма лакомъ до домашнихъ оленей, которые составляютъ все богатство Юраковъ. Часто случается, что Юракъ, убивъ волка, при нападеніи на оленя,

не только не пользуется его мясомъ или шкурою, но сей часъ же сожигаетъ то и другое. Замѣчательно также, что у Юраковъ Тазовской орды, незнакомыхъ съ христіанствомъ, хотя и можно найти между другими изображеніями подобія медвѣдя, но они охотно промышляютъ этого звѣря и мясо его считаютъ самымъ лакомымъ; напротивъ того Юраки Береговой орды, придавая медвѣдю божественныя свойства, со всѣмъ не ѣдятъ его мяса. Молитвъ, праздниковъ и служеній у Юраковъ-язычниковъ нѣтъ никакихъ; но при худомъ уловѣ рыбы или звѣря, а также при частыхъ громовыхъ ударахъ, они падаютъ на колѣна предъ своими статуетками, поднимаютъ къверху руки и просятъ ихъ милости. Впрочемъ, должно сказать, что они и Юраки-христіане носятъ это названіе только на словахъ, а не на дѣлѣ. Бродя постоянно въ глубинѣ тундръ и лѣсовъ, не менѣе 1000 и даже 1500 верстъ отъ своихъ приходовъ (Тазовской Николаевской церкви и Дудинской Введенской) они не болѣе одного раза въ году видятъ храмъ Божій (хаомя), а удалясь отъ него, весьма часто обращаютъ взоры на болванчиковъ своихъ сродичей—язычниковъ. Что же касается до проѣздовъ къ нимъ священниковъ, то они сопряжены съ большими затрудненіями. Юраки—христіане вѣрятъ, что креститься и молиться христіанскому или русскому Богу (луцэ-ха) очень хорошо потому, что, послѣ смерти, Онъ возьметъ къ себѣ душу того человѣка, который былъ крещенъ и молился ему; однакожъ за всѣмъ тѣмъ, они твердо убѣждены, что тѣло человѣка послѣ смерти, непременно возметъ злой духъ. По этому, по ихъ понятіямъ, для выгодъ земной жизни должно непременно дѣлаться съ злымъ духомъ избыткомъ отъ рыбной и звѣриной ловли.

Юраки, какъ народъ Самоѣдскаго племени, говорятъ нарѣчіемъ Самоѣдскаго языка.

Покойный Кастрень, какъ извѣстно, около осьми лѣтъ занимался этнографическимъ изслѣдованіемъ Самоѣдскаго племени, на всемъ протяженіи отъ Алтая до Ледовитаго мо-

ря и отъ Енисея до Бѣлаго моря. По его мнѣнію самоѣдскій языкъ раздѣляется на три главныя нарѣчія: 1) Сѣверо-западное или Юракское 2) Сѣверо-восточное или Тавгійское и 3) Южное или Остяцко-Самоѣдское. Каждое изъ этихъ нарѣчій имѣетъ свои подраздѣленія. Такъ Юракско-Самоѣдское нарѣчіе имѣетъ подраздѣленія: 1) Канинское, или Тиманское, 2) Ижемское, 3) Больше-земельское и Обдорское, 4) Кондійское или Касимское и 5) Юракское. Тавги-Самоѣдское имѣетъ также пять отгѣнковъ: 1) Авамское 2) Хавтайское 3) Карасинское, 4) Бяйское и 5) Камасинское. Такимъ образомъ языкъ Юраковъ, по изслѣдованію Кастрена, составляетъ поднарѣчіе Юрако-Самоѣдскаго языка. Представляемъ здѣсь образчики ихъ разговоровъ:

Шудырѣ тепта хуне хапта?	Ты завтра куда поѣдешь?
Мани ладурука хопта талька минди янгухочу.	Я поѣду по клѣпцамъ (снарядъ для ловли песцовъ); по пути осмотрю пасти (на волбовъ).
Хапта мыта, яди мыта?	На быкахъ или на важенкахъ поѣдешь?
Мани хапта мыта.	Я поѣду на быкахъ.
Тепта мэрѣ хапта ты мэрѣ пямо ирѣ нянямта тора.	Завтра рано поѣду, оленей раньше поймать наю.
Мани хапта илипчиты хатангу туниль. Олеко хой харь тиконѣ піоху; оха хапта тятотомуску.	Я поѣду дикихъ оленей промыслять съ ружьемъ. На маленькой тундрѣ видѣлъ ихъ; тутъ не найду, дальше поѣду.
Ани мята мэрѣ немтуда мягани.	Скоро не дожидайтесь домой.

Замѣтимъ, что это самый обыденный разговоръ Юраковъ. Они не слишкомъ говорливы. Представляю теперь нѣсколько чертъ семейной жизни Юраковъ.

Лишь только у Юрака родится ребенокъ, то бабка, нахо-

дящаяся при родильницѣ, а иногда за неимѣніемъ ея, сама родильница, погружаютъ его лѣтомъ въ ручей, а зимою въ глубокой снѣгъ, для того, какъ говорятъ они, чтобы ребенокъ окрѣпъ и былъ долговѣченъ. Трудно вайти хоть одну Юраковскую женщину, которая не кормила бы свое дитя пять или шесть лѣтъ. Это, по ихъ понятіямъ, необходимо для того, чтобы ребенокъ скорѣй возмужалъ. Дѣтскія люльки дѣлаются у нихъ изъ вареной бересты на подобіе гробика; надъ головою ребенка ставится небольшая дужка съ поводками, къ которой для предохраненія отъ непогоды, прикрѣпляется небольшой покровецъ изъ ровдуги; между ногъ ребенка удерживается небольшой столбикъ, въ низу котораго дѣлается отверстіе изъ люльки для стока нечистотъ. Чтобы ребенокъ былъ постоянно сухъ, его засыпаютъ въ люлкѣ мелкоистолченной корою или гнилушкою. Онъ лежитъ обыкновенно весь голый, руки его прижаты къ груди толстою корою березы, ноги тоже и наконецъ по срединѣ онъ крѣпко перетянутъ ремнемъ или струною. Впрочемъ не смотря на всѣ заботы матерей о своихъ дѣтяхъ, они у Юраковъ весьма часто умираютъ, не достигнувъ года или двухъ. Главная причина этому жестокія зимы, свойственныя тамошнему краю и скитальческая жизнь Юраковъ.

Какъ скоро ребенокъ подросъ, то, если это дѣвочка, она начинаетъ подъ руководствомъ матери пріучаться къ домашнему хозяйству: шить одежды, ставить чумъ, готовить пищу. Мальчикъ семи или осьми лѣтъ уже дѣлаетъ себѣ лукъ и стрѣлы и учится попадать въ цѣль. Вообще Юраки удивительные стрѣлки. Многіе изъ нихъ, пустивъ вверхъ стрѣлу, другою стрѣлою перебиваютъ ее пополамъ, не давъ упасть на землю^(*); нѣкоторые изъ винтовокъ быють на лету

(*) Тоже самое дѣлаютъ и Тунгусы, бродящіе въ Енисейскомъ округѣ, около золотыхъ промысловъ. Я былъ самъ тому очевидцемъ.

самыхъ маленькихъ птичекъ. Въ свободное отъ охоты время, молодые Юраки, выйдя изъ нѣсколькихъ чумовъ на тундру, любятъ стрѣлять въ цѣль, бѣгать въ запуски на лыжахъ и плясать. Изъ Юракскихъ пѣсенъ мнѣ удалось пріобрѣсти только одну. Помѣщая ее здѣсь собственно какъ образчикъ языка я предваряю читателей, что Юраки народъ не пѣсенный, по этому особенной поэзіи отъ нихъ ожидать нельзя. Пѣсня эта называется Хазавъ хынусъ т. е. мужская пѣсня. По этому должно бы было предполагать, что у нихъ есть и женскія пѣсни. Но отъ сообщенія ихъ намъ отказался и тотъ Юракъ, о которомъ мы упомянули выше. Кажется, надо предполагать себѣ что-нибудь, а именно: или женскихъ пѣсенъ Юраки мужчины не знаютъ, или онѣ считаются весьма низкаго достоинства. Вотъ эта пѣсня съ буквальнымъ русскимъ переводомъ:

Ніаподску!

Ніай денчеку

Ситъ мы идомче

Мирми энгу

Ненесядомень

Ситъ те мы паденъ

Няамми таварангу нидымъ

Няръ сыръ хапта мыгъ виду

Няръ сыръ хапта подерманъ
митавъ

Юаіи ханъ

Ниподыму сыръ сиди япсуна
сини пинда

Красавица!

Будь моею женою.

Я взялъ бы тебя (т. е. со всѣми обычными формальностями).

Да силы вѣтъ (т. е. бѣденъ я).

Красавица ты моя изъ красавицъ.

Если бы ты пошла за меня,

Въ чумъ бы взялъ къ себѣ;

На трехъ быкахъ (оленяхъ)
ѣздила бы ты.

Три бѣлыхъ быка запрягу въ сани

Десяти-копыльные сани.

Сильные быки повезутъ такъ, что полозья длинныя изломаются отъ скорости бѣганья ихъ.

Айи далай хае.

И убѣжалъ скоро къ нарѣ-
ченной.

Не лишнимъ считаемъ присовокупить, что если у Юрака есть одинъ или два бѣлыхъ быка, то онъ ни за что не продастъ ихъ, потому что бѣлые олени рѣдки. Если у кого они есть, онъ считаетъ ихъ какъ бы святынею и говоритъ: этотъ быкъ для Бога.

Свадебные обряды у Юраковъ заключаются въ слѣдующемъ:

Отецъ задумалъ женить взрослога уже сына, прежде всего приглашаетъ къ себѣ шамана и спрашиваетъ его, можно ли начать дѣло и будетъ ли оно успѣшно. Когда отвѣтъ шамана благопріятенъ, то въ чумъ Юрака собирается вся рѣшительно семья и тутъ отецъ выбираетъ, кого послать сватомъ. Провожая свата, ему даютъ въ руки лукъ и колчанъ со стрѣлами, а также объясняютъ, сколько дать колыма за невѣсту. Вмѣстѣ со сватомъ въ чумъ невѣсты отправляется еще нѣсколько человекъ мужчинъ, большею частію родственниковъ жениха. Впрочемъ, гостей ожидаетъ довольно невѣжливая встрѣча. У чума невѣсты, ихъ никто не встрѣчаетъ и они входятъ въ него молча и садятся вокругъ огня, поджавъ подъ себя ноги. Спустя нѣсколько минутъ, отецъ невѣсты, разумѣется, уже знающій о такомъ посѣщеніи, начинаетъ громко и грозно спрашивать гостей, кто они такіе, за чѣмъ пришли къ нему и куда идутъ. Гости не отвѣчаютъ на это ни слова; но свать, оглядѣвъ изъ подлобья всю внутренность чума и завидѣвъ гдѣ-нибудь въ уголку невѣсту, закуриваетъ свою трубку изъ мамонтовой кости и подаетъ невѣстѣ лукъ и колчанъ со стрѣлами. Та молча передаетъ ихъ отцу, какъ бы испрашивая разрѣшенія, согласиться ли ей на предложеніе или нѣтъ. Отецъ невѣсты, желая сколь можно болѣе получить за нее колыма, начинаетъ рѣчь обыкновенными отговорками, что олени домашніе у него нынче подошли, дикихъ добыть еще онъ не успѣлъ; а потому ему и свадьбы справить не чѣмъ, да и самъ онъ едва въ состояніи пропи-

тываться. Разумѣется, это препятствіе не останавливаетъ свата, и онъ, протягивая отцу невѣсты руку, говоритъ ему, что для свадьбы его дочери къ нему придутъ 10, 30 и даже 50 важенокъ (самокъ) съ хорами (самцами) оленей. Отецъ невѣсты даетъ свату руку въ знакъ согласія; но въ эту самую минуту, невѣста опрометью выбѣгаетъ вонъ изъ чума и скрывается. Гости, пріѣхавшіе со сватомъ, равно какъ и онъ самъ, не плошajúть и мигомъ пускаются въ погоню за бѣглянкою. Найдя ее гдѣ-либо не подалеку отъ чума, они сажajúть ее въ заранѣе приготовленныя нарты и какъ можно скорѣе ѣдутъ къ чуму жениха. Вслѣдъ за ними, обыкновенно, отправляется и вся родня невѣсты. Встрѣча невѣстѣ у Юраковъ, какъ и вездѣ, самая веселая; ее привѣтствуютъ пѣсни, пляски и звукъ бубна. Прибытіе ея родныхъ еще болѣе увеличиваетъ общую суматоху. Гости идутъ въ чумъ, садятся вокругъ огня и начинаютъ курить трубки. Между тѣмъ, мать молодаго или ближайшая родственница его принимается за стряпню. Угощеніе, обыкновенно, состоитъ изъ рыбы, прокопченнаго медвѣжьяго сала и уликты съ оленьимъ здромъ (*). Молодые сидятъ рядомъ и ѣдятъ съ однихъ ночевокъ; каждое кушанье подается сперва имъ, потомъ свату, а наконецъ и другимъ гостямъ. Послѣ означенныхъ выше блюдъ подается еще бурдукъ (**). По окончаніи пира, отецъ молодой беретъ колымъ и уѣзжаетъ, всѣ гости уходятъ вонъ изъ чума и оставляютъ молодыхъ однихъ.

Нужнымъ считаю сказать, что совершивъ бракъ по своимъ стариннымъ обрядамъ, Юраки-Христіане считають необходимымъ при первомъ удобномъ случаѣ освятить его обрядами Православной церкви. Жить безъ вѣнца, говорятъ они, грѣхъ.

(*) Уликта, вяленое оленье мясо, нарѣзанное орѣшками; здръ—оленье сало, вынутое изъ заливка.

(**) Бурдукъ, самая лакомая пища почти всѣхъ инородцевъ Турханскаго края, состоитъ изъ нѣсколькихъ горстей муки, заваренной на водѣ, въ которой варилось какое либо мясо.

Юраки весьма рѣзко отличаются отъ многихъ другихъ инородцевъ, живущихъ въ Туруханскомъ краѣ, особенною чертою характера—любовью къ больнымъ. Между тѣмъ какъ Остякъ, лишь только кто нибудь заболѣлъ въ его семействѣ, бѣжитъ, куда глаза глядятъ, оставляя больнаго на произволь судьбы,—Юракъ за своимъ больнымъ ухаживаетъ до послѣдней минуты, стараясь оказать ему возможное вспомошествованіе, своими ничтожными медицинскими познаніями. Правда оспы и горячки они боятся точно также, какъ и другіе инородцы, считая эти болѣзни неизлечимыми; но въ другихъ болѣзняхъ употребляютъ нѣкоторыя домашнія средства. Если кого-либо поразитъ снѣжная слѣпота — болѣзнь весьма обыкновенная зимою въ безпредѣльныхъ прибрежьяхъ Ледовитаго моря, они выпускаютъ кровь изъ глазныхъ вѣкъ; при ломотахъ и гемороидалныхъ припадкахъ, прижигаютъ огнемъ больное мѣсто; въ случаѣ порѣза, высасываютъ кровь и обвязываютъ рану мохомъ; отъ ознобу пользуются медвѣжьимъ саломъ и желчью; при головокруженіи, ставятъ рожки и т. п. Какъ скоро Юракъ, не смотря на всѣ лекарства, умеръ, всѣ жившіе съ нимъ въ одномъ чумѣ убѣгаютъ изъ него и въ нѣкоторомъ отдаленіи разбиваютъ для себя другой чумъ. Тутъ же мужчины начинаютъ готовить похороны покойнику. Для этого врываются въ землю четыре столба, вышиною сажени въ двѣ каждый, и оконечности ихъ связываются четырьмя перекладинами, которыя зарѣшетчиваются хворостомъ. На этомъ возвышеніи разстилаютъ кожу убитаго оленя, снявъ ее такъ, чтобы голова, рога и копыта остались цѣлыми. На этой кожѣ, по мнѣнію Юраковъ, покойный долженъ отправиться на небо. Потомъ встаскиваютъ на верхъ тѣло умершаго со всѣми его вещами и одеждою и кладутъ тутъ же переднюю часть, нарочно убитаго для того оленя. Требуется непременно, чтобы этотъ олень былъ самецъ и притомъ первенецъ въ стадѣ. Оставивъ покойнаго лежать на устроенныхъ такимъ образомъ палатахъ дня два или три, родные его, по истеченіи этого времени, отходятъ отъ него

на разстояніе выстрѣла изъ лука и пускаютъ по двѣ или по три стрѣлы. За тѣмъ, все становище снимается и отходитъ куда нибудь въ другое мѣсто. Къ жилищу покойнаго прикочуетъ кто нибудь, развѣ только по незнанію, а то вообще Юраки стараются избѣгать подобныхъ мѣстъ.

Страна, съ которой бродятъ Юраки, какъ уже замѣчено выше, состоитъ изъ лѣсовъ и тундръ, перерѣзанныхъ во многихъ направленіяхъ рѣками и озерами. А потому главная промышленность Юраковъ заключается въ звѣроловствѣ, рыболовствѣ и оленеводствѣ.

Звѣроловствомъ и рыболовствомъ Юраки занимаются сколько для шкуръ звѣря, столько же и для мяса. Они ѣдятъ и лисицу, и росомаху, и бѣлку, и горностая.

По рѣкамъ и озерамъ Юраки плаваютъ въ небольшихъ берестяныхъ лодочкахъ, удобно переносимыхъ съ одного мѣста на другое.

Домашній олень въ пустынной тундрѣ самое полезное животное. Зажиточные Юраки имѣютъ до 1,000 и болѣе оленей, а у извѣстнаго богача Ямкина насчитываютъ ихъ до 6,000. Юраки такъ любятъ этихъ животныхъ, что при неудѣ звѣря и рыбы и при отдаленности хлѣбнаго запаснаго магазина, Юракъ просидитъ голодный 4 или 5 сутокъ, но не рѣшится убить домашняго оленя. Это терпѣніе тѣмъ болѣе удивительно, что, убивъ дикаго оленя или медвѣдя, Юракъ съѣдаетъ до 15 фунтовъ мяса за одинъ разъ.

Знающіе коротко Юраковъ не могутъ нахвалиться ихъ семейными добродѣтелями. Мужья у нихъ весьма привязаны къ своимъ женамъ, а измѣна со стороны послѣднихъ считается здѣсь неслыханнымъ преступленіемъ.

Остяки Самойдскаго поколѣнія, говоритъ Степановъ въ своемъ описаніи Енисейской губерніи, не любятъ своихъ соплеменниковъ Юраковъ. Они отзываются о нихъ, какъ о слабыхъ, изнѣженныхъ, беззаботныхъ. Рассказываютъ, въ доказательство превосходства своего ума, что однажды, не помнятъ когда, пришли къ старику ихъ племени 50 человекъ Юраковъ.

Старикъ былъ весьма зажиточенъ и жилъ въ чумѣ съ одною только престарѣлою женою. Онъ поставилъ пришельцамъ большой котелъ съ варкою, а самъ и жена его, скинувъ съ себя обыкновенныя парки, и, надѣвъ истлѣвшія заячьи, стояли смирнехонько у входа, когда гости понаѣлись, то бросились прямо на хозяевъ, но у нихъ осталось только по клочку заячьихъ парокъ, а старики ускользнули изъ чума и между тѣмъ какъ мужъ притворялъ на-крѣпко входъ, жена обкладывала сухой хворостъ кругомъ чума. Выскли огня, зажгли и, 50 человекъ Юраковъ сгорѣли. На повѣрку выходитъ, что Юраки отъ береговъ моря выгнали своихъ родовичей къ Турухану и далѣе.

X.

Объ тундры и берега моря.

Выше я упомянулъ, что не далеко ниже зимовья Фокина, съ устья рѣки Авамы, лѣса прекращаются и начинается тундра. Въ Туруханскомъ краѣ она тянется на востокъ до рѣки Анабара, на западъ до рѣки Таза. Съ сѣвера ее ограничиваетъ Ледовитое море. Восточная часть тундры называется большою, западная—малою тундрою.

Кастренъ замѣтилъ, что слово тундра столько же чуждо русскому языку, какъ и самоѣдскому. Но оно находится въ языкѣ финскомъ въ формѣ *туитури* и въ языкѣ Остяковъ въ формѣ *тунса*—болото.

Большая тундра пересѣкается слѣдующими, замѣчательными по своей величинѣ, рѣками: Пясиной, Таймуромъ, или, какъ пишутъ теперь, Таймыромъ, Хатангою и наконецъ

Анабаромъ. По имъ преимущественно и тѣснится осѣдлое русское и якутское населеніе.

Рѣка Пясина вытекаетъ изъ довольно обширнаго озера того же имени. Это озеро соединяется незначительными рѣчками съ озерами: Быструшнымъ, Рыбнымъ, Давыдовымъ и Матушкинымъ. Изъ нихъ самое большое Рыбное: оно простирается въ длину до 200 верстъ. Направленіе рѣки Пясины прямо на сѣверъ. Изъ притоковъ ея замѣчательны съ лѣвой стороны рѣка Агата, а съ правой Авама. Въ вершинахъ ея до впаденія рѣчки Дудыпты живутъ русскіе въ 7 зимовьяхъ, далѣе же до самаго ея впаденія въ Ледовитое море, Пясина необитаема. По Дудыптѣ Русскіе живутъ въ 9 зимовьяхъ, въ числѣ около 30 душъ.

Рѣка Таймуръ вытекаетъ изъ югозападнаго берега озера Таймуръ. Такъ говоритъ г. Степановъ, основываясь, вѣроятно, на картахъ. Но эти карты, по изслѣдованіямъ академика Миддендорфа, оказались не совсѣмъ вѣрны. Онѣ показываютъ, что въ озеро впадаютъ только самыя маленькія рѣчки, а изъ него уже изливается широкая рѣка Таймуръ; по показаніямъ же нашего ученаго, Таймуръ рѣка, или, какъ онъ пишетъ, Таймыръ рѣка, протекаетъ чрезъ озеро и, прежде, нежели достигаетъ его уже довольно широка, по крайней мѣрѣ, во время таянія снѣговъ. По рѣкѣ Таймуру нѣтъ никакихъ жилищъ. Кромѣ г. Миддендорфа, можетъ быть воды Таймуръ-озера никогда не были виданы Европейцами.

Рѣка Хатанга, вытекаетъ изъ озера того же имени. Это озеро дальше соединяется съ озеромъ Ессейскимъ. Нѣкогда былъ здѣсь довольно порядочный торгъ съ Якутскими купцами, которые пріѣзжали сюда для вымѣна рухляди у Самоѣдовъ и Якутовъ въ Ноябрь мѣсяцѣ. Хатанга течетъ на С.-З., разливаясь иногда на 90 верстъ и прорывая русло отъ 9 до 12 сажень. Рѣчки, которыя она принимаетъ въ себя съ правой и лѣвой стороны, ни одна не стоитъ даже упоминанія, кромѣ Боганиды, называющейся также и Хетою. Этотъ весьма важный притокъ Хатанги вытекаетъ изъ озеръ и направ-

ляется отъ С. на Ю., а потомъ, загнувшись на С., и, получивъ названіе Хеты, впадаетъ въ Хатангу. Хатанга большею частию течетъ по мѣстамъ низменнымъ, болотистымъ около 700 верстъ и впадаетъ въ обширный заливъ Ледовитаго моря подь $74^{\circ} 48'$ сѣверной широты. Главный пунктъ населенія по Хатангѣ—это Хатангскій погостъ. Далѣе, къ Сѣверу, по ней Русскіе живутъ въ зимовьяхъ: Усть-Нижнемъ 11 душъ, Лухнинскомъ 2, Попигайскомъ 7 и Балахнинскомъ, у рѣки Балахны, 3 души. По Баганидѣ въ 6 зимовьяхъ живутъ 39 душъ и по Хетѣ въ одномъ — двѣ души. Въ самомъ Хатангскомъ погостѣ Русскихъ нѣтъ, а живутъ въ трехъ домахъ осѣдлые Ябуты числомъ до 15 душъ. Здѣсь бываетъ сугланъ для разныхъ родовъ Самоѣдовъ.

Устье Хатанги по наблюденію Лейтенанта Прончищева находится подь $74^{\circ} 48'$ сѣв. шир.

Вершины рѣки Анабара находятся въ Якутской области между 66° и 67° широты. Она течетъ по мѣстамъ необитаемымъ, отчасти лѣсистымъ, отчасти тундристымъ и впадаетъ въ Ледовитое море, пробѣжавъ около 1,000 верстъ. Эта рѣка обыкновенное сходбище жителей Туруханскаго края и Якутской области для промысла песка и дикаго оленя.

Всѣ вышепоименованныя рѣки вскрываются около 15 Іюня и замерзаютъ около 30 Августа.

Всѣ они изобилуютъ рыбою, но преимущественно Пясины и Таймуръ. Ловъ рыбы, обыкновенно, производится въ концѣ Іюня или Іюля.

По Пясинѣ и Хатангѣ туземцы плаваютъ въ лодкахъ, поднимающихъ до 100 пудовъ груза, а по Анабару на веткахъ, поднимающихъ отъ 10 до 25 пудовъ.

Сообщеніе зимовьевъ при-Енисейскихъ съ зимовьями Тундринскимъ и Затундринскими, лежащими по Хатангѣ, возможно только зимою; лѣтомъ же тундра почти непроходима.

Обыкновенный и, кажется, самый удобный переѣздъ отъ зимовья Дудинскаго на Енисеѣ за тундру—на оленяхъ. Вообще, олени гораздо удобнѣе для путешествія по тундрѣ, не-

жели собаки. Преимущество ихъ заключается въ томъ, что они, питаясь мхомъ, растущимъ вездѣ по тундрѣ, не требуютъ за собой никакого ухода: ихъ нужно только охранять отъ волковъ. Въ одну нарту здѣсь запрягаютъ 8 и 10 собакъ, укладывая тяжести отъ 20 до 25 пудовъ или $2\frac{1}{2}$ пуда на собаку. Чтобы сберечь собакъ въ дальнемъ путешествіи, обыкновенно, дѣлаютъ такъ: проѣхавъ сряду два дни отъ 25 до 30 верстъ въ каждый, даютъ имъ день отдыха; потомъ, проѣхавъ еще два дня, даютъ отдыху уже два дни и т. д. Чтобы накормить хорошо собаку, нужно не менѣе 90 чировыхъ юколей въ мѣсяцъ, что составитъ гораздо болѣе той тяжести, какую собака можетъ везти, и какъ отъ зимовья Дудинскаго до Хатанги надо употребить на переѣздъ около мѣсяца, то и выходитъ, что собаки едва въ состояніи перевезти собственный свой кормъ.

Если вспомнить о жестокихъ зимахъ, страшныхъ вѣтрахъ и глубокихъ снѣгахъ, то легко себѣ вообразить все неудобства путешествія по тундрѣ. Къ нимъ присоединяется еще иногда болѣзнь, извѣстная здѣсь подъ названіемъ *снѣжной слѣпоты*. Вотъ что академикъ Миддендорфъ писалъ объ ней къ одному своему знакомому:

«Мы лежали, полузакрытые въ снѣгу, у рѣки Новой, подлѣ 72 град. с. ш. и поджидали Самоѣдовъ. Между тѣмъ, я въ подзорную трубку замѣтилъ холмъ, отдаленіе котораго топографъ полагалъ верстъ на тридцать. Я подвязалъ лыжи, сбросилъ шубу, надѣлъ матроскую рубаху сверхъ бѣлья, повѣсилъ двухствольное ружье черезъ плечо и, захвативши нѣсколько инструментовъ, пустился въ бѣгъ. Вдругъ одинъ изъ людей крикнулъ мнѣ въ слѣдъ: «Ваше Высокоблагородіе, позвольте съ вами идти?» Пожалуй. Мы стрѣлой помчались по обнаженной пустынѣ и, хоть не скоро, однакожь, счастливо, едва дыша, прибыли на мѣсто. Я осмотрѣлъ холмъ со всехъ сторонъ. Но въ сторонѣ показался другой. Надобно было осмотрѣть и тотъ. Шли, шли, вполонину на обратный путь, и холмъ тоже идетъ. Это показалось намъ страннымъ. На

конецъ мы пришли на то мѣсто, гдѣ прежде видѣли холмъ, но теперь увидѣли только мерцанье въ своихъ глазахъ: на насъ напала снѣжная слѣпота. Сверхъ того вѣтеръ повернулся и снѣжная пыль попеременно съ магически-волнующимся туманомъ сѣвера, покрыли равнину. Чтобы воротиться домой, намъ оставалось одно средство: опредѣлить направленіе компасомъ. Во все время однакожъ, мы замѣчали, что послѣдній холмъ былъ нашимъ спутникомъ. Слепота не убывала, а туманъ прибывалъ. Однакожъ, я вынулъ подзорную трубу и, глядя, подъ самымъ носомъ у насъ пляшутъ нашъ шалашъ и сани. Около часу шли мы прямо на нихъ. Туманъ разсѣялся и шалаша какъ не бывало! Что дѣлать? Стало-быть прошли; надо назадъ. Мы кружили, кружили, какъ угорѣлые, утомившись, прилегли въ снѣгъ, промерзли и опять давай бѣжать. Сыты мы были тоже не слишкомъ; послѣдняя надежда, старый слѣдъ былъ занесенъ снѣгомъ. Наконецъ ничего не стало видно: мы совершенно ослѣпли. Кругомъ густой туманъ. Силы наши истощились, мы легли, дьявольски мерзли и утѣшались бесѣдою о томъ, какъ мучительно замерзнуть до смерти. «Шалашъ,» вдругъ вскричалъ мой казакъ, посмотрѣвши въ подзорную трубу. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ шалашъ, однакожъ мелькающій и пляшущій, притомъ вдвое больше настоящаго. Мы пустились со всѣхъ ногъ. Пробѣжали дальше, нежели зрѣніе въ трубу можетъ хватать при такомъ туманѣ. Туманъ опять разсѣялся и передъ нами опять ничего не стало. Тутъ я догадался въ чемъ дѣло, и вспомнилъ нѣкоторыя приключенія путешествовавшихъ по сѣвернымъ морямъ. Я съ точностію взялъ направленіе по компасу; мы сдѣлали еще верстъ десять и нашли шалашъ. Вотъ тебѣ обольстительный, а вмѣстѣ и спасительный миражъ. На каѳедрѣ такія штуки очень милы, но на опытѣ еще лучше, пока съ ними не найдешь своей могилы. Для своего друга маменька природа всегда гдѣ нибудь оставитъ лазейку.»

Для того, чтобы попасть за тундру, надо сперва всегда

дѣлать распоряженія о приуроченіи въ извѣстныхъ мѣстахъ Самоѣдовъ съ оленями. Здѣсь слѣдовало бы сказать нѣсколь-ко словъ объ этомъ племени, но оно довольно подробно и вѣрно описано у г. Степанова; а потому объ этомъ предметѣ я распространяться не буду.

Въ главѣ объ Юракахъ, я уже говорилъ о малой или Тазовской тундрѣ. Здѣсь мнѣ остается только познакомить читателя съ западной границей ея — съ рѣкою Тазомъ, пользуясь въ этомъ случаѣ записками извѣстнаго уже намъ Давыдова.

Все русское народонаселеніе по Тазу сосредоточено только въ двухъ пунктахъ, въ селеніи на Тазу у Церкви и въ зимовьѣ на Тазу у Часовни. Давыдовъ доплывалъ внизъ по теченію только до селенія на Тазу у Церкви или до Тазовскаго погоста.

Прибывъ туда во вторникъ 1 Юля 1818 года, Давыдовъ нашелъ, что весь Тазовскій погостъ состоитъ изъ 3 домовъ, одной бани и 3 амбаровъ. Здѣсь ветхая деревянная церковь.

На другой день онъ отправился обратно вверхъ по теченію Таза.

На разстояніи 25 верстъ отъ селенія Тазовскаго, берега Таза крайне низки, такъ, что растущій на нихъ тальникъ постоянно заливается водою. На рѣкѣ весьма много острововъ.

Въ 60 или 70 верстахъ съ правой стороны впадаетъ въ Тазъ рѣка Тейнакъ. Она вытекаетъ изъ озера Тенмашики, находящагося въ семи дняхъ пути отъ устья Тейнака.

Въ 95 или въ 100 верстахъ отъ Тазовскаго погоста, правый берегъ Таза начинаетъ возвышаться. Онъ покрытъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. Нѣкоторыя мѣста весьма удобны къ населенію.

Въ воскресенье 6 Юля, Давыдовъ замѣтилъ значительныя возвышенія и на лѣвомъ берегу Таза. Они покрыты кедровымъ лѣсомъ. Это отъ Тазовскаго погоста верстахъ въ 200.

Далѣе до самаго устья рѣчки Некультока оба берега довольно низменны, но лѣсисты.

Проплывъ по Тазу всего до 500 верстъ, Давыдовъ 13-го Юля въ воскресенье вошелъ въ устье Некультока, гдѣ я и оставляю его, обращаясь къ берегамъ Ледовитаго моря—самымъ сѣвернымъ предѣламъ Туруханскаго края.

По самой лучшей до сихъ поръ картѣ Енисейской губернии, составленной Иркутскимъ губернскимъ землемѣромъ Лосевымъ, которою пользовался Степановъ и копіи съ которой имѣются и теперь въ Енисейской губернской Чертежной, берега Ледовитаго моря, заключающіеся въ предѣлахъ Туруханскаго края, обозначены совершенно положительно, начиная отъ Обской губы, до устья рѣки Анабара. Они состоятъ въ мысѣ, не имѣющемъ названія; заливѣ, названномъ на новѣйшихъ копіяхъ съ карты Лосева, Гыданскимъ, при устьѣ рѣки Гыды; въ Енисейскомъ заливѣ; въ двухъ мысахъ и между ними заливѣ, не имѣющихъ названій; въ устьѣ рѣки Пясины; въ огромномъ полуостровѣ, вдающемся въ море далеко на Сѣверъ и лежащимъ между 73° и 78° широты и 105° и 124° долготы; въ Таймурскомъ заливѣ; въ большомъ полуостровѣ, лежащемъ между 115° и 118° долготы; въ Хатангскомъ заливѣ; еще въ небольшомъ полуостровѣ и, наконецъ, въ Анабарскомъ заливѣ.

Однакожь, не смотря на такое положительное указаніе картъ, нѣкоторыя части береговъ моря, какъ замѣтилъ еще и г. Степановъ (*), показаны совершенно гадательно. Можно вѣрить только тому, что видѣли сами наши отважные моряки нашего славнаго флота, обозрѣвавшіе берега Ледовитаго моря. Хотя подлинныя журналы ихъ объ этомъ неизвѣстны публикѣ, однакожь перечень ихъ замѣтокъ представляется здѣсь изъ самаго достовѣрнаго источника — записокъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента (**).

(*) 1, 51, 52.

(**) Ч. IV, 1820 г.

Извѣстно, что обзорѣніе береговъ Ледовитаго моря было предпринято въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, по проэкту знаменитаго Беринга, разрѣшившаго вопросъ: соединяется ли Азія съ Америкой.

Для описанія береговъ моря отъ Обской губы до устья Енисея, былъ назначенъ Лейтенантъ Овцынъ.

Устроивъ съ этою цѣлію въ Тобольскѣ допель-шлюпъ, онъ 15 Мая 1734 г. отправился внизъ по Иртышу, вошелъ въ Обь и ровно черезъ мѣсяцъ достигъ устья этой рѣки. Допель-шлюпъ былъ 70 футовъ длины, 15 ширины, съ двумя мачтами и сидѣлъ въ водѣ 8 футовъ. Экипажъ его состоялъ изъ 53 человекъ, не считая іеромонаха, штурмана и геодезиста. При немъ было нѣсколько дощенниковъ, нагруженныхъ провіантомъ.

У Обской губы поднялся сильный вѣтеръ, которымъ повредило дощенники; по этому, устроивъ магазинъ подъ $67^{\circ} 60'$ с. ш., Овцынъ разгрузилъ ихъ и отправился около 27-го Іюня впередъ къ Сѣверу.

Безпрестанные противные вѣтры и мели замедляли плаваніе. Дойдя 6 Августа до $70^{\circ} 4'$ с. ш. и опасаясь приближающейся осени, потому что настали уже морозы, онъ пустился въ обратный путь и 4 Сентября прибылъ къ Обдорску.

Во время плаванія по Обской губѣ, Овцынъ видѣлъ по берегамъ одну тундру, по которой во множествѣ бродили дикіе олени и медвѣди. Очень часто онъ входилъ въ сношеніи съ приближавшимися къ берегу Самоѣдами. Въ самой губѣ онъ видѣлъ бѣлугъ.

Перезимовавъ въ Обдорскѣ, Овцынъ 29 Мая 1735 г. снова пустился въ море и къ 11-му Іюня дошелъ до Обской губы. На ней былъ еще ледъ, который стало ломать только 20 Іюня. До 8 Іюля онъ подвигался впередъ за льдомъ; но тутъ между экипажемъ открылась сильная цынга и самъ больной Овцынъ долженъ былъ возвратиться въ Тобольскъ, куда и прибылъ 6 Октября.

Оправясь отъ болѣзни, онъ поѣхалъ въ С. Петербургъ представить въ Адмиралтейскую Коллегію донесеніе о своемъ путешествіи. Между прочимъ, онъ писалъ, что если ему вѣрно будетъ слѣдующею весною снова плыть въ море, то нужно для безопасности дать ему въ помощь другое судно. Коллегія согласилась и отправила въ Тобольскъ для устройства палубнаго бота, корабельнаго мастера Кошелева. Но не смотря на всѣ усилія, боть не могъ быть готовъ къ веснѣ 1736 года, и Овцынъ 23 Мая долженъ былъ отправиться одинъ.

Это плаваніе было столь же не удачно, какъ и предшествовавшія. Къ 5 Августа дойдя только до $72^{\circ} 74'$ с. ш. онъ увидѣлъ, что Обская губа покрыта сплошною массою льда, который лежалъ тутъ еще съ прошлой зимы. Нѣсколько времени лавируя между льдинами, Овцынъ ждалъ, что ледъ унесетъ въ море. Надежда была совершенно напрасная, и онъ рѣшился лучше возвратиться зимовать въ Обдорскъ. 26 Сентября онъ былъ уже тамъ.

Къ 5 Іюня слѣдующаго 1737 г. онъ готовъ былъ уже снова пуститься въ путь, какъ къ нему прибылъ вновь построенный въ Тобольскѣ боть. Поручивъ начальство надъ допель-шлюпомъ Кошелеву, Овцынъ перешелъ самъ на боть и 29-го Іюня поплылъ внизъ по Оби. 6-го Августа онъ достигъ до $72^{\circ} 46'$ с. ш. и увидѣлъ у праваго берега Обской губы Гыданскій заливъ. Онъ вдается къ Юго-Востоку во внутрь земли на 160 верстъ. Разсудивъ, что по осеннему времени, осматривать лѣвый берегъ Обской губы было бы уже поздно, Овцынъ рѣшился плыть прямо къ устью Енисея.

8-го Августа онъ вошелъ въ Ледовитое море и, держась прямо на Сѣверъ дошелъ до $73^{\circ} 56'$ с. ш. До сего времени вѣтеръ былъ совершенно попутный. Но въ этой широтѣ мореплаватели увидѣли густую массу льда, стоявшаго высокими горами. Здѣсь они видѣли кита, а на льду множество чаекъ. Глубина моря въ этомъ мѣстѣ была 11 сажень, а теченіе къ Западу по $\frac{3}{4}$ мили въ часъ.

Видя такое неодолимое препятствіе, въ своемъ до сихъ поръ, счастливомъ путешествіи, Овцынъ счелъ за лучшее поворотить отъ льдовъ къ берегу на Ю. В. и на другой день въ направленіи В. С. В. увидѣлъ землю. Глубина моря была въ этомъ мѣстѣ 5, 6 и 7 сажень; грунтъ крѣпкій, сѣрый песокъ.

10 Августа Овцынъ былъ недалеко отъ невысокаго, ровнаго берега. Приблизясь къ нему на полъ-мили, онъ бросилъ якорь на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ саженей. По астрономическому наблюденію, широта этого мѣста найдена $73^{\circ} 10'$, теченіе моря къ Сѣверу. На С. С. В. имъ видѣнъ былъ мысъ, называемый Сѣвернымъ и не имѣющій по картамъ никакого названія; южная оконечность берега тянулась на Ю. В.

Для осмотра этой земли отправленъ былъ Штурманъ Мининъ. Возвратясь онъ донесъ, что берегъ, на которомъ онъ былъ, ровный, невысокій, направляющійся отъ Ю. З. къ С. В. По заплескамъ моря лежитъ много выброшеннаго лѣса. Внутри берега находится 6 озеръ, соединяющихся рѣчкою, впадающею въ море; на нихъ множество дикихъ гусей, утокъ и чаекъ. Вдали виднѣлись нѣсколько дикихъ оленей и бѣлый медвѣдь. Земля была вездѣ тундристая и безъ малѣйшаго растенія. Лавируя при противныхъ вѣтрахъ цѣлую недѣлю, Овцынъ 17 Августа былъ въ $73^{\circ} 18'$ с. ш. Имѣя въ виду близко берегъ, онъ велѣлъ взъ выкиднаго лѣса поставить знакъ съ надписью, что онъ проходилъ здѣсь изъ Обской губы въ 1737 г. Къ В. Сѣверный мысъ они уже обогнули и онъ находился отъ нихъ на З. С. З.

За этимъ мысомъ къ С. В. вдался большой заливъ шириною до 20 миль. За нимъ морской берегъ до устья Енисея идетъ къ С. В. на 90 миль. 30 Августа, Овцынъ былъ уже у устья Енисея. Вступивъ въ Енисей, онъ, какъ упомянуто уже выше, доплылъ только до Ангутскаго зямовья, а допель-шлюпъ до Денежкина.

Въ 1738 г. Лейтенантъ Овцынъ былъ смѣненъ по жалобѣ команды. Дальнѣйшее описаніе береговъ моря возложено на

Штурмана Минина, которому велѣно слѣдующей весною стараться обогнуть Таймурскій мысъ.

4 Юня Мининъ поплыль на ботѣ внизъ по Енисею, но въ широтѣ $72^{\circ} 33'$ встрѣтилъ густой ледъ, который и заставилъ его возвратиться къ Туруханску безъ всякаго успѣха. Онъ зимовалъ, не доходя до Туруханска, въ зимовьѣ Исаковомъ.

Въ 1739 году Мининъ отправился въ путь довольно поздно, а потому и могъ дойти только до устья Енисея.

Весною 1740 г. Мининъ командировалъ для описи берега моря до устья рѣки Таймура Штурмана Стерлегова. Отправясь на собакахъ 23 Марта съ устья Енисея на Сѣверъ, Стерлеговъ доходилъ до $75^{\circ} 26'$ с. ш. Но здѣсь онъ и спутники его были поражены снѣжною слѣпотою. Это заставило ихъ возвратиться къ устью Енисея. Остановясь отдохнуть на нѣкоторое время при устьѣ рѣки Пясиной въ зимовьѣ двухъ промышленниковъ, онъ 29 Мая прибылъ въ зимовье Волгино на Енисеѣ, откуда и отправился.

Лѣтомъ того же года Штурманъ Мининъ вновь плавалъ по Енисею и доходилъ до $75^{\circ} 15'$ минутъ широты; но встрѣтивъ тутъ непроходимый ледъ, долженъ былъ въ Августѣ мѣсяцѣ стать на зимовку въ устьѣ Пясиной.

Не имѣя никакой надежды обогнуть заколдованный Таймурскій мысъ, Мининъ весною 1741 г. возвратился въ Енисейскъ и со всею командою отправился въ С. Петербургъ.

Между тѣмъ, въ то самое время, когда старались обойти Таймурскій мысъ, плывя изъ Обской губы на Востокъ, другая экспедиція старалась достигнуть этой же цѣли, плывя изъ Ленской губы на Западъ.

Начальникомъ этой экспедиціи былъ Лейтенантъ Прончищевъ.

30 Юня 1735 г. Прончищевъ на допель-шлюпѣ отправился изъ Якутска въ низъ по Ленѣ, но не смотря на все усилія къ 24 Августа могъ только достигнуть до устья рѣки Оленека. Здѣсь его застала осень и онъ зимовалъ.

Въ слѣдующемъ году, 1736, 3 Августа, онъ снова пустился въ путь по направленію къ С. З. и 5 Августа пришелъ къ устью рѣки Анабара. Желая сколько нибудь изслѣдовать эту рѣку, онъ послалъ вверхъ по ней Геодезиста Чекина промѣривать глубину. Въ ожиданіи его, онъ оставался здѣсь до 12 числа.

Результаты наблюденія Чекина неизвѣстны. 12 Августа Прончищевъ поплылъ далѣе къ Сѣверу вдоль берега, но отойдя только 32 мили, встрѣтилъ льды, между которыми долженъ былъ лавировать. Однакожъ не смотря на это, 16 числа онъ успѣлъ достигнуть до устья Хатанги. По замѣчанію его, оно до 30 миль ширины и отъ 9 до 12 саженьей глубины; по среди его два острова, къ Востоку низменный, а къ Западу утесистой. На берегу Хатанги стоялъ шалашъ, вѣроятно, недавно оставленный промышленниками, потому что тамъ найдены были посланнымъ съ допель-шлюпа, собаки и свѣжій хлѣбъ.

До 18 числа мореплаватели подвигались весьма медленно, потому что имъ безпрестанно встрѣчались льды. Во все это время они отплыли отъ устья Хатанги только 120 миль. 17 числа они увидѣли губу, которая была покрыта сплошнымъ льдомъ. Тутъ было много острововъ, но, за туманною погодой, величины ихъ опредѣлить было не возможно.

18 Августа они шли все еще подлѣ самыхъ льдовъ. Въ отдаленіи на Ю. З. за низменнымъ берегомъ, были видны высокія горы, покрытыя снѣгомъ.

Мореплаватели, вѣроятно, ошибались, потому что здѣсь горъ нѣтъ. Ихъ обманывало зрѣніе, какъ обманывало оно Г. Миддендорфа.

Глубина губы, по которой плылъ Прончищевъ, была весьма обманчива. Отъ 4 и 5 саженьей она достигала вдругъ до 113, а не много далѣе не могли достать и дна. Губа простиралась до 20 миль. Впереди ея было два острова и между ними проливъ шириною съ милю.

Въ полдень 19 Августа допель-шлюпъ находился противъ

устья рѣки, которую мореплаватели сочли Таймуромъ. Берега ея возвышенны. Между островами, раскиданными у устья, плавало множество бѣлугъ. Но тутъ лежалъ сплошной ледъ и потому подняться по рѣкѣ не было ни какой возможности. 20 Августа они отплыли 44 мили къ З. отъ устья Таймура, но встрѣтили такой густой ледъ, что подвигаться далѣе было нельзя. По этому Прончищевъ счелъ за лучшее возвратиться на зимовку къ устью Хатанги или Оленека. Но устье первой изъ этихъ рѣкъ было загромождено льдомъ.

Въ экипажѣ открылась болѣзнь и 30 Августа самъ начальникъ экспедиціи скончался. 3-го Сентября допель-шлюпу удалось таки войти въ устье Оленека.

На другой день на пустынномъ дикомъ берегу Оленека полубольной экипажъ отдалъ послѣдній грустный долгъ своему начальнику. вмѣстѣ съ нимъ предано землѣ тѣло его молодой жены, всегдашней его спутницы во всѣхъ путешествіяхъ. Она не могла перенести потери своего мужа.

О результатахъ экспедиціи Прончищева было донесено Адмиралтействъ Коллегіи; она не покинула плана обозрѣнія береговъ Ледовитаго моря и назначила начальникомъ новой морской экспедиціи Лейтенанта Лаптева.

Лаптевъ былъ человекъ весьма замѣчательный. Онъ стяжалъ себѣ бессмертную славу, проведя въ тундрахъ и всевозможнаго рода лишеніяхъ цѣлыхъ пять лѣтъ при обозрѣніи береговъ между Хатангой и Пясиной.

Отправясь 9 Іюня 1738 г. изъ Якутска, онъ въ то же лѣто проникъ почти туда же, гдѣ былъ и предмѣстникъ его, но итти далѣе счелъ не возможнымъ по позднему времени года. Онъ возвратился и добрался только до устья Хатанги, гдѣ и зимовалъ.

Зимою Лаптевъ послалъ Геодезиста Чекина на собакахъ къ рѣкѣ Таймуру, но эта экспедиція была не удачна.

Лѣтомъ слѣдующаго года, когда Лаптевъ вышелъ опять въ море, судно его было вскорѣ затерто льдомъ, и путешественники перебрались по льду на берегъ, захвативъ съ со-

бою столько припасовъ, чтобы первые же дни не умереть съ голоду.

На этомъ пустынномъ берегу, безъ крова, безъ топлива, въ ямахъ, вырубленныхъ въ мерзлой землѣ, они должны были прождать цѣлый мѣсяцъ, пока рѣки покрылись льдомъ и позволили имъ отыскать прежнее зимовье на Хатангѣ, на что потребовалось еще 25 дней. Многие погибли. Съ остальными Лаптевъ, въ нѣсколько отдѣльныхъ экспедицій, предводимыхъ частію имъ самимъ, частію его офицерами, обозрѣлъ берегъ въ зимнее время; но подробности этого обозрѣнія, къ сожалѣнію, не извѣстны.

Въ Іюль мѣсяцѣ 1740 г. онъ изъ Енисейска отправился въ С. Петербургъ.

Здѣсь я расстаюсь съ нашими отважными моряками, здѣсь оканчиваю и эти блѣдные очерки Туруханскаго края.

О П И С А Н І Е

ПРИСКОВЪ ЛАЗОРЕВАГО КАМНЯ (ЛАПИСЬ-ЛАЗУЛИ) ВЪ ПРИ-БАЙКАЛЬСКИХЪ
ГОРАХЪ.

Н. Верслова,

Чл.-Сотр. Сибирскаго Отдѣла.

—

По распоряженію Сибирскаго Отдѣла, я долженъ былъ отправиться для осмотра мѣсторожденій лапись-лазули, находящихся въ при-байкальскихъ горахъ. Для исполненія этого порученія, 12-го Августа я пустился въ путь и приѣхалъ въ селеніе Култукъ, лежащее на южной оконечности Байкала. Полюбовавшись вскользь моремъ и его прибрежными горами, которыя справа и слѣва темными массами выступаютъ изъ водъ, я, по соглашенію съ обязательнымъ спутникомъ моимъ, распредѣлилъ занятія такимъ образомъ, чтобъ въ тотъ же день осмотрѣть прискъ лапись-лазули по рѣчкѣ Талой, на другой день отправиться на Быструю и ее дѣйствующій прискъ, и наконецъ на третій день, обозрѣть старыя разработки байкалитовъ по рѣчкѣ Слюдянкѣ. Хотя по рѣчкѣ Талой въ настоящее время и не производится работъ, но мнѣ желательно было ближе ознакомиться съ мѣсторожденіями лапись-лазули и поискать замѣчательныхъ штуфовъ хондролита съ шпинелью, найденныхъ Г. Пермикинымъ.

Не смотря на краткость времени, я могъ подробно осмотрѣть приски лапись-лазули на Талой и Малой Быстрой,

благодаря распорядительности руководителя работъ и прекрасной погодѣ

1) Приискъ по рѣчкѣ Талой.

Рѣчка Талая, впадающая въ двухъ верстахъ отъ селенія Култука въ Байкаль, предъ ее впаденіемъ соединяется съ рѣчкою Култучною и течетъ отъ SW на NO. Длина ее теченія простирается не свыше тридцати верстъ, а ширина только при устьѣ превышаетъ двѣ сажени; обыкновенная ширина ея въ среднемъ теченіи до одной сажени. Долина рѣчки, кромѣ устья, довольно узка и окаймляющія ее горы возстаютъ круто, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаженные стѣны; иногда же горное строеніе ихъ сокрыто наносами. Кряжъ, тянущійся по правому берегу долины, состоитъ изъ известняка и только въ пяти верстахъ отъ устья рѣчки, замѣчается выходъ полеваго шпата съ попадающимися въ немъ апатитами и черными шерлами; отторженцы и валуны обѣихъ горныхъ породъ во множествѣ видны въ руслѣ рѣчки. Лѣвый берегъ, въ особенности въ вершинахъ рѣчки, состоитъ изъ сѣрой вакки, но въ пяти верстахъ отъ устья, почти противъ выходовъ полеваго шпата, залегаетъ толща известняка въ видѣ мощныхъ, крутопадающихъ пластовъ. Внизу, въ лѣвомъ кряжѣ долины за известнякомъ идутъ граниты и гранито-сіениты.

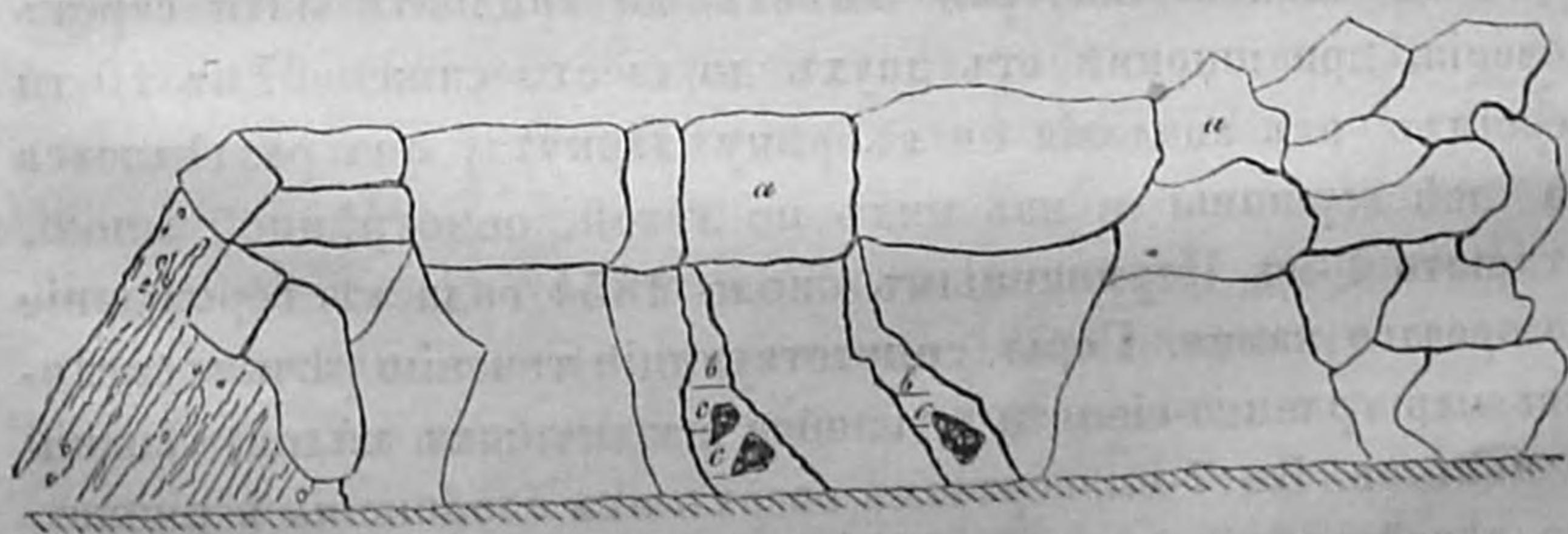
Помянутую толщу лѣваго берега составляетъ по преимуществу мраморовидный известнякъ бѣлаго цвѣта и всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ краснаго; встрѣчается также и известковый шпатъ. Изъ этого известняка добывалась лапись-лазуля до 1853 года, Г. Пермикинымъ, тремя разрѣзами по прожилкамъ или трещинамъ, имѣющимъ простираніе въ крестъ линіи направленія кряжа. Первый разрѣзъ начинается съ самаго подола горы, другой (средній) въ 30-ти сажняхъ отъ перваго вверхъ по горѣ, и наконецъ третій (верхній)

въ такомъ же разстояніи отъ средняго. Между нижнимъ и среднимъ разрѣзами проведена поперечная развѣдочная канава.

Самое мѣсторожденіе состоитъ изъ известняковъ, какъ-бы разбитыхъ и претерпѣвшихъ передвиженіе; ибо между массами этой породы постоянно попадаетъ известковое мучнистое вещество, иногда окрашенное окисью желѣза, иногда же бѣлаго цвѣта. Между угловатыми глыбами известняка попадаютъ, хотя и не часто, массы сіенита и сѣрой вакки, по видимому участвовавшихъ въ образованіи мѣсторожденія. Связывающее мучнистое съ мелкою слюдою вещество, облекая известковыя массы, тянется въ видѣ оруденѣлыхъ прожилковъ, иногда расширяющихся и тогда - то въ нихъ заключаются желваки и отторженцы лаписъ-лазули съ бѣльшимъ или мѣньшимъ количествомъ известняка, имѣющимъ большое вліяніе на относительное достоинство лаписъ-лазули.

Для большаго уясненія взаимнаго положенія породъ мѣсторожденія рѣчки Талой, я представлю здѣсь чертежъ средняго забоя въ среднемъ же разрѣзѣ. Къ сожалѣнію на этомъ рисункѣ не видно почвы забоя съ продолжающимися прожилками и лаписъ-лазулю, вслѣдствіе осыпанія забоя во время неразработки этого мѣсторожденія.

Вотъ вертикальный разрѣзъ забоя:

Здѣсь *a a* представляетъ сіенитъ.

b b трещины или прожилки, выполненные мучнистымъ, оруденѣлымъ, слюдистымъ, известковымъ веществомъ.

c c Лаписъ-лазули.

Не обозначенныя буквами глыбы состоятъ изъ известняка. Высота осыпавшагося забоя простирается до одной сажени.

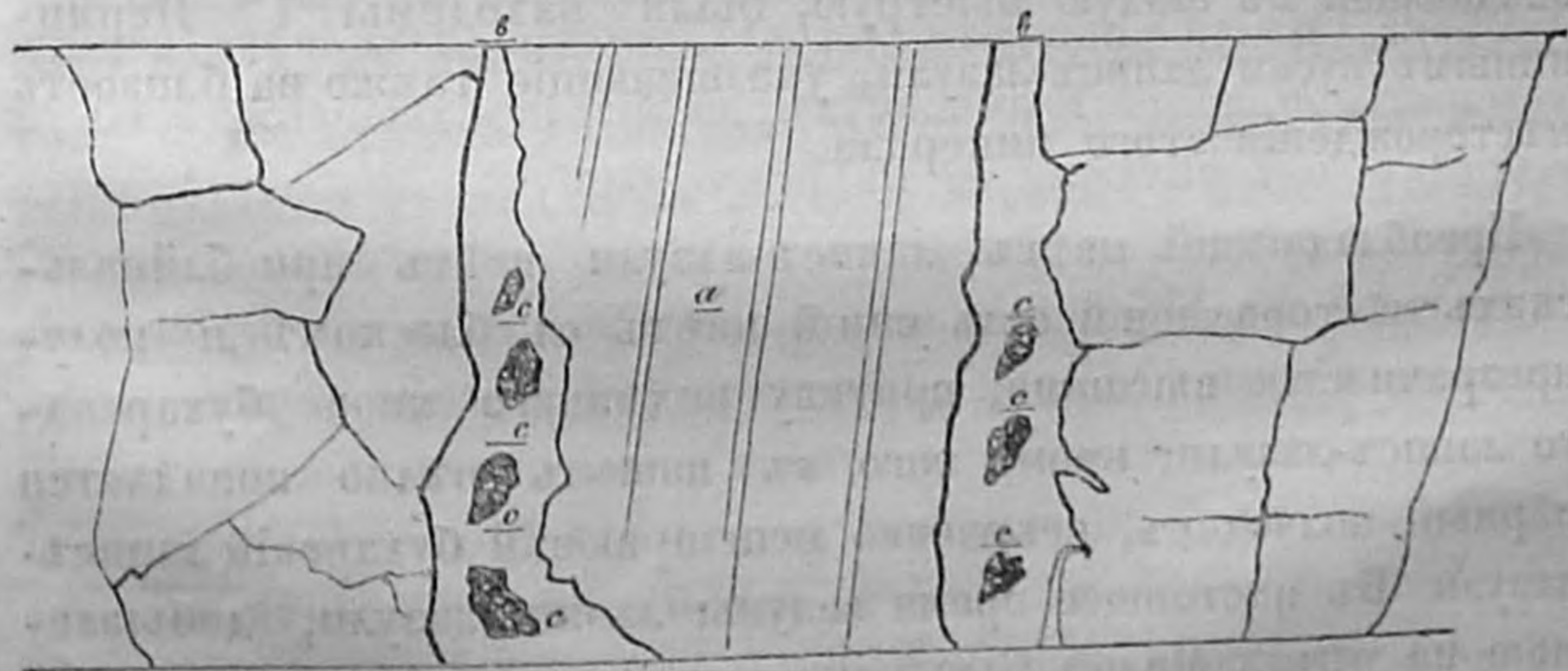
Работы на рѣчкѣ Талой были остановлены въ слѣдствіе неудовлетворительнаго качества лаписъ-лазули; главною же причиною оставленія этого замѣчательнаго мѣсторожденія было открытіе лучшаго лаписъ-лазули по рѣчкѣ Малой Быстрой, къ описанію которой я приступаю, упомянувъ прежде объ оврагѣ, лежащемъ въ тридцати сажняхъ параллельно Тальскому мѣсторожденію. — Оврагъ этотъ, наполняемый во время дождей и таянія снѣговъ—водою, выноситъ множество обломковъ различныхъ породъ и минераловъ, изъ коихъ по преимуществу замѣчены мною: сѣрая вакка, известковый туфъ, известняки различныхъ цвѣтовъ, прекрасные образцы розоваго полеваго шпата съ пророслями бѣлаго кварца, роговая обманка различныхъ цвѣтовъ и сложенія, слюда и наконецъ хондродитъ, который къ сожалѣнію я не могъ найти вмѣстѣ съ шпинелью.

2) Приискъ по рѣчкѣ Малой Быстрой.

Рѣчка Малая Быстрая имѣетъ до тридцати пяти верстъ теченія, при ширинѣ отъ двухъ до шести саженей. Въ 10-ти верстахъ отъ впаденія ея въ рѣку Иркутъ, она раздѣляется на двѣ вершины и изъ нихъ по лѣвой, осмотрѣнной мною, открыто Г-мъ Пермикинымъ около 1854 года мѣсторожденіе лазореваго камня. Горы, сопутствующія теченію рѣчки, состоятъ изъ гранито-сіенита и гнейса различныхъ видоизмѣненій и цвѣтовъ. Въ 7-ми верстахъ вверхъ отъ соединенія вершинъ, по лѣвой вершинѣ, въ хребтѣ, окаймляющемъ правую сторону долины, къ гранито-сіениту прилегаютъ пласты измѣненнаго известняка, поднятые почти вертикально первою изъ этихъ породъ. Простираніе известковыхъ пластовъ почти совпадаетъ съ направленіемъ всего гранито-сіенитоваго хребта.

Въ этомъ доломитовидномъ известнякѣ, имѣющемъ зернистое сложеніе и бѣлый цвѣтъ, заключается мѣсторожденіе лаписъ-лазули. По шурфамъ видно, что лаписъ-лазули встрѣчается на площади въ 7000 квадратныхъ сажень, а дѣйствующій пріискъ находится почти въ срединѣ развѣданной площади. Первоначально работа производилась ниже нынѣ дѣйствующаго пріиска, и лаписъ-лазули, видѣнный мною въ этомъ мѣстѣ заключался въ довольно плотномъ известнякѣ; случай и дѣятельность указали отрывателю болѣе богатое вмѣстилище отыскиваемого минерала, а потому, по разшурфовкѣ площади и была заложена работа, продолженіе которой мною осмотрѣно. Разрѣзъ веденъ отъ низу къ верху въ весьма крутой горѣ въ разстояніи отъ подола ея въ полуторахъ верстахъ. Длина разрѣза въ 150 сажень, глубина отъ 2-хъ аршинъ до $3\frac{1}{2}$ сажень, а ширина отъ 2-хъ сажень до 15. Последняя цифра принадлежитъ къ ширинѣ дѣйствующаго въ настоящее время забоя.

Представляю продольный вертикальный разрѣзъ шурфа, углубленнаго на $1\frac{1}{2}$ сажени и заложенаго въ почвѣ нижняго дѣйствующаго забоя.

Верхняя линія сѣченія шурфа равняется 3 саженямъ, а нижняя $2\frac{1}{2}$ саженямъ.

Вертикальная стѣна шурфа, представленная на этомъ рисункѣ, состоитъ изъ плотной бѣлой известковой массы *a*, испещренной вертикальными сѣрыми полосами; бока состоятъ изъ того же известняка, но разбитаго трещинами и претерпѣвшаго по видимому такое же передвиженіе, какое замѣчено въ Тальскомъ мѣсторожденіи Мужду плотнымъ известнякомъ и разбитымъ боковымъ, идутъ вертикальныя трещины, толщиною отъ 1 вершка до 1 аршина, наполненныя мучнистою известковою со слюдою мякотью, слегка окрашенною желѣзомъ. Въ этихъ мякотяхъ заключается въ видѣ валуновъ и угловатыхъ отторженцевъ лаписъ-лазули *c c* прекраснаго синяго цвѣта, принимающіи высокій полеръ. Тутъ же попадаетъ сѣра въ видѣ кристалловъ, и сосѣдній, разбитый трещинами известнякъ, проникнуть ею. Надобно полагать, что плотный известнякъ, суживающійся постепенно въ глубь, выклиняется, тогда прожилки *b b* сойдутся и добыча пойдетъ еще успѣшнѣе, ибо по мѣрѣ углубленія, прожилки содержатъ въ себѣ болѣе искомаго минерала.

Кромѣ описанныхъ мѣсторожденій есть еще одно по рѣчкѣ Слюдянкѣ, не разрабатываемое по причинамъ, изложеннымъ мною выше. Сверхъ сего въ выносахъ рѣчки Тулунтай, впадающей въ Малую Быструю, были находимы Г. Пермикинымъ куски лаписъ-лазули, указывающіе также на близость мѣсторожденія этого минерала.

Преобладающій цвѣтъ лаписъ-лазули всѣхъ при-байкальскихъ мѣсторожденій есть синій цвѣтъ съ блескомъ и полупрозрачностію высшими, противу видѣннаго мною бухарскаго лаписъ-лазули; кромѣ того въ нашемъ рѣдко попадаетъ сѣрный колчеданъ, некрасиво испещряющій бухарскій лаписъ-лазули. Въ настоящее время валуны лаписъ-лазули, добываемые на рѣчкѣ Малой Быстрой, достигаютъ вѣсомъ до 3-хъ пудовъ съ замѣчательной однородностію во всей массѣ.

Сверхъ синяго цвѣта и оттѣнковъ его, попадаетъ лаписъ-

лазули фіолетовый и зеленый болѣе или менѣе густо окрашенный. (*)

3. Байкалиты.

Проѣхавъ версты четыре морскимъ припайкомъ и переѣхавъ въ бродъ устье рѣчки Похабихи, мы достигли рѣчки Слюдянки, лежащей въ десяти верстахъ съ небольшимъ отъ селенія Култука и впадающей въ южную оконечность Байкала. Горы весьма круты и въ нихъ далѣе къ вершинѣ лежитъ неразработываемый нынѣ пріискъ лаписъ-лазули. Въ оконечности хребта, ограничивающаго правый берегъ долины рѣчки Слюдянки, не въ дальнемъ разстояніи отъ устья ея, находятся давно извѣстныя копи байкалита. Не смотря на заботливость моего спутника, нанятые люди не могли вполне очистить отъ осыпей прежнихъ ямъ, такъ, что намъ не удалось добыть порядочныхъ штукъ этого минерала; впрочемъ это не помѣшало моему, конечно, бѣглому осмотру, мѣсторожденія байкалитовъ. Непосредственно подъ наносомъ залегаетъ толстымъ слоемъ полупрозрачная слюда, преимущественно чернаго цвѣта, въ листахъ въ аршинъ величиною. Подъ пластомъ болѣе аршина толщиною идетъ известнякъ, пропитанный мелкими кристаллами роговой обманки и байкалита (матка байкалита). Въ этомъ известнякѣ, на глубинѣ не болѣе въ сажень, начинается попадаться байкалитъ въ трещинахъ, наполненныхъ мелочью известняка и горькаго шпата. Другихъ

(*) Мы не дѣлаемъ различій по Норденшильду и не отдѣляемъ въ этомъ описаніи отъ лаписъ-лазули минералы, сопутствующіе ему, какъ лазурь-апатитъ, кокшаровитъ и другіе. Что касается до глауголита, то мною лично онъ не былъ найденъ въ пріискѣ по рѣчкѣ Малой Быстрой (См. le Bulletin de la Société Imperiale des Natural. an 1857 № 1, стр. 213.)

минераловъ мною незамѣчено, можетъ быть потому, что углубиться далѣе въ старыхъ кояхъ я не имѣлъ возможности

Описавъ два замѣчательныя мѣсторожденія лаписъ-лазули, я прихожу къ вопросамъ, къ какому разряду мѣсторожденій принадлежатъ онѣ, и какъ образовались? Я говорилъ уже, что трещины между массами известняка, наполненныя известковымъ мучнистымъ веществомъ, заключающимъ въ себѣ лаписъ лазули, явно произошли отъ тренія и передвиженія массъ известняка. Но такъ какъ лаписъ-лазули видѣнъ былъ мною также и въ плотномъ известнякѣ, а въ приискѣ по рѣчкѣ Слюдянкѣ (нынѣ неразработываемомъ по недоброкачественности минерала и твердости породъ), онъ залегаетъ правильно жилою, по этому надобно полагать, что осмотровыя мною мѣсторожденія, суть выходы глубже залегающихъ жилъ лаписъ-лазули. Весьма вѣроятно, что въ каждомъ изъ двухъ приисковъ находится не одна жила, ибо сдвинутой массы, напримѣръ по рѣчкѣ Быстрой, развѣдано до 7000 квадратныхъ сажень, содержащихъ лаписъ-лазули. Жильное, коренное мѣсторожденіе, давшее матеріалъ къ образованію этому громадному, сдвинувшемуся выходу, нѣтъ сомнѣнія, покоится подъ развѣданною площадью. Достоинство лаписъ-лазули изъ этого мѣсторожденія весьма высокое и куски его болѣе однородны, чѣмъ въ другихъ мѣсторожденіяхъ. Притомъ, чѣмъ болѣе углубляются, т. е. чѣмъ ближе приближаются къ одному изъ предполагаемыхъ коренныхъ мѣсторожденій, тѣмъ болѣе увеличивается въмякотяхъ количество и качество лаписъ-лазули. Нѣтъ сомнѣнія, что въ мѣсторожденіи по рѣчкѣ Быстрой, углубляясь обращеннымъ въ гезенгъ шурфомъ и идя штреками по простиранію трещинъ, выполненныхъ мякотями съ лаписъ-лазули, одна изъ развѣдочныхъ работъ достигнетъ кореннаго жильнаго мѣсторожденія и тѣмъ увѣнчаетъ полнымъ и окончательнымъ успѣхомъ неотъемлемая заслуга Г. Пермикина.

Но откуда же были сдвинуты эти массы известняка, заключающія въ себѣ лаписъ-лазули? Окружающія горы не выше горъ, въ которыхъ находится этотъ минераль, а самое разрабатываемое мѣсторожденіе залегаетъ на большой высотѣ и именно версты полторы (*) выше уровня рѣчки Быстрой, почти у самой гривы хребта. Сообразивъ все предыдущее, я позволяю себѣ сдѣлать слѣдующее предположеніе:

Сначала минераль лаписъ-лазули былъ совершенно безцвѣтный и выполнялъ собою пустоты и трещины въ известнякѣ. Сѣра въ видѣ паровъ выступила изъ нѣдръ земныхъ, частію по готовымъ уже трещинамъ въ известнякѣ, частію образуя ихъ вновь. Соединившись съ лаписъ-лазули и окрасивъ его смотря по степени температуры паровъ въ синій, фіолетовый, зеленый цвѣтъ, (**) избытокъ сѣры осѣлъ на известнякѣ по трещинамъ и частію проникъ его (**). Во время возгона сѣры, верхніе слои известняка близъ выхода его на поверхность тронулись съ мѣста и при сильномъ напорѣ отъ тренія произвели ту мякоть, въ которой заключается лаписъ-лазули. При этомъ же напорѣ отъ образовавшагося жильнаго

(*) Примѣрное разстояніе, рассчитываемое по времени восхожденія.

(**) Если безцвѣтный лаписъ-лазули, равно какъ зеленый и фіолетовый, подвергнуть не сильному прокаливанію, то минераль принимаетъ синій цвѣтъ и утрачиваетъ однакожь блескъ. Такъ говоритъ и Норденшильдъ въ статьѣ своей о русскомъ и бухарскомъ лаписъ-лазули. (См. le Bul. de la Société Impériale des Natural. an 1857. № 1. стр. 213.)

(***) Что касается до будущихъ надеждъ на сѣру, я съ своей стороны думаю, что въ предполагаемомъ коренномъ жильномъ мѣсторожденіи лаписъ-лазули, сѣра, какъ участникъ въ образованіи этого минерала, будетъ попадаться въ значительнѣйшемъ количествѣ противу теперашняго. Вѣроятно известковый залябанъ лаписъ-лазулевой жилы будетъ пронизанъ ею. Даже въ настоящее время я видѣлъ куски известняка пуда въ два густо проникнутые сѣрою.

мѣсторожденія, процементаваннаго сѣрою, лаписъ-лазули, отдѣлялись куски этого минерала и частію окатывались о стѣнки трещинъ въ тѣ валуны, которые добываются въ настоящее время изъ мѣсторожденія.

Допустивъ это предположеніе, надобно полагать, что собственно жильныя мѣсторожденія, которыя открываются подъ разрабатываемыми нынѣ выходами, будутъ заключать въ себѣ лаписъ-лазули еще высшаго качества, т. е. прекраснаго синяго цвѣта, равномерно распредѣленнаго въ описываемомъ минералѣ. (*)

(*) По полученнымъ вновь извѣстіямъ, предположеніе это вполне оправдалось и лаписъ-лазули идетъ высокаго достоинства и болѣе сплошными массами. Примѣч. Р. Р.—въ Н. В. и П. С.

II.

С М Ъ С Ъ.

Выставка естественныхъ коллекцій Г. Натуралиста Раде въ г. Иркутскѣ.

2 и 3 Марта 1857 г., для жителей города Иркутска была открыта въ обширной залѣ Иркутскаго Благороднаго Собранія выставка естественныхъ коллекцій Восточной Сибири, собранныхъ Г. Натуралистомъ Раде, посланнымъ сюда Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ.

Прежде нежели коснемся мы взгляда на эти богатые коллекціи, скажемъ нѣсколько словъ о мѣстностяхъ, избранныхъ ученымъ коллекторомъ для своихъ экскурсій.

Г. Раде началъ изслѣдованія съ бассейна Байкальскаго, гдѣ въ теченіе трехъ, лѣтнихъ мѣсяцовъ, въ 1855 году, имъ осмотрѣны прибрежья этого обширнаго озера, начиная отъ истока Нижней Ангары до острова Ольхона; слѣдуя отсюда, онъ обогнулъ всѣ губы сѣвернаго берега и достигъ Верхней Ангары. Отъ этихъ предѣловъ онъ поплылъ вдоль южнаго прибрежья Байкала включительно до устья р. Селенги.

Въ 1856 году Г. Раде предположилъ обзрѣть Нерчинскую Даурію и въ особенности ея южную степную часть, начиная отъ Яблоннаго хребта вдоль по Китайской границѣ до Горныхъ Нерчинскихъ заводовъ. На это путешествіе онъ употребилъ 11 мѣсяцевъ. Въ означенный періодъ времени были осмотрѣны имъ въ смыслѣ зоологическомъ и ботаническомъ горные предѣлы Малаго Генгея, въ томъ пунктѣ, гдѣ лежитъ извѣстный голецъ Чо-

кондо (Сохондо), потомъ онъ изслѣдовалъ Абагайтуевскую степь съ ея замѣчательнымъ озеромъ Торейскимъ и частию р. Аргуни около пограничнаго озера Далай-Нора.

Во время этихъ изслѣдованій Г. Радде вообще обращалъ свое вниманіе на выводы физико-географическіе, относительно проявленія жизни животныхъ и растений на извѣстномъ пространствѣ земли и ихъ географическое распредѣленіе. Онъ тщательно наблюдалъ время появленія и отлета птицъ, равно сонъ и пробужденіе нѣкоторыхъ породъ млекопитающихъ. Особенно много сдѣлано для зоологической и ботанической географіи. Въ первомъ случаѣ чрезвычайно интересны наблюденія Г. Радде надъ многими изъ животныхъ Дауріи и степень измѣняемости нѣкоторыхъ видовъ, вслѣдствіе климатическихъ условій.

Въ горныхъ предѣлахъ гольца Чокондо Г. Радде опредѣлилъ шесть растительныхъ регіоновъ, рѣзко отличающихся между собою и имѣющихъ свои отдѣльные уступы, начиная съ Алтанской долины до сѣдловидной вершины этого гольца, гдѣ кромѣ сбора естественныхъ коллекцій, барометрически опредѣлена была абсолютная его высота и описаны водные источники, берущіе отсюда свое начало. Г. Радде тщательно осмотрѣлъ все уступы гольца, интереснѣе всехъ изъ нихъ альпійская мѣстность Чокондо, гдѣ найдены многія рѣдкія растенія; между ними особенно замѣчательны: *Oxigraphis glacialis*, *Dracosephalum grandiflorum*, *Callitricium gutaefolium*, *Pedicularis amoena*, *Pedicularis lapponica*, *Pedicularis euphrasioides*, *Pedicularis versicolor*, *Claytonia arctica*, *Campanula silenifolia*, *Salix berberifolia* и др. На этой гольцовой высотѣ, достигающей до 8200 футовъ, Г. Радде, къ удивленію своему встрѣтилъ нѣсколько породъ звѣрей, какъ то: *Arctomys Evermanni* (чумбура), *Lagomys alpinus*, черный медвѣдь и др. Изъ птицъ: *Lagopus alpinus*, *Fregilus craculus* и *Regulus erythrina*.

Съ горныхъ предѣловъ гольца Чокондо Г. Радде спустился въ долину Бубукунскую, гдѣ въ пограничномъ караулѣ того же имени дѣлалъ наблюденія надъ интересною пороодою тибетскихъ яковъ (*Bos grunniens*), которые будучи съ давняго времени приобрѣтены изъ Средней Азій, разведены здѣсь въ большомъ количествѣ.

Отсюда Г. Радде отправился на обширное Торейское озеро, куда и успѣлъ прибыть къ осеннему перелету птицъ. По мнѣнію нашего натуралиста, мѣстность Торейскаго озера и прилежащихъ къ оному водъ, составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ линій, гдѣ птица, при своихъ миграціяхъ, весною и осенью опускается чаще другихъ пунктовъ. Здѣсь Г. Радде, кромѣ орнитоло-

гическихъ наблюдений, собралъ большую коллекцію растений на солонцеватой степной почвѣ. Послѣ осмотра степной природы, нашъ ученый успѣлъ посѣтить столь извѣстный Адонъ-Челонъ и окрестности прибрежья р. Онона.

Изъ множества видовъ птицъ, бывшихъ на выставкѣ, въ особенности мы должны упомянуть о семействѣ журавлей, изъ коихъ замѣчательны: *Grus antigone*, *Grus leucogeranos*, *Grus virgo*, *Grus chrysaëtos* и одна неизвѣстная порода, совершенно новая для русской фауны. Изъ хищныхъ птицъ найдены въ предѣлахъ Дауріи: *Aquila imperialis*, *Aquila fulva*, *Aquila chrysaëtos* и *clanga*, большая бѣлая сова *Strix pustea* и различные виды *Falco*. Изъ мелкихъ птицъ 9 видовъ *Emberiza*, изъ нихъ самыя интересныя, это *Emberiza chrysorhynchus* и *Plectrophanes lapponica*. Какъ могъ быть найденъ здѣсь послѣдній видъ въ лѣтнее время подъ 50° сѣверной широты? Изъ жаворонковъ мы замѣтили нѣсколько видовъ и между прочимъ *Alauda mongolica*. Изъ дроздовъ чрезвычайно рѣдкій видъ *Ogeocinccla varia*; оно только было найдена Гмелиномъ около Красноярска и его то Палласъ описалъ въ своей Зоографіи. Извѣстно, что въ Европѣ дроздовъ этого вида находится только нѣсколько экземпляровъ. Кроме этой породы дроздовъ здѣсь находились *Turdus ruficollis* и *Turdus pallidus*. Изъ пѣвчихъ птицъ нѣсколько видовъ *Sylvia*, изъ нихъ какъ особенную рѣдкость намъ показали *Sylvia cyaneus*, *Sylvia calliope*, *cyaneus*, *coerulecula*, *accentor montanellus* и нѣсколько видовъ изъ семейства *Locustella*.

Семейство млекопитающихъ заключало въ себѣ также богатое и разнообразное собраніе отлично приготовленныхъ экземпляровъ. Изъ нихъ въ особенности заняли насъ *Equus hemionus* и *Antelope gutturosa*. Достоинно замѣчанія, что въ бытность Палласа въ 1772 г. въ Дауріи, онъ встрѣтилъ въ горахъ Адонъ-Челонскихъ во множествѣ *Aegoceros Argali*, Г. Раде уже не нашелъ горнаго барана въ тѣхъ предѣлахъ и ему передали, что рѣдкое животное это удалось въ 1831 году на юго-востокъ въ горы Соктуя и Жиръ, гдѣ все они погибли въ слѣдующую за тѣмъ весьма холодную зиму; въ упомянутыхъ горахъ звѣровщики очень часто находятъ цѣлыя костяки скелетовъ каменнаго барана. Изъ хищныхъ звѣрей особенно достойны вниманія каменный корсакъ—*Canis kogsac*, красный волкъ, чрезвычайная рѣдкость и Г. Раде прибрѣлъ его шкуру, но самое животное онъ не встрѣтилъ; колонокъ—*Mustella sibirica* и изъ этого же семейства одинъ, можетъ быть новый видъ, въ половину менѣе хорька. Изъ семейства грызуновъ мы видѣли большую коллекцію болѣе 200 экземпляровъ различныхъ породъ;

изъ нихъ преимущественно интересны изъ семейства *Argicola*, *Aspila* и *Cricetus*.

Разсматривая вообще естественно-историческую коллекцію Г. Раде, прежде всего должно отдать полную справедливость ученому натуралисту за неутомимую дѣятельность при совершении его экскурсій на такомъ значительномъ пространствѣ. Въ предѣлахъ Восточной Сибири, въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія было нѣсколько естествоиспытателей; но исключая Гг. Миддендорфа, Шренка, Максимовича и Маака, никто не можетъ сравниться съ Г. Раде относительно сбора разнообразныхъ коллекцій, прибрѣтенныхъ въ такомъ изумительномъ количествѣ. Труды этого почтеннаго и опытнаго ученаго, особенно выставляются на видъ при разсматриваніи его замѣчательныхъ зоологической и ботанической картъ, на коихъ можно видѣть границы географическаго распространенія животныхъ и растений Нерчинской Дауріи. При воззрѣніяхъ своихъ на флору и фауну того края, Г. Раде обращалъ особенное вниманіе на сочиненіе знаменитаго Палласа, описывавшаго ту же мѣстность въ 1772 году. Выводы, сдѣланные по аналогіи настоящаго положенія Нерчинской Дауріи съ прежде найденнымъ Палласомъ за 85 лѣтъ, показали весьма любопытныя данныя, относительно измѣнчивости даурской природы въ смыслѣ естественно-историческомъ.

СЕЛЬСКІЙ,

Д. Чл. Общ.

Бельтиры.

Недавно попался мнѣ въ руки V томъ Энциклопедическаго Лексикона, издававшася Плюшаромъ (С.-Петербургъ, 1836 г.). Я случайно открылъ 258 страницу и остановился на статьѣ: Бельтиры. Вотъ что напечатано въ этой статьѣ:

«Бельтиры, Сибирскій народъ татарскаго племени, живущій въ Томской области по рѣкѣ Абакану. Онъ держится закона шаманскаго, говоритъ татарскимъ нарѣчіемъ и управляется съ Бирюсами однимъ общимъ башлыкомъ (старшиною). Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большія стада коровъ и овецъ, а иные пашутъ землю. Изъ молока они дѣлаютъ водку, что обыкновенно бываетъ осенью, когда скопится много молока, и въ это время рѣдкаго изъ нихъ, и то развѣ по утру, можно видѣть трезвымъ. Богатые

изъ Бельтировъ имѣютъ женъ по двѣ и болѣе, чего нѣтъ у прочихъ Енисейскихъ татаръ. Покойниковъ своихъ они не погребаютъ, а вѣшаютъ на деревьяхъ въ скрытыхъ мѣстахъ, въ лѣсу, положивъ тѣло, какъ надлежитъ въ гробъ. Однакоже они не охотно объ этомъ разсказываютъ, и нынѣ это обыкновеніе почти совсѣмъ вывелось. Число Бельтировъ весьма незначительно. Они платятъ якакъ русскому правительству, и для того ежегодно приходятъ въ крѣпость Кузнецкую (въ Томской области,) гдѣ судятъ и рѣшаютъ возникшія между нами спорныя дѣла».

Кто составилъ эту статью, подъ ней не обозначено и я первоначально полагаю, что она переведена изъ какой нибудь плохой французской географіи. Во Франціи такъ хорошо знаютъ нашу исторію и географію! Но на страницѣ IX I тома Энциклопедическаго Лексикона положительно сказано: «статьи о Сибири сообщены бывшимъ Енисейскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ А. П. Степановымъ и Ю. И. Джуліяни, долгое время служившимъ въ Сибири». Стало быть, эта статья принадлежитъ кому либо одному изъ вышепоименованныхъ лицъ.

Но дѣло въ томъ, что кому бы она не принадлежала, въ ней почти каждое слово грубѣйшіи промахъ, непростительный въ серьезной русской книгѣ, которая, по своему назначенію, должна служить справочною книгою для большей части русской публики, должна была занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ каждой русской библіотекѣ.

Предполагая разобрать статью Энциклопедическаго Лексикона, я въ опроверженіяхъ своихъ намѣренъ вмѣстѣ съ тѣмъ изложить по возможности подробныя свѣдѣнія объ незначительномъ и, какъ видно, не совершенно извѣстномъ племени Бельтировъ, которое едва ли даже заслуживаетъ громкаго названія народа.

Бельтиры, Бельтири или правильнѣе Белтеръ, по собственному ихъ преданію, изстари жили по рѣкамъ Юсу и Абакану (*). Теперь мы находимъ ихъ только на одномъ Абаканѣ и его притокахъ, и то не въ верхней его части, которая единственно протекаетъ по Томской Губерніи, а въ средней, которая течетъ уже въ Енисейской. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что съ Юса они отодвинуты были дадѣе на Югъ Качинскими татарами, которые, вытѣсняя Киргизовъ вмѣстѣ съ русскими казаками, заняли самыя лучшія мѣста по Бѣлому и Черному Юсамъ. Мѣстность, занимае-

(*) Статист. Обзоръіе Сибири. С. П. 1851 г. ч. II, стр. 38.

мая Бельтирами нынѣ, принадлежала къ Томской Области только съ 1782 по 1797 годъ, т. е. въ періодъ времени, когда существовала самая Томская Область (*). Въ 1822 г. образовалась новая Енисейская Губернія и мѣста кочевьевъ Бельтировъ отчислены къ южной ея части, именно къ Минусинскому Округу. Нечего и говорить, что во время составленія Энциклопедическаго Лексикона въ 1836 г. не было и помину о Томской Области. Впрочемъ, нѣсколько ниже, говоря о многоженствѣ Бельтировъ, авторъ статьи называетъ ихъ и самъ Енисейскими татарами. ✓

Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской Губерніи кочуетъ до 11 тысячъ душъ мужескаго пола инородцевъ, которые всѣ безъ различія называются татарами. Въ административномъ отношеніи они раздѣляются на три родоначалія: Кайбальское, Качинское и Сагайское или Соединенныхъ Разнородныхъ племень. Это послѣднее дѣлится въ свою очередь на 11 улусовъ, а именно: 1 и 2 Сагаи, 3 Кобуй, 4 Куй, 5 Бельтѣрь, 6 Чигинь или Карга, 7 Арха, 8 Саль, 9 Томь, 10 Кызыльгая и 11 Халарь. По официальнымъ актамъ всѣ эти улусы называются иначе, въ названіяхъ, передѣланныхъ по русски, такъ на примѣръ Кобуй-Кивинскій, Куй-Кійскій, Карга-Каргинскій, и т. д. Какъ-бы то ни было, Бельтиры составляютъ только одинъ улусъ инородцевъ вѣденія Сагайскаго родоначалія, а не какой нибудь народъ отдѣльный. По девятой народной переписи, ихъ считалось 1520 душъ мужескаго пола и 1473 женскаго.

Нѣкоторые лингвисты (***) полагаютъ, что племя Бельтировъ говоритъ особеннымъ татарскимъ нарѣчіемъ, которое и называютъ Бельтарскимъ (Аделунгъ), или Бельтинскимъ (Палмбладъ). Но это совершенно несправедливо: они говорятъ тѣмъ же самымъ нарѣчіемъ, какимъ говорятъ всѣ Сагайскіе татары. По этому, пожалуй, ихъ можно причислить и къ татарамъ; но нѣкоторые, (***) на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, считаютъ ихъ за Финновъ. Правда, что въ настоящее время у нихъ ни въ обликѣ, ни въ языкѣ, ни въ образѣ жизни нѣтъ ничего финскаго; но если собрать всѣ черты ихъ прошлой жизни, разсѣяныя у многихъ писателей, то въ нихъ можно найти нѣсколько и финскаго элемента, такъ что Бельтировъ можно, кажется, безошибочно назвать отатарѣвшимися Финнами. Но чисто татарами назвать ихъ не возможно.

(*) Статист. Обзорѣніе Сибири. С. П. 1810 г., стр. 285.

(**) Recherches sur les dialectes musulmans, par Beresine. Kazan. 1848.

(***) Ж. М. В. Дѣль, 1856 г, Іюнь, стр. 37.

Общаго облика, общей физиогноміи, у Бельтировъ нѣтъ: иногда встрѣтите совершенно русское лице, иногда монгольское и татарское. Разумѣется, это произошло отъ смѣшеній первоначальной расы съ иноземными племенами. Физиогноміей чисто финскихъ мнѣ видѣть не случилось.

Языкъ, которымъ говорятъ Бельтиры, какъ замѣчено выше, одинъ и тотъ же, какимъ говорятъ всѣ Сагайскіе татары. Отъ Качинскаго и Кайбальскаго нарѣчій онъ, сколько мнѣ извѣстно, отличается только особеннымъ пристрастіемъ къ буквѣ *дж*: Качинецъ и Кайбаль говорятъ *яхсы* (хорошо), а Сагаецъ и Бельтиръ *джахсы* и т. п.

Нѣкоторые изъ Бельтировъ живутъ совершенно осѣдло, другіе ведутъ жизнь кочевую. Осѣдлыхъ 25 домовъ, кочевыхъ 519 юртъ. Нѣкоторые дома едва чѣмъ уступаютъ домамъ русскихъ крестьянъ. Юрты такія же, какъ и у другихъ здѣшнихъ инородцевъ: ставится нѣсколько жердей, зарѣшетчивается и обтягивается вареною берестою. По срединѣ всегда горитъ огонь. Для зимы у богатыхъ есть зимнія деревянныя юрты.

Одежда у Бельтировъ такая же, какъ у прочихъ Сагайскихъ татаръ. Мужчины зимою носятъ шубы изъ овчинъ и козлиныхъ, крытыя иногда плисомъ, съ воротникомъ, опушеннымъ выдрой; остроконечныя шапки съ ушами, опушенныя рысьими лапами; овчинныя и козлиныя штаны и рукавицы. Обувь составляютъ сапоги изъ простой кожи съ остроконечными носками. Лѣтомъ шуба замѣняется кафтаномъ изъ сукна или халатомъ и т. п. Словомъ сказать, нѣтъ ничего особеннаго. О женской одеждѣ должно разумѣть тоже самое.

У нѣкоторыхъ, въ особенностяхъ богатыхъ Бельтировъ, есть дѣйствительно по двѣ жены, но такихъ очень не много. Если бракъ совершается съ воли родителей жениха и невесты, то онъ непременно освящается церковію (Бельтиры почти всѣ христіане) и сопровождается различными обрядами, свойственными всѣмъ здѣшнимъ инородцамъ, описывать которые здѣсь я считаю излишнимъ. Если женихъ похищаетъ невесту по степнымъ обычаямъ, то они остаются иногда не вѣнчанными въ продолженіи довольно значительнаго времени.

Рожденіе дѣтей у этихъ инородцевъ не сопровождается ничѣмъ особеннымъ. Даже и у христіанъ Бельтировъ каждый ребенокъ носить два имени: одно христіанское, другое языческое. Последнее иногда ровно ничего не означаетъ.

Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ сказано, что Бельтиры по-

койниковъ своихъ не погребаютъ, а вѣшаютъ на деревьяхъ въ скрытныхъ мѣстахъ въ лѣсу, положивъ тѣло, какъ надлежитъ, въ гробъ. Объ этомъ обыкновеніи упоминаетъ и Спасскій, (*) прибавляя, что иногда гробъ даже ставится на столбахъ. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ у Юраковъ туруханскаго края, чистыхъ финновъ, и такое обыкновеніе уже одно много говоритъ въ пользу финскаго происхожденія Бельтировъ. У Юраковъ для этого случая врывается въ землю четыре столба, оконечности которыхъ связываются перекладинами и зарѣшетчиваются. Тутъ разстигается кожа убитаго оленя и на ней кладется тѣло покойника со всеми любимыми его вещами. Но у Бельтировъ обрядъ погребенія, описанный въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ и у Спасскаго, давнымъ давно, какъ мнѣ извѣстно, не существуетъ и въ 1836 году не существовалъ. Объ этомъ можно справиться хоть у Пестова (**). «Въ прежнія времена, говоритъ онъ, они похороняли своихъ умершихъ, подвѣшивая ихъ въ гробахъ на высокихъ деревьяхъ-кедрахъ, лиственницахъ и прочихъ, но въ мѣстахъ сокровенныхъ. Нынѣ умершихъ погребаютъ по обыкновенію въ могилы и украшаютъ оныя надъ поверхностію земли большими камнями, а нѣкоторые съ украшеніемъ разными высѣчками того, до чего покойный былъ болѣе охотникъ.» ✓

Выше сказано, что почти всѣ Бельтиры христіане. Объ этомъ также можно справиться у Пестова (**). «Большею частію они крещены въ христіанскій законъ, имѣютъ имена святыхъ угодниковъ, а болѣе Николая, Петра, Павла, Василья, Прокопья и прочихъ, а женскій полъ Марьи, Катерины, Анны, Александры и проч. Въ кибиткахъ ихъ, состоящихъ изъ жердей, берестою обтянутыхъ, у многихъ есть образа, на деревянныхъ доскахъ написанные (у здѣшнихъ инородцевъ, болшею частію, въ юртахъ образа мѣдные), Святаго Николая и Богородицы Казанскія, предъ коими теплятся восковыя свѣчи, которыя закигаютъ однакоже тогда, когда священникъ къ нимъ пріѣзжаетъ для выполненія какой-либо духовной требы.» У Бельтировъ не-христіанъ бываютъ повѣшены передъ юртами разныя звѣриныя шкуры и лоскутья, которыя, какъ полагаетъ Г. Спасскій, (***) едва-ли содер-

(*) Сибирскій Вѣстникъ 1818 г.

(**) Записки объ Енис. губ. Москва 1833 г.

(***) Записки объ Енис. губ. Москва 1833 г. стр. 83.

(****) Сибир. Вѣст. 1819 г. стр. 5.

жатъ они не вмѣсто бурхановъ. Впрочемъ, все ихъ языческіе обряды относительно богопочитанія нисколько не отличаются отъ татарскихъ. Но сказать, какъ сказано въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, что Бельтиры все держатся шаманскаго закона, не возможно.

Кромѣ рѣки Абакана, Бельтирскія кочевья разсѣяны по рѣчкамъ: Арбаты, близъ Арбатской казачей станицы; Монукъ, близъ деревни того же названія; Сосѣ, на ключѣ Безымянномъ; при устьѣ рѣчки Табата; по рѣчкамъ: Кандырла, Еси, Теѣ, Аскыса, Таштына, Чигыка, Чилана и Бытрахтахъ. Около всехъ этихъ рѣчекъ мѣста довольно хороши и многія способны къ хлѣбопашеству. По этому, Бельтиры считались всегда хорошими пахарями. Спасскій говоритъ, что въ его время нѣкоторые изъ нихъ засѣвали отъ 10 до 15 десятинъ земли. По официальнымъ свѣдѣніямъ, теперь въ Бельтирскомъ улусѣ засѣвается озимоваго хлѣба 236 десятинъ, яроваго же 248. Свѣдѣніе это далеко невѣрно: Бельтиры засѣваютъ гораздо больше земли, но боятся сказать про это, вслѣдствіе внушеній, распространяемыхъ иногда неблагонамѣренными людьми, что если они будутъ заниматься хлѣбопашествомъ, то переименуются въ крестьяне, и тогда съ нихъ будетъ требоваться рекрутская повинность, которой они наиболѣе боятся. Я не знаю примѣра, чтобы кто нибудь изъ инородцевъ Бельтирскаго улуса нанялся въ рекруты за крестьянина,—явленіе очень обыкновенное между другими здѣшними инородцами. Бѣдные, въ случаѣ недостатка хлѣба, питаются кореньями кандыка (бессъ) и луковицами сараны (ак-шепъ), добывая ихъ въ Маѣ и Іюнѣ мѣсяцахъ. По этому Май мѣсяць и называется у Бельтировъ *бессъ-ай*, т. е. мѣсяць кандыка, а Іюнь *ак-шепъ-ай*, т. е. бѣлосаранный мѣсяць.

Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ сказано, что нѣкоторые изъ Бельтировъ имѣютъ большія стада коровъ и овецъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, которыя также едва-ли вѣрны, теперь у всехъ Бельтировъ считается 1015 лошадей, 890 головъ крупнаго рогатаго скота и 1687 мелкаго. Звѣроловствомъ и рыболовствомъ они занимаются весьма мало.

Бельтиры весьма трудолюбивы и честны—опять черты, свойственныя финскимъ племенамъ. Воровства у нихъ совершенно нѣтъ, между тѣмъ, какъ по сосѣдству оно распространено до крайности. Къ горячимъ напиткамъ они привержены нисколько не болѣе другихъ инородцевъ. Во все продолженіе дѣта они изъ коровьяго молока гонятъ айранъ и пьютъ его въ большомъ количествѣ. Въ это время, дѣйствительно, какъ сказано въ Лекси-

конѣ, рѣдкаго изъ нихъ, и то развѣ по утру, можно видѣть трезвымъ. Айранъ дѣлается такъ: когда молоко скиснется, то сметана съ него снимается, а простокваша сливается въ особую кадъ, гдѣ она въ теченіи нѣкотораго времени получаетъ броженіе. По перегонкѣ черезъ кубъ, эта жидкость получаетъ значительную спиртуозность и весьма непріятный запахъ.

Бельтиры обложены ясакомъ, но, занимаясь звѣроловствомъ весьма мало, уплачиваютъ его большею частію деньгами. Въ Кузнецкѣ для этой надобности они и не думаютъ выходить, а сдаютъ ясакъ или деньги своему старшинѣ или башлыку, который и представляетъ ихъ въ Сагайскую Степную Думу.—У Бирюсовъ, входящихъ въ составъ Качинскаго родоначалія, башлыкъ особый.

Какъ всѣ кочевые инородцы, Бельтиры въ спорныхъ дѣлахъ между собою разбираются, на основаніи существующихъ узаконеній, по своимъ степнымъ обычаямъ.

КНЯЗЬ КОСТРОВЪ,

Чл.-Сотр. Отдѣла.

Землетрясеніе въ г. Иркутскѣ.

Декабря 15 (27) числа, 1856 года, въ 3 часа 49 минутъ по полудни, въ г. Иркутскѣ было землетрясеніе, которое принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ этого рода явленіямъ. Я былъ въ своей комнатѣ; вдругъ послышался шумъ, какъ-бы отъ тяжелаго экипажа, проѣхавшаго по каменной мостовой. Въ первыя двѣ секунды не лзя было сообразить, чтобы это значило, такъ смутила меня внезапность шума, но потомъ я понялъ, что это землетрясеніе и могъ весьма точно слѣдить за остальной частью явленія. Послѣ весьма значительнаго шума, воздухъ въ комнатѣ дрожалъ, какъ въ близи большаго звѣнящаго колокола. Все явленіе продолжалось отъ 6 до 10 секундъ, но не какъ не болѣе. Другихъ явленій, сопровождающихъ обыкновенно землетрясенія, какъ то: подземнаго гула или шума, бряцанія посуды въ комнатахъ и проч. и проч. я во все не замѣтилъ. Люди, которые въ это время полоскали бѣлье на Ангарѣ, рассказываютъ, что береговой ледъ обвалился отъ сотрясенія. Барометръ и термометръ не показывали ничего необыкновеннаго: температура воздуха была—3,° 5 P.; ба-

рометръ стоялъ на 283, 5 англійскихъ линіяхъ при + 12,0 Р. температуры ртути.

Послѣ 15 числа я получилъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія объ этомъ интересномъ землетрясеніи. Самыя важныя слѣдующія: Декабря 14, 15, 16 и 17 числа чувствовали на оз. Байкалѣ у паракходной пристани безпрерывныя удары, изъ которыхъ пять были весьма сильныя; въ Иркутскомъ Соловаренномъ заводѣ напротивъ, землетрясеніе было весьма слабо. Въ Селенгинскѣ оно сопровождалось необыкновенно сильными ударами, такъ что жители города видѣли себя долгое время въ большой опасности. Г. Кельбергъ увѣдомилъ меня, что 11 Декабря въ 6 ч. 10 м. утра былъ одинъ ударъ; 14 ровно въ 4 часа утра также одинъ и 15 Декабря въ 3 часа 10 минутъ послѣ полудни два удара. Послѣдній замѣчательнъ большимъ шумомъ, смѣшаннымъ съ трескомъ и сильнымъ волнообразнымъ движеніемъ поверхности земли, продолжавшейся около четырехъ секундъ. Направленіе удара отъ Сѣвера къ Югу; это явленіе Г. Кельбергъ выводитъ изъ того, что всѣ три отвѣса, которые служатъ ему для наблюденій надъ землетрясеніями, сдѣлали въ песокѣ извилистую линію отъ Сѣвера къ Югу и что лампы передъ иконами качались по тому же направленію; но по устройству отвѣсовъ Г. Кельберга можно сдѣлать заключеніе о томъ, было ли землетресеніе или нѣтъ, но никогда о направленіи удара. Послѣдній ударъ 15 Декабря замѣченъ также въ Верхнеудинскѣ и Кяхтѣ.—Въ Читѣ вовсе не чувствовали землетрясенія.

По этимъ свѣдѣніямъ можно предположить, что тѣ мѣста, въ которыхъ были сильнѣйшія потрясенія поверхности земли, лежатъ на линіи, имѣющей, приблизительно, направленіе отъ З. Ю. З. на В. С. В.; но изъ столь незначительнаго числа данныхъ нельзя вывести положительнаго результата относительно распространенія землетрясенія и направленія линіи сильнѣйшихъ ударовъ. Для этаго необходимо имѣть какъ можно болѣе свѣдѣній объ этомъ явленіи съ разныхъ пунктовъ, не только въ близи Байкала лежащихъ, но съ отдаленныхъ мѣстъ, какъ на примѣръ изъ Туинки, Нижнеудинска, Красноярска, Минусинска и Барнаула. Изъ пунктовъ въ близи Байкала для послѣдняго землетрясенія важны Туинка, Култукъ и Баргузинскъ. Не лзя ли будетъ обратиться къ священникамъ при церквахъ этихъ мѣстъ съ просьбою доставить въ Отдѣлъ, имѣющіяся въ ихъ церковныхъ лѣтописяхъ отмѣтки землетрясеній въ настоящемъ столѣтіи. Эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ та-

ковыми же изъ другихъ мѣстъ, послужили бы къ рѣшенію одного важнаго вопроса.

На Азіатскомъ материкѣ принимаются три главныхъ направле- ній землетрясеній: первое идетъ отъ устья Урала до Иркутска, на этой линіи удары не бываютъ разрушительны; среднее отъ Араль- скаго озера на Востокъ чрезъ Китай, удары по этой линіи часто сопровождаются страшнѣйшими опустошеніями; третье идетъ также почти отъ Запада на Востокъ чрезъ земли, прилегающія къ Гималайскому хребту. Относятся ли землетрясенія, которыя бы- ваютъ такъ часто въ Верхнеудинскомъ округѣ, Забайкальской об- ласти, къ одной изъ первыхъ двухъ линій, или существуетъ къ Сѣверу отъ Яблоннаго хребта самостоятельная страна землетря- сеній, это весьма трудно рѣшить. Но что землетрясенія составля- ютъ весьма обыкновенное явленіе въ Селенгинскѣ, это доказы- вается спискомъ землетрясеній за 10 лѣтъ, представленнымъ Г. Членомъ-Сотрудникомъ Кельбергомъ. Я помѣщу здѣсь самую краткую выписку изъ свѣдѣній Г. Кельберга. Замѣчательныя зем- летрясенія были:

Въ 1847 году	11 Августа	въ 4 часа	0. минутъ	по полуночи.
» 1848	» 10 Іюня	» 6	» 16	»
»	» 26 Ноября	» 11	» 2	» по полудни.
» 1849	» 5 Февраля	» 4	» 0	» по полуночи.
» 1850	» 12 Іюля	» 9	» 44	» по полудни.
»	» 10 Августа	» 11	» 53	»
» 1851	» 8 Генваря	» 2	» 0	» по полуночи.
»	» 9 Іюля	» 5	» 8	» по полудни.
» 1852	» 26 Апрѣля	» 10	» 34	»
» 1853	» 20 Апрѣля	» 8	» 6	»
» 1854	» 2 Іюня	» 0	» 35	»
» 1855	» 18 Февраля	» 2	» 30	» по полуночи.
»	» 6 Декабря	» 2	» 0	»
» 1856	» 31 Марта	» 4	» 32	»
»	» 11 Мая	» 12	» 45	»
»	» 9 Іюня	» 12	» 45	» по полудни.
»	» 12 Іюня	» 10	» 0	»
»	» 24 Ноября	» 11	» 5	»
»	» 11 Декабря	» 6	» 10	» по полуночи.
»	» 14 Декабря	» 4	» 0	»
»	» 15 Декабря	» 4	» 10	» по полудни.

Изъ этого списка слѣдуетъ, что въ 10 лѣтъ въ Селенгинскѣ было 21 землетрясеніе, что составляетъ среднимъ числомъ по два зем-

летрясенія въ годъ; это чрезвычайно много. Изъ восьми ударовъ 1856 года, замѣченныхъ въ Селенгинскѣ, только два были также и въ Иркутскѣ: первый 31 Марта въ 4 часа 30 минутъ по полуночи—это былъ одинъ краткій ударъ, можетъ быть въ $\frac{1}{10}$ часть секунды—и второй 15 Декабря. Въ 1855 году, сколько мнѣ известно, вовсе не было землетрясеній. Можетъ быть въ Иркутскѣ не обращаютъ особеннаго вниманія на это явленіе и по этому многіе удары остались незамѣченными, но, во всякомъ случаѣ, землетрясенія въ Иркутскѣ бывають гораздо рѣже, нежели въ Селенгинскѣ, изъ чего и слѣдуетъ заключить, что Иркутскъ лежитъ въ сторонѣ отъ линіи сильнѣйшихъ ударовъ. Какое направленіе имѣетъ эта линія, объ этомъ не лзя сдѣлать выводовъ только изъ однихъ наблюденій въ Селенгинскѣ, и собранные Г. Кельбергомъ матеріалы останутся можетъ быть на всегда только сухимъ спискомъ явленій. Но въ связи съ наблюденіями однородныхъ явленій въ другихъ мѣстахъ, наблюденія Г. Кельберга могли бы принести величайшую пользу наукѣ и послужили бы намъ къ точнѣйшему изученію нашей страны.

ШВАРЦЪ.

Д. Чл. Общ.

Путевой журналъ купца Михаила Барамыгина, во время поѣздки изъ Нижнеколымска въ Аноійскую вѣрность въ 1855 году.

Къ 4 Марту мною приготовлено было все нужное для мѣновой торговли съ Чукчами на Аноійской ярмаркѣ. Караванъ нашъ состоялъ изъ сорока верховыхъ лошадей, которыя съ транспортомъ товаровъ и отправлены были въ предлежащій путь; къ нимъ даны еще пять лошадей, на которыхъ навьючены были собственно съѣстные припасы, потребные для каравана.

Кромѣ сего 5 Марта я долженъ былъ нанять пять ямщиковъ собачниковъ, долженствующихъ ѣхать со мною обратно съ Аноійской ярмарки по направленію мѣсть, населенныхъ Чукчами.

6 Марта ямщики съ своими собаками были также готовы, собаки выбраны самыя дюжія и ѣзжалыя. Каждый ямщикъ взялъ одну нарту и къ ней двѣнадцать собакъ; въ нартѣ должно помѣстить два человѣка и съѣстныхъ припасовъ до пятнадцати пудовъ. По случаю отдаленнаго разстоянія, слѣдуя собачьимъ кош-

томъ, потребно собственно для собакъ взять рыбный кормъ въ значительномъ количествѣ. Въ дорогѣ на каждую собаку въ сутки полагается до 6 фунтовъ, а на 12 — 1 пудъ 32 фунта.

7 Марта окончательно все было готово къ отъѣзду и 8 числа все торгующіе на ярмаркѣ отправились изъ Нижнеколымска въ подлежащій путь. Караванъ направился по р. Малому Анюю и сдѣлавъ 60 верстъ остановился въ урочищѣ Веселой.

9 Марта мы достигли до урочища Вѣтарнаго и, слѣдуя отъ сего послѣдняго, настигли нашъ транспортъ съ товарами, отправленный 4 числа на лошадяхъ. По случаю выпавшихъ снѣговъ лошади пришли въ совершенное безсиліе и не могли далѣе слѣдовать, по этому бѣдствію караванъ ожидалъ распоряженія хозяевъ. Слѣдовать далѣе и думать было нельзя, лошади неминуемо все могли погибнуть отъ не имѣнія подножнаго корма, занесеннаго снѣгами. По этому мы вынуждены были оставить наши транспорты съ товарами въ совершенно пустынномъ мѣстѣ, а лошадей обратно отправить въ Нижнеколымскъ. Оставленную тяжесть при крайности мы предположили вывозить собаками, обрашаемыми изъ Анюйской крѣпости. Пустились въ путь далѣе и проѣхавъ 90 верстъ до Плотбища расположились на ночлегъ.

10 Марта мы сдѣлали 80 верстъ и наконецъ достигли Анюйской крѣпости; но Чукчей еще тамъ не было.

11 Числа наняли нарты съ собаками для вывоза оставленныхъ на пути за 120 верстъ отсюда товаровъ.

12 числа въ два часа по полудни пріѣхалъ чукотскій тоень Амраургинъ съ десятью чаунскими Чукчами. При первомъ свиданіи онъ извинялся въ томъ, что къ назначенному сроку, то есть къ 1 Марту, они не могли выѣхать въ Анюйскую крѣпость за худымъ и чрезвычайно труднымъ путемъ, по случаю выпавшихъ глубокихъ снѣговъ. При томъ бураны были такъ суровы, что они принуждены были въ дорогѣ нѣсколько разъ останавливаться. Между разговорами я спросилъ Амраургина, можно ли намъ Русскимъ посѣтить ихъ лагерь въ то время, когда Чукчи по ихъ обыкновению будутъ совершать свой обрядъ жертвоприношенія. Амраургинъ охотно на это согласился и указалъ мѣсто гдѣ они остановятся, а самъ въ то же время съ своими товарищами отправился на выбранный ими пунктъ, въ 2 верстахъ отъ Анюйской крѣпости на берегу р. Анюя. Они расположились на становищѣ полуругомъ, образовавшимся изъ нарты, на которыхъ лежали ихъ товары. Огромное стадо оленей окружало таборъ Чукчей. Здѣсь же находились ихъ жены и дочери, разводътыя въ свои лучшія

платья, украшенные всевозможными узорами. Прежде всего женщины начали обчищать желѣзными лопатками довольно глубокой снѣгъ, работы было не мало, однакожь онѣ кончили ее часа въ два, очистивъ снѣгъ до самой земли. За симъ онѣ поставили около этого полукруга шести и жерди, покрыли ихъ кожаными ровдугами, что и составило огромную юрту, въ которой сдѣлана была особая ровдужная же дверь, а въ срединѣ юрты сдѣлали очагъ и укрѣпили трубу для прохода дыма. Въ этой юртѣ по бокамъ устроили Чукчи два полога, составленные изъ двадцати оленьихъ шкуръ. Когда походное жилище ихъ было устроено, Амраургинъ пригласилъ насъ къ себѣ въ пологъ, пространство его могло вмѣстить восемь человекъ, полъ устланъ былъ оленьими шкурами; вообще помѣщеніе это казалось довольно опрятнымъ и пологъ освѣщался глинянымъ ночникомъ, въ которомъ горѣлъ китовый жиръ. Передъ нами поставили низменный столикъ и подали три жестяныя тарелки съ оленьимъ сухимъ мясомъ и копчеными языками. Послѣдніе особенно чрезвычайно вкусны и нѣжны, будучи очень жирны, они таютъ во рту какъ масло. Потомъ насъ угощали хорошимъ чаемъ, у нихъ есть и чайный приборъ—это большой шагъ въ начальномъ просвѣщеніи дикарей. Въ то время, какъ мы завтракали, женщины приготовляли кашу, составленную изъ оленьей крови, жиру, мозгу и какихъ-то кореньевъ. Амраургинъ попросилъ насъ выдти изъ полога, куда вынесли кашу и поставили на разведенный на дворѣ огонь. Когда поспѣла эта смѣсь, хозяйка, взявъ ложку, почерпнула каши и расбросала на четыре стороны, потомъ положивъ въ чашку, опустила въ оную три серебряныя ложки и хозяинъ просилъ насъ кушать. Отказаться отъ приглашенія было не лзя; на вкусъ каша эта была очень прѣсна и жирна, многіе изъ моихъ товарищей отказались отъ нее, потому что безъ хлѣба въ самомъ дѣлѣ пища эта была противна. За угощеніемъ послѣдовали приготовленія къ ихъ жертвоприношенію. Изъ оленьяго стада поймали одного и подвели къ дому хозяина. За симъ хозяйка вынула изъ нарты копые, подошла къ оленю и, не много помедливъ, заколола его; олень, умирающій отъ раны, пошатавшись немного, скоро упалъ головою въ ту сторону, съ которой они пріѣхали. Тогда хозяинъ вскричалъ: «мечивьки» что значитъ хорошо и когда за нимъ мы повторили это слово, на лице Амраургина изображена была радость. По знаку, данному хозяиномъ, жена его подошла къ убитому оленю и вынимая горстью запекшуюся кровь изъ раны животнаго, также бросала вокругъ себя. Въ такомъ порядкѣ было заколото пять

олений и одна собака и всѣ эти жертвы падали мѣченьки (хорошо, то есть такъ, какъ видно хотѣлось хозяину). Когда мы спросили о назначеніи видѣннаго предъ нами, Амраургинъ объяснилъ намъ, что каша и кровь заколотыхъ оленей и собакъ разбрасывается какъ угощеніе духу тѣхъ мѣсть, гдѣ они остановились и если заколотое животное упадетъ не головою къ мѣсту постоянного житія Чукчей, то это предвѣщаетъ смерть и вообще неблагополучіе и многіе, смотря по видимымъ знакамъ, оставляютъ свои предпріятія и не ѣдутъ куда располагали. Обыкновенія эти очень древни, онѣ существуютъ какъ у Чукчей чаунскихъ, такъ и у носовыхъ.

13, 14 и 15 чиселъ шли переговоры и самая мѣновая торговля съ Чукчами.

16 Марта я пригласилъ много чукотскихъ тоёновъ и родовичей и передалъ имъ мое желаніе о проѣздѣ въ ихъ землю для торговыхъ сношеній. На это сказалъ Амраургинъ, что онъ самъ поѣдетъ со мною до той черты, ^{куда} куда распространяется власть его, но при этомъ всѣ единогласно подтвердили, что въ настоящее время проѣздъ не возможенъ, потому что повсюду глубина снѣга восходитъ до полубока оленя и что по этому случаю и сухости оленей они сами будутъ дѣлать въ день не болѣе десяти верстъ, равно и путь на собакахъ также не возможенъ, ибо онѣ въ снѣгу завязнутъ и что всего лучше подождать инаго благоприятнаго времени.

Въ заключеніе я долгомъ почитаю упомянуть здѣсь объ одной чрезвычайно благоприятной поѣздкѣ въ Анюйскую крѣпость. Это было въ 1851 году. Разстояніе отъ Невнеколымска до крѣпости 250 верстъ я сдѣлалъ въ теченіи одного дня, считая время съ ранняго утра до поздней ночи. Въ теченіи этой же поѣздки, я долженъ сказать, что дважды пилъ чай и обѣдалъ. Въ то время путь этотъ былъ совершенъ на собакахъ, свидѣтелями моей необыкновенной поѣздки были многіе и ни прежде сего, ни послѣ, я никогда не ѣздилъ такъ быстро. Въ упоминаемый мною годъ, я отправился на нартѣ въ половинѣ Марта на тринадцати собакахъ, равныхъ которымъ по выѣздкѣ и силѣ не было во всемъ Колымскомъ краѣ. Собаками управлялъ первый же собачій наѣздникъ, отставной казакъ Котельниковъ. При возвращеніи моемъ съ армарки, лишь только вынесена была собачья упряжь (алаки), то собаки, почуя ѣзду, лаяли и выли не милосердно и когда ихъ запрягли въ нарту, то онѣ отъ радости, чувствуя, что возвращаются домой, визжали и поднимались на дыбы. Когда я тро-

нулся, въ это время, чтобъ не разнесли собаки, на партѣ сидѣли шесть человекъ постороннихъ, они должны были оштовать (запруживать) парту для предосторожности, чтобы собаки не сбросили съ парты меня и каюра и это продолжалось далѣе версты; за симъ они соскочили проворно съ саней, пожелавъ мнѣ добраго пути и я вихремъ помчался по пустынному, дикому пространству.

Это событіе могутъ подтвердить всѣ тѣ ѣздоки, которые выѣхали за сутки и болѣе ранѣе меня изъ Островной крѣпости и которыхъ я обогналъ въ пути по направленію къ Нижнеколымску.

Сообщено СВЕРБЕЕВЫМЪ,

Д. Чл. Общ.

Историческій матеріалъ о сношеніяхъ Европейцевъ съ Японіею.

При обзорѣннн старыхъ дѣлъ Иркутскаго архива, я нашелъ интересныя свѣдѣнія о посѣщеніи Японіи въ 1818 году англійскимъ бригомъ Бротерей, состоявшимъ подъ командою Петра Гордона. Капитанъ этотъ отъ береговъ Японіи слѣдуя на сѣверъ былъ въ Охотскѣ, гдѣ по просьбѣ Управлявшаго Охотскимъ портомъ Лейтенанта князя Шаховскаго передалъ ему записку своего плаванія изъ Калькуты.

Сообщаю здѣсь копію съ письма Гордона къ князю Шаховскому:

«Его Сіятельству князю Шаховскому.

Англійскій бригъ Бротерей

Портъ Охотскій 7 (19) Іюля 1818 года.

«Милостивый Государь,

«По желанію Вашего Сіятельства, имѣю удовольствіе при семъ сообщить Вамъ нѣкоторыя подробности нашего путешествія изъ Бенгалъ до здѣшняго мѣста, а наиболѣе о томъ, что съ нами происходило въ Японіи».

«Должно однакожъ извѣстить васъ, что сіе донесеніе дѣлается мною не Начальству Русскому, но именно Вашему Сіятельству, въ смыслѣ партикулярнаго человека, отъ котораго мы столь много получили одолженій, что удовлетвореніе всѣхъ желаній вашихъ сдѣлалось не только удовольствіемъ, но и должностію

нашею. Предметомъ здѣсь описываемыхъ путешествій нашихъ, была собственная наша выгода, и слѣдовательно само Англійское Правительство не имѣетъ права у насъ требовать никакой подробности, относительно приключеній, въ семъ пути бывшихъ. Есть ли я не исполняю установленій законныхъ, или есть ли дѣлаю что либо худое, тогда только и долженъ быть за мои дѣйствія по закону наказанъ.»

«Но надѣюсь, что сіе изъясненіе не воспрепятствуетъ Вашему Сіятельству продолжать дѣлать мнѣ, какіе вамъ угодно вопросы, ибо могу увѣрить, что я имѣю особенное удовольствіе исполнять все то, что вамъ желательно. Притомъ въ путешествіи нашемъ ничего таковаго не находится, что желалъ бы я скрыть отъ васъ; но напротивъ буду даже весьма радоваться, ежели и цѣлый свѣтъ станетъ разсматривать причины, которыя были поводомъ къ начатію онаго, равномерно какъ дѣйствія и правила наши, соблюдаемыя въ продолженіи сего времени до нынѣшняго дня и которымъ до конца надѣемся постоянно слѣдовать.»

«Отправившись изъ Бенгалъ (*) 16 (28) Марта прибыли мы въ слѣдующемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 7 (19) числа на рейдъ Малакскій, гдѣ сложили часть нашего груза и получили отъ одного нашего пріятеля ящикъ книгъ, въ которомъ находились новые завѣты и другія книги относительно христіанской нравственности, писанныя на китайскомъ языкѣ. Мнѣ поручено было книги сіи отослать въ Иркутскъ къ миссіонеру, который тамъ съ недавняго времени находится, по соизволенію Его Императорскаго Величества. Въ то же время я получилъ и другой ящикъ съ такими же книгами, чтобы раздать оныя книги при случаяхъ, какіе мнѣ представятся могутъ.»

«5 числа Мая мѣсяца я съѣхалъ съ судна на островъ Кондоръ (близъ Сіамскаго залива), заселенный малымъ числомъ бѣдныхъ подданныхъ королевства Камбодія (или Камбоія) и оставилъ тамъ нѣсколько изъ вышеупомянутыхъ священныхъ книгъ.»

«14 (26) числа того же Мая мѣсяца я подошелъ къ острову Ботоль-Тобага, ибо мнѣ хотѣлось узнать подробнѣе о тамошнихъ жителяхъ, Европейцамъ неизвѣстныхъ. Множество лодокъ къ намъ тотчасъ приблизилось, въ которыхъ до ста человѣкъ, вооруженныхъ кинжалами людей находилось. Я взялъ также предосторожность имѣть на палубѣ свое оружіе и быть готовымъ отразить нападеніе. Однакожъ въ то же время для любопытства

(*) Т. е. изъ Калькуты, главнаго города Бенгалъ.

«желалъ, чтобы одинъ изъ дикихъ взошелъ на судно, что и испол-
 «нилъ одинъ изъ отважнѣйшихъ, но такъ какъ и все прочіе ему
 «послѣдовали вскорѣ и всходили также на судно, то мы принуж-
 «дены были наконецъ (для своей безопасности) бросать ихъ съ
 «судна въ море, однакожь безъ малѣйшаго для нихъ вреда (ибо
 «все дикіе островные жители отмѣнно хорошо плаваютъ). Усѣв-
 «шись на свои лодки, они опять приблизились къ судну (*), не
 «обращая вниманія на дѣлаемые нами оружіемъ угрозы, такъ
 «что мы будучи окружены ими вторично, и видя ихъ готовящих-
 «ся войти уже на судно, по самой необходимости принужден-
 «ными нашлись выпалить изъ иistolета, отъ чего они къ вели-
 «чайшему нашему удовольствію оставили насъ и возвратились на
 «берегъ.»

« 15 (27) Іюня мы прибыли ко входу въ заливъ Едо (на островѣ
 «Нипонѣ между 35 и 36 сѣв. широты), названному такъ по Япон-
 «ской столицѣ сего имени, чтобы испросить у Японскаго Прави-
 «тельства позволеніе имѣть намъ съ симъ государствомъ будущимъ
 «дѣломъ коммерцію.»

«Мы остановились въ ночи на якорь близъ одного городка, и
 «утромъ имѣли уже посѣщеніе отъ многихъ особъ, между кото-
 «рыми находились чиновники Правительства, которымъ я сказалъ,
 «что имѣю намѣреніе идти къ столичному ихъ городу, и вмѣстѣ
 «съ тѣмъ отдалъ имъ бумаги, относящіяся до названія судна и
 «проч. Того же дни мнѣ сдѣланъ былъ вопросъ, не буду ли я въ
 «неудовольствіи, есть ли снимутъ съ судна моего все оружейныя
 «вещи и судовой руль. Я вмѣсто отвѣта въ ту же минуту выпол-
 «нилъ ихъ требованіе и спустилъ все сіи вещи на ихъ шлюбки.
 «Тогда Японцы стали у меня просить судовыхъ парусовъ и все-
 «го вооруженія. Я имъ на сіе отвѣчалъ, что не могу и подумать
 «объ исполненіи сего ихъ желанія по причинѣ потери времени,
 «которая неминуемо чресъ сіе послѣдовать можетъ.»

«Каждая вещь на суднѣ была разсматриваема Японцами, какъ
 «будто достойная особеннаго любопытства. Многіе живописцы
 «дѣлали рисунки судну, якорямъ, баранамъ, свиньямъ, помпамъ,
 «однимъ словомъ, почти каждую малость бывшую на суднѣ сри-
 «совывали и все сіе дѣлалось при томъ съ величайшимъ почте-
 «ніемъ и учтивостію.»

«Во все время стоянія нашего на якорѣ насъ окружали пра-

(*) Хотя ходъ судна въ то время былъ около 4 узловъ или что все тоже
 7 верстъ въ часъ.

«вильнымъ кругомъ 20 небольшихъ лодокъ, подалѣе того еще
«60 шлюпокъ дѣлали другой такой же кругъ около судна, и на-
«конецъ два или три большихъ японскихъ судна, вооруженныя не-
«большими пушками и содержащія на себѣ войска, заключили
«последній постъ сего страшнаго караула.»

«Спустя четыре дни, Сазаро (имя Японца), который говорилъ
«хорошо по голландски и другой переводчикъ, который говорилъ
«по русски, пріѣхали изъ столицы на наше судно и любопытство-
«вали узнать многія подробности относительно цѣли моего путе-
«шествія, а на третій день по прибытіи на судно переводчиковъ на
«мои сношенія прислали мнѣ отвѣтъ тотъ, что законы Японскіе
«не дозволяютъ съ какою бы то ни было націею заводить вновь
«коммерціи, кромѣ той, которая тамъ нынѣ существуетъ.»

«Всякій день, когда переводчики пріѣзжали на судно, то
«обыкновенно спрашивали о дѣлахъ Европы и съ особенною по-
«дробностию старались узнать объ Россіи. Очень любопытствова-
«ли также и о всемъ томъ, что относилось до капитана Головина.
«Они ожидали, что г. Головинъ будетъ начальникомъ Охотскаго
«Порта. Капитана Рикорда также весьма хорошо знали. Впрочемъ,
«по замѣчаніямъ моимъ, Японцы о сосѣдствѣ своемъ съ Россіею
«помышляютъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ и полагаютъ, что при-
«бытіе капитана Головина къ Японскимъ берегамъ весьма воз-
«можно (*).»

«Не знаю были ли другія какія либо причины, по коимъ мнѣ
«отказаны коммерческія съ Японіею сношенія, но увѣренъ, что
«къ сему отказу поводомъ были также: 1) уже сдѣланный отказъ
«имѣть торговлю съ Россіею, 2) потому, что я имѣлъ предъ симъ
«плаваніе въ Охотскій портъ и 3) потому, что я имѣю роднаго
«брата, который находится въ числѣ чиновниковъ, участвующихъ
«въ правленіи Бенгалами (**), ибо Англійская Остъ-Индская Ком-

(*) Г. Гордонъ словесно говорилъ мнѣ, что Японцы, чувствуя сколько оскорб-
ленъ былъ Г. флота Капитанъ Василій Михайловичъ Головинъ во время пребы-
ванія своего у нихъ въ плѣну, полагаютъ за неперемѣнное, что онъ сдѣлавшись
Охотскимъ Начальникомъ, назначитъ сколько возможно сильную экспедицію къ
берегамъ Японскимъ и отомститъ сей державѣ за претерпѣнныя въ плѣну стра-
данія.

(**) Японцы у Г. Гордона спрашивали о всѣхъ его родственникахъ, гдѣ они
находятся, какія занимаютъ должности и проч. и проч. и все сіе записывали.
Г. Гордонъ, неимѣя никакихъ видовъ что либо скрывать отъ Японцевъ, говорилъ
имъ всегда истину.

«панія составляетъ для Японцевъ такой же предметъ страха и «опасеній съ южной стороны, какой Россійская Имперія съ сѣ- «верной».

«Съ другой стороны мнѣ казалось, что Японцы чрезъ свои во- «просы желали узнать отъ меня о дѣйствительномъ положеніи «Европы съ большею точностію, нежели какъ они извѣстны были, «чрезъ посредство Голландцевъ, имѣющихъ свободный входъ въ «Нангазаки; я думаю также еще, что народъ Японскій столь же «охотно желаетъ торговли съ иностранцами, сколь много Англича- «не стараются дѣлать опытовъ къ заведенію оной.»

«Во время пути нашего вдоль Японскаго берега великое мно- «жество народа пріѣзжало на судно, чтобы посмотрѣть оное. Нѣ- «которымъ изъ нихъ я раздавалъ китайскія книги, которыя они «читали хорошо.»

«Японцы, высаженные на Курильскіе острова лѣтомъ 1816 года, «прибыли благополучно на островъ Нипонъ (*).»

«Въ продолженіи нахождения нашего у береговъ Японіи, по «крайней мѣрѣ три тысячи человѣкъ Японцевъ перебивало на на- «шемъ суднѣ и я не знаю ни одного государства, гдѣ бы простой «народъ велъ себя съ таковою же благопристойностію какъ Япон- «цы; всѣ поступки ихъ какъ между собою, такъ и въ отношеніи «къ намъ сопровождаемы были всегда величайшею учтивостію, «такъ, что ни малѣйшей такой вещи мы не имѣли случая ви- «дѣть, которая бы показалась намъ неприятною. А потому послѣ «сего тщетнаго моего покушенія мнѣ не остается ничего болѣе «какъ сожалѣть о невозможности имѣть сношенія съ симъ госу- «дарствомъ: ибо сами Японцы часто говорили, что законъ про- «тивъ иностранцовъ у нихъ столь строгъ, что торговля съ сею стра- «ною вовсе не возможна и даже самую коровью оспу, о полезно- «сти которой они довольно наслышаны отъ капитана Головина и

(*) Здѣсь говорится о 6 человѣкахъ Японцевъ, изъ коихъ три спаслись отъ ко- раблекрушенія на 6 Курильскомъ острову, другіе три также спасшіеся отъ ко- раблекрушенія привезены были въ Петропавловскую гавань Г. Англичаниномъ Пиготомъ и всѣ шесть отправлены по предписанію Его Превосходительства Г. Иркутскаго Гражданскаго Губернатора и кавалера въ свое отечество на Россійско- Императорскомъ транспортномъ суднѣ Павла въ 1816 году. Въ продолженіи се- го пути одинъ изъ сихъ Японцевъ отъ цынготной болѣзни умеръ, а прочіе пять высажены были на Курильской островъ Итурупъ, съ коженою байдарою и съ приличнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ. (Журналъ транспорта Павла 1816 года подъ числами 17 Июня, также 5 и 10 Июля).

«которую мы имѣли у себя на суднѣ, они ни какъ отъ насъ взять не смѣли, не смотря на то, что весьма охотно желали бы у себя имѣть оную.»

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.»

«Петръ Гордонъ».

Перевель Флота Лейтенантъ и кавалеръ Князь Шаховской.

N. B. Рѣчи, въ скобкахъ включенныя, также и выноски, внизу страницъ находящіяся, прибавлены отъ меня для лучшей ясности.

Флота Лейтенантъ и кавалеръ Князь Шаховской.

СЕЛЬСКІЙ,
Д. Чл. Общ.

О мѣсторожденіи каменнаго угля въ прибрежьяхъ озера Байкала.

Благодѣтельное учрежденіе пароходства на озерѣ Байкалѣ, сдѣланное покойнымъ Коммерціи Совѣтникомъ Никитою Федоровичемъ Мясниковымъ, послужило впоследствии поводомъ къ открытію каменнаго угля на юго-восточномъ берегу этого огромнаго бассейна водъ. Каменнымъ углемъ Компанія пароходства пользуется уже третій годъ. Г. Грасманнъ, механикъ пароходнаго заведенія, доставилъ объ этомъ важномъ горючемъ матеріалѣ записку слѣдующаго содержанія:

«Каменный уголь, употребляемый для отопленія парохода, находится въ горномъ утесѣ на юго-восточномъ берегу озера Байкала въ 82 верстахъ отъ Посольскаго монастыря, между рѣчками Куркушевкой и Переемной. Тамъ залегли два пласта каменнаго угля, расположенные въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди пластовъ находится почти вертикальный слой кварцеваго песку испекшейся мелькой гальки (конгломерата), которая постепенно обваливаясь отъ атмосферическихъ причинъ, болѣе и болѣе обнаруживаютъ присутствіе пластовъ каменнаго угля и тѣмъ облегчаютъ добычу его. Первый выказавшійся пластъ имѣетъ толщины около $1\frac{1}{2}$ сажени. Подъ этимъ слоемъ каменнаго угля слѣдуютъ на двѣ сажени шириной горныя породы, состоящія изъ глинистаго песку, мелкой гальки и большихъ валуновъ твердаго песчаника. Подъ этими породами покоится другой пластъ каменнаго угля на одномъ уровнѣ съ поверхностью водъ Байкала. Верхній или первый пластъ угля представляеть

огромную массу тонкослоеватую, не раздѣляющуюся на поперечные отдѣлы, какъ это видно въ другихъ мѣсторожденіяхъ угля. Нижній пластъ болѣе плотенъ, потому что онъ не подверженъ вліянію атмосферы. Простираніе напластованія занимаетъ ложбину около четырехъ верстъ длиною и послѣдній пластъ доходитъ до подошвы горъ, состоящихъ преимущественно изъ слюденнаго и частію глинистаго сланцевъ съ прослойками и прожилками кварца. При настоящей потребности пароходства, каменный уголь добывается только изъ утеса, вся же мѣстность до отлогости горъ вовсе неизслѣдована.—Кромѣ этого мѣсторожденія, каменный уголь открытъ въ долину при устьѣ р. Мурины и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ откроется и въ другихъ прибрежьяхъ и падяхъ озера Байкала.

Описанный нами уголь съ рѣчки Переемной, употребляемый для отопленія парохода, горитъ бѣлымъ высокимъ пламенемъ и по сгорѣніи оставляетъ одну золу, не образуя шлаковъ; по этому онъ не прилипаетъ къ колосникамъ и даетъ болѣе жара, нежели дрова равнаго вѣса.

Въ пластахъ каменнаго угля встрѣчаются стволы и пни окаменѣлаго дерева, куски котораго здѣсь употребляются вмѣсто оселковъ для точенія бритвъ и ножей. Замѣчательно также, что пни окаменѣлаго дерева наклонены къ Байкалу, какъ будто-бы они были подавлены тяжестью массъ горнокаменныхъ породъ.

Къ запискѣ своей Г. Грасманъ приложилъ образцы каменнаго угля и кусокъ окаменѣлаго дерева, которые при семъ прилагаются для Музеума Сибирскаго Отдѣла.

РОДСТВЕННЫЙ,
Чл.-Сотр. Отд.

Извлеченіе изъ отчета о дѣйствіяхъ частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа въ 1856 году.

Въ 1855 году:

Промыто песковъ: 323.054.689 пуд.

Получено золота 828 пуд. 33 ф. 16 з. 32 $\frac{1}{2}$ долн. Сложное содержаніе 94 доли—во 100 пуд. песку.

Въ 1856 году:

Промыто песковъ: 344.739.555 пуд.

Получено золота 851 пуд. 7 ф. 49 з. 65 дол. Сложн. сод.

91 доля.

Разность промывки песковъ и добычи золота въ 1856 году противъ 1855 года, болѣе:

въ пескахъ: 21.684.866 пуд.

въ золотѣ: 22 пуд. 14 ф. 33 з. 32½ доли.

Если взять въ соображеніе, что среднее содержаніе золота въ 100 пуд. песку было въ 1856 году менѣе предшествовавшаго, то успѣхъ добычи золота становится еще очевиднѣе.

Успѣхъ этотъ конечно происходитъ отъ лучшаго устройства машинъ и вообще лучшаго примѣненія механизмовъ.

При увеличивающемся годъ отъ году извлеченіи песковъ изъ розсыпей, казалось можно было бы опасаться скорого истощенія запасовъ; но новыя пріобрѣтенія отстраняютъ подобное опасеніе.

Въ нынѣшнемъ 1856 году сдѣлано отводовъ:

Въ новыхъ мѣстахъ 81

Въ казенныхъ остаткахъ 15

Всего . . . 96

Способъ примѣненія амальгамации къ золотому производству еще не вошелъ въ общее употребленіе, не смотря на то, что на нѣсколькихъ промыслахъ уже были сдѣланы опыты и въ валовомъ видѣ.

Съ будущаго 1857 года, по отзыву самихъ золотопромышленниковъ, способъ этотъ введется на многихъ пріискахъ.

Въ настоящемъ году валовые опыты производились на восьми промыслахъ и золота получено посредствомъ ртути 3 пуд. 12 ф. 34 з. и 48 долей. Эта добыча равняется прошлогодней, но значительно превъшала бы оную, если бы не были пріостановлены по особымъ обстоятельствамъ работы по двумъ компаніямъ, давшимъ въ прошломъ годѣ до пуда амальгамированнаго золота.

КЛЕЙМЕНОВЪ,
Чл.-Сотр. Отд.

III.

ЛѢТОПИСЬ СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

*Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества, 20 Декабря 1855 года.*

Подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля, присутствовали: четыре Дѣйствительные Члена и восемь Членовъ-Сотрудниковъ.

Завѣдывающій Отдѣломъ докладывалъ о бумагахъ, полученныхъ отъ 2 Ноября по настоящее засѣданіе.

Доложено отношеніе правящаго должность Енисейскаго Гражданскаго Губернатора, въ которомъ увѣдомляется Отдѣлу, что посланные по назначенію Господина Покровителя различные сорта верноваго хлѣба, были розданы согласно назначенію для посѣва переселенцамъ Орловской Губерніи, водвореннымъ въ Моторею степи (въ Минусинскомъ Округѣ) и что о результатахъ будетъ доведено до свѣдѣнія Отдѣла въ свое время.

Доложено отношеніе Лекаря 1 пѣшей Бригады Забайкальскаго казачьяго войска, Кашина, при коемъ представлена статья: «Нѣкоторыя особенности въ языкѣ жителей при-Аргунскаго края». Вмѣстѣ съ симъ Лекарь Кашинъ проситъ, о возложеніи на него какого либо порученія и о присылкѣ ему программы Сибирскаго Отдѣла для руководства. Определено: благодарить Г. Кашина за его статью и предложеніе быть полезнымъ своими трудами Отдѣлу; требуемую же имъ программу выслать съ первою почтою.

Получено изъ Якутска письмо отъ купеческаго сына Михаила Алексѣева Шестакова, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, о своемъ желаніи, пересылать для Музеума Отдѣла различныя естественныя произведенія. Определено: благодарить Г. Шестакова за предложеніе и увѣдомить его, какіе въ особенности предметы нужны для Музеума изъ Якутской Области.

Прочитано въ подлинникѣ отношеніе Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ коемъ изъявлена Сибирскому Отдѣлу благодарность за доставленіе Обществу путевого журнала Г. Члена-Сотрудника Чермикина во время плаванія его по р. Амуру.

Получены отъ Общества для библіотеки Отдѣла пять экземпляровъ 4 книжки Вѣстника на 1855 годъ.

Доложено отношеніе Члена-Сотрудника Давыдова, относительно вскрытія имъ могилъ забайкальскихъ аборигеновъ, при коемъ онъ препроводилъ въ Отдѣлъ найденныя имъ могильныя остатки, человѣческой черепъ, вынутый изъ насыпи на берегу р. Уды между Кульскою и Тарбагатайскою станціями, ручныя и ножныя кости и желѣзныя удила. Определено: благодарить Г. Давыдова за его полезныя занятія, а вещи, присланныя имъ, сдать въ Музеумъ Отдѣла.

Получена отъ Г. Члена-Сотрудника Юринскаго статья: Мѣстность Дэлюнъ-Болдокъ (мѣсторожденіе Чингисъ-Хана), о существованіи которой было указано Г. Юринскому покойнымъ Дорджи Банзаровымъ. Определено: покорнѣйше просить Д. Чл. Архимандрита Аввакума, разсмотрѣть эту статью и потомъ копію съ оной отослать въ Общество; Господина же Юринскаго особенно благодарить за полезные для Отдѣла труды его.

Г. Дѣйствительный Членъ Штубендорфъ прислалъ въ Сибирскій отдѣлъ два сочиненія Г. Д. Чл. Савельева: о жизни и ученыхъ трудахъ Г. Академика Френа и Дорджи Банзарова, и увѣдомилъ, что книги эти Г. Савельевъ приносить въ даръ Сибирскому Отдѣлу. Определено: благодарить Г. Савельева за его приношеніе, и книжки эти сдать на храненіе въ библіотеку Отдѣла.

Г. Вице-Предсѣдатель Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, при отношеніи своемъ, препроводилъ Г. Предсѣдательствующему въ Сибирскомъ Отдѣлѣ, К. К. Венцелю три диплома на званіе Членовъ-Сотрудниковъ, Г. г. Боголюбскому, Юринскому и Петерсену. Определено: разослать дипломы по принадлежности къ означеннымъ лицамъ.

Членъ-Сотрудникъ Зензиновъ прислалъ при отношеніи статью:

«Звѣропромышленность Нерчинскаго Округа», которую Г. Предсѣдательствующій поручилъ Отдѣлу передать на разсмотрѣніе Члена-Сотрудника Якушкина.

Получено отношеніе Г. Якутскаго Гражданскаго Губернатора Григорьева, въ коемъ онъ проситъ Отдѣлъ сообщить ему описаніе дороги изъ Якутска до Среднеколымска Д. Чл. Сельскаго и планъ Жиганскаго улуса Протоіерея Хитрова. Определено: снять копии съ этихъ статей и отослать Г. Якутскому Гражданскому Губернатору.

Читана въ подлинникѣ выписка изъ журнала засѣданія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 12 Сентября и письмо Г. Секретаря Общества Ламанскаго къ Завѣдывающему Сибирскимъ Отдѣломъ. Изъ увѣдомленій этихъ видно, что Совѣтъ Общества, въ слѣдствіе особенной просьбы Отдѣла, относительно изданія ученыхъ записокъ и передачи этого дѣла въ совершенное распоряженіе Общества по его ближайшему усмотрѣнію, окончательно извѣщаетъ Отдѣлъ, что въ печатаніи записокъ въ настоящее время нѣтъ особыхъ затрудненій и приняты всѣ мѣры къ изданію оныхъ.

Получено изъ Аянскаго порта отношеніе Члена-Сотрудника Кашеварова, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что капитанъ американскаго военнаго парохода «Джонъ Ганкокъ», Стивенсъ, принадлежащаго къ ученой экспедиціи комодора Роджера, описывая западные берега полуострова Камчатки и, оттуда, посѣтивъ Пенжинскую, Гижигинскую и Тауйскую губы, прибылъ въ Аянъ 20 Августа, гдѣ, между прочимъ, Г. Стивенсъ, передалъ Г. Кашеварову пробы каменнаго угля, найденнаго имъ въ Пенжинской губѣ. При отношеніи пересланъ въ Отдѣлъ и образчикъ каменнаго угля. По испытаніи этого минерала Г. Членомъ-Сотрудникомъ Родственнымъ, оказалось, что онъ принадлежитъ къ разряду смолистаго каменнаго угля, и, судя по наружному его виду, долженъ быть годенъ, какъ лучшее топливо, для всѣхъ техническихъ потребностей.

Членъ-Сотрудникъ Кроль представилъ въ Отдѣлъ статью свою: «Поѣздка отъ Горбицы до Албазина». Определено: передать статью Г. Кроля на разсмотрѣніе Д. Чл. Сельскому и доложить объ ней въ первое засѣданіе.

Получено увѣдомленіе отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей природы, въ которомъ оно извѣщаетъ Сибирскій Отдѣлъ о своемъ пятидесяти лѣтнемъ юбилеѣ, и что 23 Декабря, по этому случаю, назначено торжественное собраніе. Опре-

дѣлено: благодарить Общество за вниманіе его къ Сибирскому Отдѣлу и вмѣстѣ съ этимъ отписать, что на будущее время, будутъ приняты Сибирскимъ Отдѣломъ мѣры къ ознакомленію Общества со всѣми открытіями по части Естественныхъ Наукъ, которыя будутъ сдѣланы въ Восточной Сибири.

Дѣйствительный Членъ Архимандритъ Аввакумъ, согласно просьбѣ Отдѣла, прислалъ разборъ своей надписи, находящейся на скалѣ у Мунгутской пещеры, скопированной Членомъ-Сотрудникомъ Юринскимъ. Определено: снять копію съ разбора надписи и отослать въ Общество.

Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 20 Января 1856 года.

Подъ предѣдательствомъ К. К. Венцеля, присутствовали четыре Дѣйствительныхъ Члена, двадцать восемь Членовъ-Сотрудниковъ и два Члена-Соревнователя.

Г. Предѣдательствующій въ Отдѣлѣ К. К. Венцель, открылъ засѣданіе краткою рѣчью слѣдующаго содержанія: «Настоящее засѣданіе наше, мы должны были бы начать годовымъ отчетомъ, о дѣйствіяхъ Сибирскаго Отдѣла за протекшіи 1855 годъ, но этого не лзя было сдѣлать своевременно, за отсутствіемъ Члена-Сотрудника Маака, который только теперь можетъ представить намъ общій отчетъ, о двухъ ученыхъ экспедиціяхъ: Вилюйской и Амурской, составляющихъ собою самую важную сторону трудовъ и дѣятельности Сибирскаго Отдѣла. Теперь позвольте сообщить Вамъ, Милостивые Государи, свѣдѣнія, о дальнѣйшемъ слѣдованіи Амурской экспедиціи послѣ 23 Мая. Въ Ноябрь мѣсяцѣ мы узнали, что по видамъ правительственнымъ, и кромѣ сего, по малонаселенности лѣваго побережья р. Амура, экспедиція не могла слѣдовать тѣмъ путемъ, который былъ для нее избранъ; она направилась внизъ по всему теченію рѣки Амура до Маринскаго поста и на этомъ пространствѣ занималась собраніемъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ географическаго описанія. Въ половинѣ Декабря возвратился въ Иркутскъ изъ предѣловъ Амурскихъ мѣстностей чрезъ Аянъ и Якутскъ Г. Покровитель Сибирскаго Отдѣла Николай Николаевичъ Муравьевъ; одновременно съ Его Высокопревосходительствомъ прибылъ по той же дорогѣ одинъ изъ Членовъ Амурской экспедиціи, Магистръ Герстфельдъ. Съ пріѣздомъ Г. Покровителя мы узнали, что Членъ Амурской экспедиціи Г. Кочетовъ, по волѣ Его Высокопревосходительства, оставленъ

въ Маринскомъ постѣ до слѣдующей весны и что кандидатъ Маакъ, вмѣстѣ съ Зандхагеномъ, Препарантомъ Фурманномъ и съ коллекціями естественныхъ произведеній, собранныхъ во время путешествія, отправились вверхъ по р. Амуру въ половинѣ Августа. Изъ послѣднихъ извѣстій, полученныхъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ, мы видѣли, что Г. Маакъ могъ только совершить половину своего обратнаго пути и по необходимости зазимовалъ въ китайскомъ городѣ Сахалинь-ула-хотонѣ. 31 Декабря прибылъ въ Иркутскъ Г. Прапорщикъ Корпуса топографовъ Зандхагенъ, посланный Г. Маакомъ впередъ, для высылки лошадей изъ Усть-Стрѣлочнаго караула на помощь экспедиціи, вытерпѣвшей на послѣднемъ пути большія затрудненія. Наконецъ 17 Января прибылъ благополучно и Г. Маакъ вмѣстѣ съ Препарантомъ Фурманномъ и естественными коллекціями. Въ слѣдующее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Г. Маакъ познакомитъ насъ съ общимъ ходомъ амурской экспедиціи, интересной по всѣмъ отношеніямъ.»

За симъ доложено было о бумагахъ, поступившихъ въ Отдѣлъ послѣ 1 Января настоящаго года.

Членъ-Сотрудникъ Давыдовъ представилъ въ Сибирскій Отдѣлъ двѣ древнія монгольскія легенды, пріобрѣтенныя имъ отъ Селенгинскихъ инородцевъ. Определено: передать рукопись Г. Давыдова Дѣйствительному Члену, Отцу Аввакуму, и покорнѣйше просить разсмотрѣть оную съ тою цѣлью, что не будутъ ли сдѣланы имъ какія либо замѣчанія, о значеніи этихъ легендъ и о времени ихъ происхожденія.

Редакція Военно-Медицинскаго Журнала сдѣлала предложеніе, о размѣнѣ своихъ книжекъ на записки Сибирскаго Отдѣла. Определено: благодарить Редакцію за ея вниманіе къ Отдѣлу и написать въ С. Петербургъ, Г. Коммисіонеру Крашенинникову, распорядиться по напечатаніи записокъ Отдѣла отсылкою оныхъ въ Редакцію Военно-Медицинскаго Журнала.

Получены изъ Якутска отъ купческаго сына Михайла Шестакова, рукописи о времени прибытія Якутскаго народа въ Ленскій край; записка о Якутскомъ краѣ, составленная какимъ-то неизвѣстнымъ Якутомъ и поданная въ С. Петербургъ Императрицѣ Екатерицѣ II; о способахъ леченія скотскихъ болѣзней у Якутовъ и три листа притчей времени Петра I. Определено: объявить Г. Шестакову признательность Отдѣла за его приношеніе, рукописи же, присланныя имъ, передать на разсмотрѣніе Дѣйствительному Члену Сельскому и доложить объ этомъ въ первое засѣданіе.

Членъ-Сотрудникъ Юринскій, при отношеніи своемъ, представилъ въ Отдѣлъ рукопись: путешествіе въ Китай въ 1820 году, неизвѣстно къмъ составленную и вмѣстѣ съ симъ образцы горнокаменныхъ породъ, раковины и чучелы птицъ изъ окрестностей озера Торея. Определено: рукопись передать Дѣйствительному Члену Архимандриту Аввакуму и покорнѣйше просить его дать отзывъ объ ея достоинствѣ и можетъ ли она, хотя частями, быть напечатана въ запискахъ Сибирскаго Отдѣла. Естественные предметы передать Г. Члену-Сотруднику Мааку, для помѣщенія въ Музеумъ Отдѣла и вмѣстѣ съ симъ благодарить Г. Юринскаго за его приношеніе.

Членъ-Сотрудникъ Князь Костровъ обратился въ Отдѣлъ съ просьбою, о присылкѣ ему въ Минусинскъ, на самый короткій срокъ, путешествіе Академика Палласа, томъ 2, необходимый для справокъ, при описаніи Минусинскаго Округа, составляемаго имъ, Княземъ Костровымъ для Сибирскаго Отдѣла. Определено: выслать согласно просьбѣ Г. Кострова 2 томъ и просить, о возвращеніи по минованіи въ ономъ надобности.

Членъ-Сотрудникъ Родственнѣй, согласно назначенію Господина Покровителя Сибирскаго Отдѣла, Николая Николаевича Муравьева, представилъ вѣдомость о добычѣ золота на промыслахъ Канскаго, Нижнеудинскаго, Олекминскаго, Иркутскаго и Верхнеудинскаго Округовъ, съ начала открытія работъ, по день окончанія ихъ въ 1855 году. Определено благодарить Г. Члена-Сотрудника Родственнаго за трудъ его, а вѣдомость о добычѣ золота представить въ Общество, для помѣщенія въ запискахъ Отдѣла.

Прочитано въ подлинникѣ письмо Ея Высокопревосходительства, супруги Господина Генералъ-Губернатора Екатерины Николаевны Муравьевой, къ Г. Предсѣдательствующему въ Сибирскомъ Отдѣлѣ К. К. Венцелю, при которомъ она препроводила весьма рѣдкій экземпляръ бѣлой полярной лисицы, убитой въ Якутской Области, близъ Амгинской слободы и назначенной въ даръ для естественной коллекціи Музеума Сибирскаго Отдѣла. Определено: особенно благодарить Ея Высокопревосходительство Екатерину Николаевну Муравьеву за приношеніе ея въ пользу Сибирскаго Отдѣла.

Членъ-Сотрудникъ Клейменовъ, согласно назначенію Г. Покровителя Отдѣла, представилъ въ Сибирскій Отдѣлъ вѣдомость, о добычѣ золота на частныхъ золотыхъ промыслахъ Сѣверной и Южной системъ Енисейскаго округа, сначала открытія работъ, по день окончанія въ 1855 году. Определено: представить вѣдо-

мость въ Общество и просить, о помѣщеніи ея въ запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Членъ-Сотрудникъ Князь Костровъ, при отношеніи своемъ, представилъ въ Отдѣлъ двѣ статьи: о народныхъ примѣтахъ крестьянъ-старожиловъ Минусинскаго округа и статистическое описаніе города Минусинска. Определено: благодарить Г. Кострова за постоянныя, усердныя труды его и копіи съ статей представить въ Общество, для помѣщенія въ запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

По случаю отъѣзда изъ Восточной Сибири Г. Члена-Сотрудника Магистра Герстфельда, Сибирскій Отдѣлъ просилъ его, о присылкѣ этнографическаго описанія и рисунковъ, принадлежащихъ къ оному, составленнаго Г. Герстфельдомъ во время его слѣдованія при ученой Амурской экспедиціи. На это Г. Герстфельдъ отвѣчался, что въ настоящее время, по случаю немедленнаго его отбытія изъ Иркутска, онъ не можетъ привести въ порядокъ своихъ дорожныхъ записокъ и сдать ихъ въ Отдѣлъ, по пріѣздѣ же своемъ въ С. Петербургъ, онъ немедленно приступитъ къ составленію этнографическаго описанія побережья р. Амура и приложить къ этому всѣ имѣющіеся у него рисунки, на что просить дать ему шестимѣсячный срокъ.

Членъ-Сотрудникъ Пейзынъ представилъ въ Отдѣлъ статью свою: Обзоръ сельскаго хозяйства въ Минусинскомъ округѣ, состоящую изъ четырехъ отдѣленій. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ были собраны Г. Пейзынымъ во время поѣздки его по Минусинскому краю, согласно данной ему отъ отдѣла инструкціи. Къ статьѣ своей Г. Пейзынъ составляетъ особую карту и приложитъ модели земледѣльческихъ орудій. Определено: благодарить Г. Пейзына за трудъ его и копію съ его статьи препроводить въ Общество.

Г. Енисейскій Гражданскій Губернаторъ Падалка, какъ Предсѣдатель тамошняго Губернскаго Статистическаго Комитета, представилъ въ Отдѣлъ: Описаніе Залѣдѣвской волости, Красноярскаго округа. Определено: передать статью эту на разсмотрѣніе Члену-Сотруднику Якушкину и просить его доложить объ оной въ слѣдующее засѣданіе. Г. Гражданскаго Губернатора Падалку особенно благодарить за его вниманіе къ Сибирскому Отдѣлу.

Сибирскій Отдѣлъ, озабочиваясь составленіемъ общей геогностической карты Восточной Сибири, поручилъ составленіе оной Г. Члену-Сотруднику Родственному. Нынѣ Г. Родственный увѣдомляетъ, что въ теченіи минувшаго 1855 года, имъ нанесены на карту горнокаменныя породы отъ р. Енисей до р. Алдана, и отъ границы

Китайскаго Государства, до р. Нижней Тунгузки, вершинъ р. Оленка и береговъ р. Лены. Кромѣ сего, также нанесены имъ породы полуострова Камчатки, согласно съ свѣдѣніями, имѣющимися въ Сибирскомъ Отдѣлѣ отъ Члена-Сотрудника Дитмара. Въ настоящемъ году Г. Родственнѣйшій надѣется привести къ окончанію эту карту; остается одна юго-восточная Сибирь съ Яблоннымъ хребтомъ и при-полярная мѣстность сѣверной Сибири. Въ первомъ случаѣ уже имѣются матеріалы экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ Г. Ахте и собранные Дѣйствительнымъ Членомъ Меглицкимъ. Определено, благодарить Г. Родственнаго за его постоянно полезныя труды въ пользу Сибирскаго Отдѣла.

Получена статья Члена-Сотрудника Родственнаго: О мѣсторожденіи каменнаго угля, на берегахъ Байкала. Определено: послать копію съ этой статьи въ Общество, а Г. Родственнаго благодарить.

Въ заключеніе прочитаны были слѣдующія статьи Гг. Членовъ Сибирскаго Отдѣла.

Осада Албазина Китайцами въ 1678 году (изъ архивныхъ свитковъ и китайскихъ источниковъ)—Дѣйствительнаго Члена Сельскаго.

Характеръ золотоносности Нерчинскаго Округа—Члена-Сотрудника Аносова, и

Мѣстность Дэлунъ-Болдокъ (мѣсторожденіе Чингисъ-Хана), Члена-Сотрудника Юринскаго.

За симъ балотированы были лица на званіе Членовъ-Сотрудниковъ Сибирскаго Отдѣла: Н. И. Кашинъ и Н. В. Никитинъ.

СПИСОКЪ

лицамъ вновь избраннымъ въ Члены-Сотрудники Сибирскаго Отдѣла.

Кто предлагаетъ.

Николай Ивановичъ Кашинъ, Лекаръ 1 Д. Ч. К. К. Венцельпѣшей Бригады Забайкальскаго казачьяго войска, живущій въ Нерчинскомъ округѣ въ станицѣ Олочинской. Имъ присланы въ Отдѣлъ двѣ статьи: Нѣкоторыя особенности въ языкѣ жителей 1 пѣшей бригады Забайкальскаго казачьяго войска и геогра-

Кто предлагаетъ.

фическій очеркъ 1 пѣшей бригады того же войска». Кромѣ сего, онъ обѣщаль заниматься изслѣдованіемъ растительной природы Нерчинскаго округа и другими предметами той мѣстности.

Николай Васильевичъ Никитинъ, живу- Д. Ч. К. К. Венцель- щій въ Иркутскѣ, Чиновникъ по особымъ Д. Ч. И. С. Сельскій. порученіямъ Главнаго Управленія Восточ- Д. Ч. В. Н. Баснинъ. ной Сибири. Онъ занимается составленіемъ свѣдѣній, о человеколюбивыхъ учрежденіяхъ нашего края и приготовляетъ для Отдѣла разнаго рода статьи и описанія во время поѣздокъ его по Восточной Сибири.

Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 27 февраля 1856 года.

Подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля, присутствовали 4 Дѣйствительныхъ Члена, 15 Членовъ-Сотрудниковъ и два Члена-Соревнователя. Кромѣ гг. Членовъ. засѣданіе это посѣтили нѣсколько лицъ изъ чиновниковъ и гражданъ города Иркутска.

Завѣдывающій Отдѣломъ прочелъ протоколъ послѣдняго засѣданія 20 января.

За симъ доложено было, о бумагахъ, поступившихъ въ Отдѣлъ послѣ 20 января по 27 февраля:

Императорская С.-Петербургская Академія Наукъ, прислала въ Сибирскій Отдѣлъ при отношеніи письмо, съ просьбою, о передачѣ онаго г. магистру Шренку, находящемуся на устьѣ р. Амура. Определено: послать письмо съ первою отходящею почтою въ Аянъ и оттуда съ экстрапочтою въ Маринскій постъ и объ этомъ распоряженіи увѣдомить С.-Петербургскую Академію.

Прочитано письмо г. лекаря 1-й пѣшей бригады Забайкальскаго Казачьяго войска, Кашина, при которомъ онъ представилъ въ Отдѣлъ: «Географическій очеркъ при-Аргунскаго края». Определено: благодарить г. Кашина за трудъ его и статью передать на разсмотрѣніе гг. Членамъ-Сотрудникамъ Кукелю и Мааку, поручивъ первому отдѣлъ мѣстной администраціи и второму описаніе естественныхъ произведеній при-Аргунскаго края.

Доложено о письмѣ агинскаго ламы Султина Бадмаева, въ коемъ увѣдомляется Отдѣлъ, что онъ по желанію Его Высокопревосходи-

г. Покровителя Отдѣла, объ его похвальномъ усердіи въ пользу здѣшняго края.

Прочитано въ подлинникѣ изъясненіе признательности Сибирскому Отдѣлу, отъ Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, за доставленіе въ оное рукописей Члена-Сотрудника Райскаго, о распространеніи православной вѣры, въ Якутской области и статьи священника Аргентова — описаніе Николаевского прихода.

Доложено объ отношеніи С.-Петербургскаго Монетнаго Двора, въ которомъ онъ увѣдомляетъ Сибирскій Отдѣлъ, что вслѣдствіе предписанія Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ отъ 16 декабря минувшаго года, изъ денегъ, причитающихся за 20 фунтовъ шиховаго золота, пожертвованнаго довѣреннымъ Почетнаго Гражданина Соловьева, на расходы ученой Амурской экспедиціи — 6,334 руб. 74 коп. сер., за исключеніемъ уже удержанныхъ Алтайскихъ Горнымъ Правленіемъ 4,550 руб. 2 коп. сер. и отосланныхъ въ Сибирскій Отдѣлъ, препровождаются остальные: тысячу семь сотъ девяносто четыре рубля, семьдесятъ двѣ копейки. Определено: сдать эти деньги экзекутору Главнаго Управленія для внесенія въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія и увѣдомить, о полученіи оныхъ С.-Петербургскій Монетный Дворъ.

Доложено объ отношеніи лекаря 1-й пѣшей бригады, Кашина, при которомъ онъ препроводилъ карту при-Аргунскаго края, съ просьбою приложить оную къ прежде посланному имъ описанію этой мѣстности. Определено: благодарить г. Кашина за составленіе карты при-Аргунскаго края и представить оную въ Общество при его статьѣ.

Получены отъ Общества 100 экземпляровъ объявленія, объ изданіи «Вѣстника» въ настоящемъ году, вмѣстѣ съ особымъ подробнымъ указателемъ всѣхъ изданныхъ Обществомъ книгъ и картъ съ просьбою, о разсылкѣ гг. Членамъ Отдѣла и другимъ любознательнымъ лицамъ въ Сибири. Определено: согласно порученію Общества, нынѣ же разослать экземпляры объявленій и указателя какъ къ Членамъ Сибирскаго Отдѣла, такъ равно и другимъ лицамъ.

Иркутское Общее Губернское Управленіе отнеслось въ Отдѣлъ съ просьбою, о доставленіи оному свѣдѣнія, о состояніи библиотеки Сибирскаго Отдѣла за 1855 годъ, нужнаго для годоваго отчета. Определено: послать согласно просьбѣ требуемое свѣдѣніе.

Получено отъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества три экземпляра III книжки его запи-

сокъ. Определено: благодарить за присылку книгъ и написать въ С.-Петербургъ Коммисіонеру Крашенинникову, взаимно послать отъ Сибирскаго Отдѣла въ Кавказскій, Записки Отдѣла.

Членъ-Сотрудникъ Гауптъ представилъ въ Отдѣлъ статью свою: «Замѣтки на пути изъ Кяхты въ Ургу». Определено: благодарить г. Гаупта за трудъ его и статью передать на разсмотрѣніе Дѣйствительнаго Члена архимандрита Аввакума.

Г. Якутскій гражданскій губернаторъ препроводилъ въ Отдѣлъ карту Якутскаго округа, составленную якутскимъ областнымъ землемеромъ Степановымъ и вмѣстѣ съ симъ якутскую сказку съ переводомъ на русскій языкъ. Определено: такъ какъ карта г. Степанова въ особенности замѣчательна подробнымъ нанесеніемъ жилищъ инородцевъ Якутской области, то передать оную Дѣйствительному Члену Сельскому, занимающемуся составленіемъ этнографической карты Восточной Сибири. Съ якутской сказки снять копію и представить въ Общество, а г. Степанова, за его трудъ, благодарить чрезъ г. Якутскаго гражданскаго губернатора.

Императорская С.-Петербургская Академія Наукъ препроводила въ Отдѣлъ два пакета, адресованные—одинъ на имя кандидата Леопольда Шренка, а другой на имя кандидата Дитмара, съ просьбою о доставленіи ихъ по адресу. Определено: отослать пакеты къ г. исправляющему должность Начальника Штаба и покорнѣйше просить о доставленіи оныхъ съ первымъ амурскимъ рейсомъ.

За симъ Членъ-Сотрудникъ Сибирскаго Отдѣла, кандидатъ Маакъ, прочелъ представленный имъ въ настоящее засѣданіе краткій обзоръ путислѣдованія ученой Амурской экспедиціи, при коемъ приложены были: карта теченія р. Амура отъ Шилкинскаго завода до Маринскаго поста въ размѣрѣ 40 верстъ въ дюймѣ и планы: бывшаго древняго Албазинскаго острога и китайскаго города Сахалинь-ула-хотона.

По окончаніи чтенія обзора г. Маака, г. Предсѣдательствующій въ Отдѣлѣ, К. К. Венцель, выразилъ какъ ему, такъ и г. Зандхагену, полную благодарность за успешное окончаніе ученой Амурской экспедиціи и поручилъ г. Завѣдывающему Отдѣломъ, Сельскому, распорядиться представить нынѣ же въ Общество копію съ краткаго обзора г. Маака, приложивъ къ ней карту и планы г. Зандхагена.

За симъ г. Предсѣдательствующій обратился ко всемъ присутствующимъ Членамъ и просилъ еще разъ, отъ лица всего Сибирскаго Отдѣла, принести особенную признательность г. Члену-Сореволюционеру С. Ф. Соловьеву. При этомъ Его Превосходительство

выразился, что безъ того значительнаго денежнаго пособія, какое сдѣлалъ г. Соловьевъ для ученой Амурской экспедиціи, Отдѣлъ не могъ бы осуществить въ прошедшемъ году такого важнаго предпріятія.

Послѣ сего, г. Членъ-Сотрудникъ Версиловъ попросилъ позволенія у г. Предсѣдательствующаго, прочитатъ отзывъ свой по случаю осмотра имъ геогностической коллекціи, собранной г. Маакомъ во время Амурской экспедиціи. Отзывъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія: «Посѣтивъ послѣ трехъ мѣсячнаго отсутствія Сибирскій Отдѣлъ, я, какъ Членъ онаго, былъ пріятно изумленъ обиліемъ предметовъ, по тремъ царствамъ природы, поступившимъ въ Музеумъ Отдѣла. Болѣе всего меня поразила коллекція горныхъ породъ, еще не вполне разобранныхъ и не приведенныхъ въ систему, собранныхъ однимъ изъ участниковъ Амурской экспедиціи г. Маакомъ. Для меня, какъ для горнаго офицера, любящаго все, что носитъ имя ископаемаго — рядъ камней, не мертвая вереница горныхъ обломковъ, а разумные отторженцы тѣхъ горъ, которыя или утверждаютъ или отрицаютъ возможность нахожденія въ нихъ минеральныхъ богатствъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ любовался прекрасною коллекціею, привезенною съ побережьевъ Амура, этой terra incognita минералоговъ и любовался тѣмъ болѣе, что не видя каталоговъ и картъ мѣстностей, изъ которыхъ взяты образцы, каждый изъ насъ составитъ довольно близкое понятіе объ общемъ геогностическомъ строеніи той страны. Всѣ экземпляры коллекціи почти одинаковаго размѣра, тщательно обдѣланы и выборъ ихъ не оставляетъ ничего болѣе желать и указываетъ на основательныя познанія собирающаго образцы.

«Проникнутый благодарностію за доставленное удовольствіе и ожидая интереснаго и вѣроятно обширнаго описанія трудовъ г. Маака, я не могу не благодарить почтеннаго Сочлена за его замѣчательную геогностическую коллекцію. Остается одно желаніе, поскорѣе встрѣтить результаты трудовъ ученой Амурской экспедиціи, которыхъ прекрасныя доказательства находятся уже передъ нами.»

Въ настоящее засѣданіе былъ предложенъ къ балотированію въ Члены-Соревнователи Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, канскій 4-й гильдіи купецъ Иванъ Федотовичъ Преинъ.

Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла 10 Марта 1856 года.

Подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля, въ домѣ Его Прево-сходительства происходило особенное совѣщаніе, къ которому приглашены были нѣсколько членовъ и Г. Начальникъ Математической экспедиціи, Шварцъ.

Завѣдывающій Отдѣломъ доложилъ присутствующимъ о слѣдующемъ:

По случаю окончанія двухъ значительныхъ экспедицій Вилюйской и Амурской, совершенныхъ по распоряженію Сибирскаго Отдѣла, Г. Членъ-Сотрудникъ Маакъ представилъ собранные имъ матеріалы по всеѣмъ отраслямъ географическаго изученія. Матеріалы эти состоятъ изъ картъ общихъ, маршрутовъ, распросныхъ картъ и плановъ городовъ, изъ путевыхъ журналовъ, метеорологическихъ наблюденій, свѣдѣній географическихъ и статистическихъ, этнографическихъ рисунковъ и коллекцій: зоологической, ботанической и геогностической. Вмѣстѣ съ представленіемъ этихъ важныхъ и многообъемлющихъ трудовъ, интересныхъ въ особенности тѣмъ, что въ нихъ заключается собраніе свѣдѣній о двухъ обширныхъ пространствахъ противоположныхъ между собою по своему географическому положенію и равно неизвѣстныхъ въ научномъ отношеніи, г. Маакъ выразилъ мысль свою, что если Сибирскій Отдѣлъ успѣлъ осуществить такое значительное предпріятіе, каковы были Вилюйская и Амурская экспедиціи, то остается еще одно необходимое условіе—приведеніе въ порядокъ приобрѣтенныхъ ученыхъ матеріаловъ и изданіе оныхъ въ свѣтъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. При этомъ Г. Маакъ предъявилъ присутствующимъ, что приведеніе въ порядокъ путевыхъ записокъ двухъ экспедицій и всего, что должно принадлежать къ описанію этихъ путешествій, не иначе можетъ воспослѣдовать какъ въ Петербургѣ, гдѣ для подобнаго труда, при благосклонномъ содѣйствіи Общества, могутъ быть получены все необходимыя средства. По отзыву Г. Маака, обработка матеріаловъ въ Петербургѣ, въ особенности необходима по предметамъ естественно-историческимъ; въ этомъ случаѣ одно собраніе естественныхъ коллекцій прибрежьевъ р. Амура, представляетъ такъ много новаго, что опредѣленіе ихъ можетъ быть сдѣлано только при посредствѣ нашихъ ученыхъ, спеціально занимающихся отдѣломъ естественныхъ Наукъ.

Для приведенія въ исполненіе этого плана, Г. Маакъ просилъ

согласія Сибирскаго Отдѣла на отправленіе его въ Петербургъ и на изысканіе средствъ къ изданію ученыхъ записокъ обѣихъ экспедицій.

По общемъ совѣщаніи, относительно предложенія, сдѣланнаго Г. Маакомъ, Г. Предсѣдательствующій и Гг. наличные члены вполне согласились съ его мнѣніемъ. Въ этомъ случаѣ, Сибирскій Отдѣлъ въ особенности былъ руководимъ тою мыслию, что цѣль его на поприщѣ изученія мѣстнаго землевѣденія тогда только можетъ быть достигнута, когда посильная его дѣятельность войдетъ въ общій составъ дѣйствій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, чрезъ обнародованіе географическихъ свѣденій о Восточной Сибири и что на первый разъ изданіе въ обширномъ объемѣ записокъ при-Амурскаго края и мѣстностей, омываемыхъ рр. Леною, Вилюемъ и Оленекомъ, познакомитъ насъ съ интересными подробностями этихъ совершенно неизвѣстныхъ странъ.

Въ слѣдствіе соглашенія Гг. Членовъ Сибирскаго Отдѣла относительно отправленія въ Петербургъ Г. Маака, опредѣлено:

По соображеніи съ денежными средствами Отдѣла, найдено возможнымъ на первый разъ израсходовать на предметъ отправленія Г. Маака въ Петербургъ двѣ тысячи руб. сер., оставшіеся отъ суммы 6334 р. с., пожертвованной Почетнымъ Гражданиномъ Соловьевымъ, для совершенія ученой Амурской Экспедиціи. При подробномъ и численіи всѣхъ расходовъ, какъ на проѣздъ Г. Маака отъ Иркутска до Петербурга, такъ и на изданіе ученыхъ записокъ двухъ экспедицій, оказалось, что двухъ тысячъ р. с. будетъ недостаточно на приведеніе въ исполненіе такого многозначительнаго предпріятія. По этому Отдѣлъ ограничивается въ настоящее время только отправленіемъ Г. Маака въ Петербургъ, впослѣдствіи, смотря по обстоятельствамъ, независимо отъ ассигнованной суммы, должны быть изысканы новыя средства къ изданію собранныхъ матеріаловъ.

Опредѣлить положительно, съ обоюднаго согласія съ Г. Маакомъ, всѣ издержки, слѣдующія на отправленіе его въ Петербургъ и доложить объ этомъ особенно.

Для приведенія въ порядокъ всѣхъ свѣдѣній обѣихъ экспедицій, такъ равно и напечатанія оныхъ, назначается Г. Мааку годовой срокъ. Онъ долженъ отправиться изъ Иркутска въ Петербургъ въ концѣ Мая настоящаго года и прибыть сюда обратно въ Іюнь мѣсяцѣ слѣдующаго года.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Г. Маакъ долженъ находиться въ полномъ и непосредственномъ вѣдѣніи Совѣта Им-

Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и въ дѣлахъ, какъ лично до него касающихся, такъ равно и въ ученыхъ сношеніяхъ съ разными лицами, по предмету изданія записокъ, онъ долженъ обращаться къ Обществу и дѣйствовать неукоснительно по его указаніямъ.

Завѣдывающему Отдѣломъ вмѣняется въ обязанность, при отправленіи Г. Маака, воспользоваться этимъ случаемъ, отобрать для Музеума Общества всѣ дублиеты этнографическихъ предметовъ, какъ-то: одеждъ, орудій, утвари и проч., которые Г. Маакъ и долженъ будетъ сдать по принадлежности. Кромѣ сего, Г. Маакъ передастъ также Обществу образцы геогностическіе, зоологическіе и растенія, собранныя имъ въ двѣ послѣднія экспедиціи.

Кромѣ сего, Завѣдывающій Сибирскимъ Отдѣломъ, согласно видамъ, переданнымъ въ настоящее засѣданіе, долженъ составить для Г. Маака особую инструкцію, въ которой изложить все, что обязанъ сдѣлать Г. Маакъ для Сибирскаго Отдѣла, въ теченіи годичнаго пребыванія его въ Петербургѣ.

Въ заключеніе засѣданія Завѣдывающій Отдѣломъ доложилъ Г. Предсѣдательствующему и Членамъ, объ избраніи въ Члены-Сотрудники, Г. Инспектора Иркутской Врачебной Управы Кинаста. Определено: предложить къ балотированію Г. Кинаста въ слѣдующее за симъ общее собраніе Сибирскаго Отдѣла.

Частное засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 15 мая 1856 года.

Подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля, присутствовали четыре Дѣйствительныхъ Члена и шесть Членовъ-Сотрудниковъ.

Завѣдывающій Отдѣломъ докладывалъ о бумагахъ, полученныхъ съ 10 марта по настоящее засѣданіе.

Доставлены изъ 3-го Отдѣленія Главнаго Управленія Восточной Сибири свѣдѣнія, относительно положенія хлѣбопашества въ Якутской Области за прошедшій годъ.

Доложено объ отношеніи исправляющаго должность Начальника Штаба, въ коемъ онъ увѣдомляетъ Отдѣлъ, что Предсѣдательствующій въ Совѣтъ Главнаго Управленія сдѣлалъ распоряженіе о возвратѣ Отдѣлу 160 руб. сер., затраченныхъ имъ вслѣдствіе особаго назначенія г. Покровителя, Н. Н. Муравьева, на выписку хлѣбныхъ и огородныхъ сѣмянъ, для разсылки въ дальнія мѣста Восточной Сибири.

Доложено о письмѣ изъ Селенгинска къ Завѣдывающему Отдѣ-

ломъ Члена-Сотрудника Кельберга, въ которомъ онъ проситъ Отдѣлъ, передать свою особенную признательность г. начальнику Физической экспедиціи Шварцу, который, по сподручности, поручилъ г. Радде повѣрить барометры и термометры г. Кельберга. Сверхъ сего, г. Кельбергъ прислалъ въ Отдѣлъ нѣсколько горнокаменныхъ образцовъ изъ окрестностей г. Селенгинска. Определено: письмо г. Кельберга передать г. Шварцу для его свѣдѣнія, а горнокаменные образцы сдать при описи въ Музеумъ Отдѣла.

Прочитано въ подлинникѣ отношеніе Общества, въ которомъ оно увѣдомляетъ Отдѣлъ, что въ слѣдствіе донесенія г. Покровителя Августѣйшему Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о заслугахъ Членовъ Сибирскаго Отдѣла, участвовавшихъ въ Вилюйской экспедиціи, Его Высочество Государь Великій Князь Константи́нъ Николаевичъ изволилъ поручить г. Вице-Предсѣдателю представленіе тѣхъ Членовъ Отдѣла къ испрашиваемымъ г. Покровителемъ Всемилостивѣйшимъ наградамъ. Нынѣ генералъ-квартирмейстеръ генералъ-адъютантъ баронъ Ливень, въ подвѣдомственности котораго находился прапорщикъ Корпуса-Топографовъ Зандхагенъ, увѣдомилъ г. Вице-Предсѣдателя, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу военнымъ министромъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, означеннаго Зандхагена, за оказанныя имъ заслуги по Вилюйской экспедиціи, произвестъ въ подпоручики. Что же касается до прочихъ Членовъ экспедиціи: кандидатъ Маакъ и препарантъ Фурманъ, то объ нихъ въ то же время г. Вице-Предсѣдатель вошелъ въ надлежащее сношеніе съ министрами Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ. Определено: объявить гг. Членамъ Вилюйской экспедиціи о послѣдовавшей Высочайшей наградѣ г. Зандхагена, такъ равно и о распоряженіи Общества, относительно представленія къ наградамъ г. Маака и препаранта Фурмана.

Г. Секретарь Общества, въ слѣдствіе представленія Отдѣла, увѣдомилъ, что Совѣтъ согласился числящіеся, на Отдѣлѣ 224 руб. сер. за книги, купленные для него Обществомъ, обратить на выдачу жалованья г. натуралисту Радде.

Членъ-Сотрудникъ Юринскій отнесся къ Отдѣлу съ просьбою о присылкѣ ему на короткій срокъ ту книгу путешествія г. Палласа, гдѣ помѣщено описаніе Нерчинской Дауріи. Определено: такъ какъ сочиненіе Палласа необходимо для справокъ Отдѣла, то отослать одну изъ просимыхъ г. Юринскимъ книгъ, не болѣе какъ на двухнедѣльный срокъ.

Получено увѣдомленіе отъ Иркутской Казенной Палаты о полу-

ченіи оной отъ Отдѣла 500 руб. сер., въ возвратъ выданныхъ изъ суммъ Путевой Канцеляріи Его Высочайшаго Преосвященства г. генералъ-губернатора Восточной Сибири академику Мейеру и что эти деньги своевременно отосланы въ Иркутское Окружное Казначейство.

Членъ-Сотрудникъ Версиловъ препроводилъ въ даръ Отдѣлу одинъ экземпляръ своей брошюры: Ueber das Vorkommen der silberhaltiger Bleierzze im Nertschinsker Bergrevier. Определено: благодарить г. Версилова за приношеніе и передать брошюру въ бібліотеку Отдѣла.

Доложено объ отношеніи Иркутскаго Губернскаго Правленія, которое, согласно просьбѣ Отдѣла, допустило Члена-Сотрудника Пейзына къ осмотру архивныхъ дѣлъ экспедиціи о ссыльныхъ, нужныхъ для составляемой имъ статьи: Исторія ссылки въ Сибирь. Определено: увѣдомить объ этомъ дозволеніи Члена-Сотрудника Пейзына.

Доложено о присылкѣ изъ Общества для бібліотеки Отдѣла пять экземпляровъ № 6 «Вѣстника» за 1855 годъ.

Доложено объ отношеніи Енисейскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, при которомъ препровождено въ Отдѣлъ представленное г. Предсѣдателю онаго Комитета, Енисейскому гражданскому губернатору Падалкѣ, княземъ Костровымъ — описаніе Туруханскаго края. Определено: передать эту статью на разсмотрѣніе Дѣйствительному Члену Сельскому и доложить въ первое засѣданіе, вмѣстѣ съ симъ благодарить Енисейскаго губернатора и Члена-Сотрудника Кострова.

Получень отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, изданный имъ le Rapport sur les travaux de la société. Определено: особенно благодарить Общество за его вниманіе къ Отдѣлу, а книгу передать въ бібліотеку Отдѣла.

Доложено письмо къ Завѣдывающему Отдѣломъ Члена-Сотрудника Юринскаго, въ которомъ онъ испрашивалъ дозволенія объ откомандированіи его въ нынѣшнее лѣто на р. Амуръ до Маринскаго поста, для собранія свѣдѣній статистическо-коммерческихъ. Сибирскій Отдѣлъ вполне согласился съ мнѣніемъ г. Юринскаго, что собраніе свѣдѣній о торговлѣ при-Амурскаго края было бы весьма полезно какъ для Отдѣла, такъ и для купеческихъ компаній, желающихъ начать свои торговля сношенія съ новымъ краемъ; но что на этотъ предметъ Отдѣлъ не имѣетъ возможности въ настоящее время ассигновать особенной денежной суммы, тѣмъ болѣе, что деньги, пожертвованныя г. Соловьевымъ на ученую Амурскую экспедицію, почти все израсходованы. Между прочимъ Отдѣлъ,

имѣя въ виду отправленіе на р. Амуръ Членомъ-Соревнователемъ Кузнецовымъ, для торговыхъ дѣлъ, своего коммиссіонера, обратился къ первому съ своею просьбою, не найдетъ ли онъ возможнымъ взять на свою баржу г. Юринскаго, для доставленія его въ Маринскій портъ; обратный же путь Отдѣлъ принимаетъ на себя. Г. Кузнецевъ отвѣчалъ на это, что онъ предложеніе Сибирскаго Отдѣла принимаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ и готовъ доставить г. Юринскаго на своемъ продовольствіи до означеннаго пункта. О согласіи г. Кузнецова тотчасъ же былъ увѣдомленъ г. Юринскій, вмѣстѣ съ симъ къ нему послана инструкция, на что именно онъ долженъ обратить свое вниманіе во время путешествія; ему также были отправлены особый видъ и письмо къ г. губернатору при-Амурскаго края, объ оказаніи пособія г. Члену-Сотруднику Юринскому. Получивъ всѣ посланныя къ нему бумаги, г. Юринскій увѣдомилъ Отдѣлъ, что онъ съ первымъ военнымъ рейсомъ отправляется на баржѣ г. Кузнецова и что съ своей стороны приметъ всѣ мѣры къ исполненію тѣхъ обязанностей, которыя изложены въ данной ему инструкціи.

Россійское Общество Любителей Садоводства обратилось къ Завѣдывающему Отдѣломъ съ просьбою, какъ о принятіи участія въ ихъ общепольномъ дѣлѣ, такъ равно и о присылкѣ растений и сѣмянъ Восточной Сибири. Определено: принять зависящія отъ Отдѣла мѣры къ сообщенію всего, что будетъ касаться до предмета садоводства, вмѣстѣ съ симъ передать г. Члену-Сотруднику Мааку, чтобы онъ по опредѣленіи растений, собранныхъ во время Вилюйской и Амурской экспедицій, отобразъ для Общества сѣмена красивыхъ и полезныхъ растений той и другой мѣстности.

Членъ-Сотрудникъ князь Костровъ обратился къ Отдѣлу съ просьбою о присылкѣ ему необходимыхъ свѣдѣній, относительно возложеннаго на него порученія, о составленіи этнографической карты Минусинскаго округа. Определено: отослать къ князю Кострову, для руководства карту академика Кеппена вмѣстѣ съ наставленіемъ по этому предмету.

Полученъ отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы десятый томъ Nouveaux Mémoires, изданный ко дню юбилея. Определено: благодарить Общество за присылку книги.

Получено отношеніе верхнеудинскаго земскаго исправника Беклемишева, въ которомъ онъ приноситъ свою благодарность за присылку Отдѣломъ огородныхъ сѣмянъ, назначенныхъ для пяти станцій, устроенныхъ вновь на Хоринской степи, по тракту къ Читѣ.

Получено письмо отъ коллежскаго ассесора Федора Желѣзникова, въ которомъ онъ благодаритъ Отдѣлъ за присылку къ нему хлѣбныхъ и огородныхъ сѣмянъ, посланныхъ для посѣвовъ на его опытномъ хуторѣ.

Членъ-Сотрудникъ Пейзынъ препроводилъ въ Отдѣлъ модели земледѣльческихъ орудій — сохи, сабана и бороны, употребляемыхъ крестьянами Минусинскаго округа и вмѣстѣ съ симъ земледѣльческую карту этой мѣстности, для приложенія къ сельско-хозяйственному описанію г. Пейзына. Определено: благодарить г. Члена-Сотрудника Пейзына за карту и модели и сдать послѣднія въ Музеумъ Отдѣла.

Доложено объ отношеніи Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ которомъ онъ благодаритъ Отдѣлъ за доставленіе четырехъ рукописей: 1) звѣриная промышленность Удскаго края; 2) пещера и древнія писмена на берегахъ р. Мангута Члена-Сотрудника Юринскаго; 3) городъ Минусинскъ, Члена-Сотрудника князя Кострова и 4) народныя примѣты крестьянъ Минусинскаго округа, его же.

Канекій 1-й гильдіи купецъ Преинъ увѣдомилъ о полученіи имъ для его опытнаго хутора образцовыхъ хлѣбныхъ сѣмянъ, посланныхъ къ нему Отдѣломъ для посѣва и что онъ съ своей стороны увѣдомитъ о результатахъ этого опыта.

Иркутскій земскій исправникъ извѣстилъ Отдѣлъ о томъ, что присланныя къ нему Отдѣломъ образцовыя хлѣбныя сѣмена онъ разослалъ по волостямъ и въ свое время увѣдомитъ о послѣдствіяхъ посѣва.

За симъ Завѣдывающій Отдѣломъ доложилъ присутствующимъ о статьяхъ, отправленныхъ въ Общество въ теченіи протекшаго мѣсяца.

Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла, 21 мая 1856 года.

Въ торжественный день Тезоименитства Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Государя, Великаго Князя Константина Николаевича, происходило Общее засѣданіе, въ коемъ подъ предсѣдательствомъ К. К. Венцеля присутствовали шесть Дѣйствительныхъ Членовъ, двадцать пять Членовъ-Сотрудниковъ и два Члена-Соревнователя. Кромѣ сихъ лицъ, собраніе это изволилъ посѣтить высокопреосвященный Аѳанасій, архіепископъ иркутскій и нерчинскій и многіе изъ гражданъ г. Иркутска.

Г. Предсѣдательствующій открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью: «Милостивые государи, позвольте мнѣ прежде всего поздравить васъ съ высокаторжественнымъ днемъ Тезоименитства нашего Августѣйшаго Предсѣдателя, Великаго Князя Константина Николаевича. Этотъ день Сибирскій Отдѣлъ избралъ для себя и днемъ своего праздника и временемъ, въ которое мы отдаемъ отчетъ нашъ Императорскому Русскому Географическому Обществу. Прошедшій годъ представляетъ намъ самыя утѣшительныя послѣдствія; въ этотъ періодъ времени, мы имѣли возможность и средства осуществить двѣ многозначительныя экспедиціи, окончившіяся совершенно благополучно и принесшія намъ обильныя матеріалы для познанія двухъ обширныхъ странъ— каковы долина Вилюй и бассейнъ р. Амура. Въ успѣшности этихъ первыхъ важныхъ предска и пріятій, мы обязаны нашему Покровителю Николаю Николаевичу Муравьеву, вполне сочувствующему всему, что клонится къ благосостоянію Восточной Сибири. Мы должны также быть признательны нашему Члену-Соревнователю Соловьеву, давшему намъ денежные средства для снаряженія двухъ экспедицій. Мнѣ пріятно передать вамъ мм. гг., что Общество выразило намъ свою признательность за труды Отдѣла на поприщѣ отечественнаго землевѣдѣнія. Настоящій отчетъ покажетъ вамъ положеніе личнаго состава, способы и успѣхи ученой дѣятельности Сибирскаго Отдѣла въ теченіи прошлаго года.»

За симъ Завѣдывающій Отдѣломъ прочелъ протоколъ послѣдняго засѣданія, бывшаго 15 мая, инструкцію, данную Члену-Сотруднику Маату, командированному Сибирскимъ Отдѣломъ въ С.-Петербургъ для изданія географическихъ матеріаловъ Вилюйской и Амурской экспедицій и отчетъ о дѣйствіяхъ Сибирскаго Отдѣла за 1855 годъ.

Послѣ сего, предложены были къ балотированію въ Члены-Сотрудники Сибирскаго Отдѣла инспекторъ Иркутской Врачебной Управы Кинасть и чиновникъ Якутскаго Областнаго Управленія Павловскій.

По окончаніи засѣданія гг. присутствующіе разсматривали картографическіе матеріалы, художественныя типы природы Восточной Сибири и различныя естественныя предметы, находящіеся въ Музеумѣ Сибирскаго Отдѣла.

Общее засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 25 Октября 1856 года.

Подъ предѣдательствомъ К. К. Венцеля присутствовали: четыре Дѣйствительныхъ Члена, двадцать Членовъ-Сотрудниковъ и нѣсколько постороннихъ лицъ.

Завѣдывающій Отдѣломъ докладывалъ о бумагахъ и дѣлахъ, поступившихъ въ Отдѣлъ въ теченіи каникулярнаго времени.

Доложено объ увѣдомленіи отъ Почетнаго Гражданина П. И. Кузнецова, въ коемъ онъ извѣщаетъ о полученіи имъ диплома на званіе Члена-Соревнователя, за подписаніемъ Предѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Государя Великаго Князя Константина Николаевича. Вмѣстѣ съ симъ Г. Кузнецовъ препроводилъ 300 р. сер., слѣдующіе съ него, согласно § 34 Устава Общества. Вслѣдствіе резолюціи Г. Предѣдательствующаго, деньги 300 р. сер. отосланы на храненіе къ экзекутору Главнаго Управленія Восточной Сибири.

Получено письмо отъ Дѣйствительнаго Члена Общества, П. С. Савельева, въ которомъ онъ благодаритъ Сибирскій Отдѣлъ за доставленныя ему свѣдѣнія о покойномъ Дорджи-Банзаровѣ, относительно занятій его во время пребыванія въ Восточной Сибири. Г. Савельевъ также увѣдомляетъ, что Археологическое Общество поручило ему войти въ сношеніе съ Отдѣломъ для розысканій по части древностей, вслѣдствіе чего и посылаются для бібліотеки Отдѣла I и II томы записокъ Восточнаго Отдѣленія и для руководства 10 экземпляровъ записокъ для обозрѣнія русскихъ древностей. Определено: особенно благодарить Г. Савельева за присылку книгъ и нынѣ же увѣдомить Археологическое Общество, что Отдѣлъ приметъ мѣры къ сообщенію всего, что будетъ относиться до древностей нашего края; по этому предмету будутъ препровождаться въ Общество рисунки съ найденныхъ древнихъ вещей и различныя археологическія свѣдѣнія гг. Членовъ Сибирскаго Отдѣла.

Доложено о полученіи отъ Г. Члена-Сотрудника Кашина: Описаніе эндемическихъ и другихъ господствующихъ по рѣчкѣ Урову болѣзней. Описаніе это сдѣлано вслѣдствіе особеннаго предложенія Сибирскаго Отдѣла, по поводу статьи Г. Дѣйствительнаго Члена В. В. Дерикера: о составленіи русскаго сборника народоврачебныхъ средствъ для Географіи болѣзней въ Россіи. Кромѣ вопроса о мѣстныхъ болѣзняхъ, статья Г. Кашина заключаетъ въ себѣ

много интересныхъ этнографическихъ данныхъ о юго-восточной части Даурии и ея жителей. По назначенію Г. Предсѣдательствующаго, статья эта была передана на разсмотрѣніе Г. Члену-Сотруднику Кинасту, который далъ объ ней слѣдующій отзывъ: «Сочиненіе Г. Кашина представляетъ большой интересъ и совершенно соотвѣтствуетъ требованіямъ современной науки. Въ медицинскомъ отношеніи, статья эта замѣчательна по изложенію мѣстныхъ условій, господствующихъ тамъ болѣзней и исчисленіемъ простонародныхъ средствъ къ излеченію оныхъ, сверхъ сего она заключаетъ въ себѣ много интересныхъ этнографическихъ данныхъ. Вообще трудъ Г. Кашина исполненъ очень добросовѣстно; въ особенности заслуживаютъ вниманія: описаніе зоба и мѣстной нервной болѣзни по р. Урову и я долгомъ почитаю выразитъ мнѣніе мое, что Г. Кашинъ вполне заслуживаетъ признательность Отдѣла.

Получены для библіотеки Отдѣла, присланныя отъ Общества пять экземпляровъ № 1 книжки Вѣстника за 1856 г.

Доложено объ увѣдомленіи Общества, въ которомъ извѣщается Отдѣлъ: что Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ донесъ Августѣйшему Предсѣдателю Общества, что, по волѣ Его Императорскаго Высочества, онъ входилъ съ представленіемъ въ Сибирскій Комитетъ, о награжденіи Члена-Соревнователя Потомственного Почетнаго Гражданина 1 гильдіи купца Соловьева орденомъ Св. Анны 3-й степени, за пожертвованіе имъ въ пользу Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества полпуда золота на издержки по снаряженію ученой экспедиціи, для изслѣдованія лѣваго прибрежья Амура. Комитетъ, отдавая справедливость похвальному стремленію Соловьева содѣйствовать денежными способами развитію ученыхъ изслѣдованій на общую пользу, находилъ однакоже, что награжденіе его за это орденомъ превышало бы самую заслугу, почему и положилъ назначить ему золотую медаль съ надписью «за усердіе» для ношенія на шеѣ на Андреевской лентѣ, каковое положеніе Сибирскаго Комитета Государь Императоръ изволилъ утвердить въ 7 день Апрѣля. Определено: послать засвидѣствованную копію съ отношенія Общества Г. Члену-Соревнователю Соловьеву.

Должно объ отношеніи Члена-Сотрудника Пейзына, при которомъ онъ представилъ въ Отдѣлъ статью: Степныя прибрежья рѣки Кана, съ земледѣльческою картою. Согласно резолюціи Г. Предсѣдательствующаго, статья эта передана на разсмотрѣніе Дѣйствительному Члену Сельскому.

Доложено объ отношеніи Члена-Сотрудника Маака, въ коемъ извѣщается Отдѣлъ, что онъ прибылъ въ г. Красноярскъ благополучно 31 Мая. Медленное десятидневное слѣдованіе его изъ Иркутска произошло отъ затруднительныхъ переправъ чрезъ рѣки Уду и Енисей, и кромѣ того, на этомъ пути, отъ дурной дороги, нѣсколько разъ починивались транспортныя телеги. На первомъ проиженномъ пространствѣ Г. Маакъ занимался, по возможности, собираніемъ энтомологическихъ предметовъ и веденіемъ краткаго журнала.

Членъ-Сотрудникъ Юринскій просилъ Сибирскій Отдѣлъ объ изысканіи средствъ къ отправленію его на р. Амуръ, для собранія различныхъ свѣдѣній о новомъ краѣ. Имѣя въ виду только что совершенныя изслѣдованія прибрежьевъ р. Амура, сдѣланныя амурскою экспедиціею, Сибирскій Отдѣлъ, хотя и принялъ предложеніе Г. Юринскаго, но съ условіемъ, что если онъ желаетъ быть полезнымъ для Отдѣла, то занялся бы собираніемъ свѣдѣній статистическо-торговыхъ. Для чего Отдѣлъ обратился съ покорнѣйшею просьбою къ своему Члену-Соревнователю Кузнецову, имѣющему торговля дѣла на устьѣ р. Амура и просилъ его, взять Г. Юринскаго на одну изъ своихъ баржей. Г. Кузнецовъ вполне согласился исполнить просьбу Отдѣла и въ тоже время увѣдомилъ объ этомъ главнаго своего комиссіонера Веретенникова. При отправленіи Г. Юринскаго въ этотъ путь, ему даны были двѣ инструкціи, составленныя Дѣйствительнымъ Членомъ Сельскимъ и Членомъ-Сотрудникомъ Маакомъ. 21 Мая, за нѣсколько дней до водянаго рейса, Коммиссіонеръ Веретенниковъ увѣдомилъ Отдѣлъ, что согласно назначенію Г. Почетнаго Гражданина Кузнецова, онъ принялъ Г. Юринскаго на одну изъ своихъ баржей и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился поставить лишняго человѣка и приготовить легкую лодку, для высадка во всякое время Г. Юринскаго на берегъ тамъ, гдѣ онъ найдетъ для себя нужнымъ.

Доложено объ отношеніи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, при которомъ препровождена въ Сибирскій Отдѣлъ Всемилоостивѣйше пожалованная, служащему при Отдѣлѣ Препаранту Фурману, за услуги его по Вилюнской экспедиціи, серебряная медаль для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ съ надписью «за усердіе», для врученія оной по принадлежности Г. Фурману. Определено: въ дѣствіе отправленія Г. Фурмана съ Членомъ-Сотрудникомъ Маакомъ въ С. Петербургъ, отослать медаль обратно въ Общество и покорнѣйше просить Г. Секретаря Ламанскаго передать оную Г. Фурману.

Доложено о полученіи 100 экземпляровъ отчета Общества за 1855 годъ. Определено: разослать книжки Г. Членамъ Сибирскаго Отдѣла.

Получено отношеніе Г. Члена-Сотрудника Кларка, въ которомъ между прочимъ деведено до свѣдѣнія Отдѣла, что онъ, слѣдуя къ вершинѣ р. Витима по дѣлу о смерти Подпоручика Корпуса Межевыхъ Инженеровъ Смиргина, 9 Іюля остановился въ селеніи Укырѣ, гдѣ, во время пребыванія его на станціи, воспослѣдовали два довольно сильные, порывистые удары землетрясенія, слѣдовавшіе тотчасъ одинъ за другимъ. Сотрасеніе земли произошло отъ юго-запада на сѣверовостокъ.

Членъ-Сотрудникъ Маакъ увѣдомилъ Отдѣлъ о дальнѣйшемъ слѣдованіи своемъ изъ Красноярска. 10 Іюня онъ прибылъ въ Томскъ, куда опоздалъ за худыми дорогами къ отходу парохода втораго рейса. Дальнѣйшій свой путь онъ не рѣшился продолжать на почтовыхъ, потому что ящики съ естественными коллекціями, несмотря на хорошую укупорку, снаружи потерпѣли. Г. Маакъ будетъ ожидать парохода третьяго рейса и отправится изъ Томска 5 Іюля. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, онъ въ особенности займется геосностическимъ осмотромъ тамошней мѣстности на 20-ти верстномъ радіусѣ и вмѣстѣ съ симъ не упущены будутъ изъ виду и другія отрасли естественной исторіи. Транспортъ съ вещами, по распоряженію г. Томскаго Губернатора, до отъѣзда г. Маака, былъ сложенъ въ цейхаузъ линейнаго баталіона.

Императорское Московское Общество Испытателей Природы, въ слѣдствіе особенной просьбы Сибирскаго Отдѣла, прислало три тома *Florea Baicalensi-Dahurica* Г. Турчанинова. Вмѣстѣ съ симъ Общество увѣдомляетъ, что въ настоящее время оно не имѣетъ оттисковъ, требуемыхъ Отдѣломъ брошюръ: *Enumeratio plantarum* Турчанинова, Карелина и Кирилова. Определено благодарить Общество за присылку вышепомянутаго сочиненія.

Присланъ Императорскимъ Обществомъ Испытателей природы изданный *le Bulletin* № 1, 1856 г. Определено: благодарить Общество за присылку и въ замѣнъ посылать въ оное Записки Сибирскаго Отдѣла.

Императорское С. Петербургское Минералогичес.се Общество благодарить Сибирскій Отдѣлъ чрезъ своего Директора, за присылку горныхъ породъ графитнаго пріиска Г. Алибера. При этомъ оно сообщило общій обзоръ этимъ породамъ и обратилось съ новою просьбою, что для Общества желательно бы было получить слѣ-

дующія данныя и породы: 1) господствующую породу цѣлаго кряжа той мѣстности; 2) минералы въ ней; 3) породы и минералы, сопровождающіе непосредственно графитъ; 4) образцы зеленого камня, почти жирнаго блеска и по видимому новаго минерала, вкрапленнаго большими партіями въ полевомагнитъ сѣраго цвѣта, для сего потребны бы были кристаллы его или по крайней мѣрѣ куски съ явною спайностью и 5) графитъ въ разныхъ видахъ, особенно же шестисторонними чешуйками или таблицами. Кромѣ сего, Г. Директоръ Куторга увѣдомляетъ, что Селенгинская умбра анализируется теперь очень тщательно и анализъ остановился по случаю вакаціи. Оказывается, что краска въ ней есть Ульманъ и Гусманъ, вещество, образующееся при разложеніяхъ растеній, на примѣръ въ турфяникахъ. При этомъ онъ прибавляетъ, что для точнѣйшаго изслѣдованія мѣстности умбры нужно сдѣлать геогностическіе разрѣзы. Относительно же присылки этой краски на продажу, то лучше доставлять оную отмученную и очищенную; процессъ этого производства сообщенъ будетъ послѣ вакаціи. При отношеніи своемъ Общество приложило также копію съ протокола своего засѣданія, бывшаго 22 Января сего года, въ которомъ представляется подробный анализъ графита, представленнаго въ Общество Г. Алиберомъ. Определено: благодарить Общество за его вниманіе, къ Отдѣлу и увѣдомить нынѣ же оное, что Отдѣлъ приметъ все мѣры къ исполненію его просьбы и постепенно будетъ посылать требуемыя горнокаменные породы.

Членъ-Сотрудникъ Юринскій увѣдомилъ Отдѣлъ, что баржа, на которую онъ принятъ комиссіонеромъ Г. Кузнецова, Веретенниковымъ, отплыветъ 25 Мая изъ станицы Банкиной къ устью р. Амура и что онъ, согласно инструкціямъ, присланнымъ ему отъ Сибирскаго Отдѣла, приметъ все мѣры къ собранію статистическо-торговыхъ свѣдѣній.

Членъ-Сотрудникъ Герстфельдъ, бывшій въ ученой Амурской экспедиціи и занимавшійся кромѣ другихъ предметовъ собраніемъ этнографическихъ свѣдѣній объ инородцахъ, населяющихъ побережья р. Амура, прислалъ изъ Пернова въ Сибирскій отдѣлъ статью свою: Ueber die Anwohner des Amur Stromes и приложилъ къ оной 10 листовъ, заключающихъ въ себѣ 143 рисунка предметовъ религіозныхъ, жилищъ, одеждъ, утвари и различныхъ принадлежностей хозяйственнаго быта и промышленности. Г. Предсѣдательствующій К. К. Венцель извоилъ поручить Завѣдывающему Отдѣломъ, что такъ какъ Г. Членъ-Сотрудникъ Маакъ посланъ въ Петербургъ собственно для приведенія въ порядокъ и напечатанія свѣдѣній

по Вилюйской и Амурской экспедиціямъ и что кромѣ того, Г. Маакъ самъ также занимался собраніемъ этнографическихъ матеріаловъ, то въ настоящее время распорядиться снять копію съ статьи Г. Герстфельда и послать оную въ С. Петербургъ къ Г. Мааку для его соображеній.

Доложено объ отношеніи 5 Отдѣленія Главнаго Управленія Восточной Сибири, въ которомъ просятъ сообщить оному отчетъ Сибирскаго Отдѣла за 1855 годъ, для включенія во всеподданнѣйшій отчетъ за этотъ же годъ. Согласно назначенію Г. Предѣдательствующаго, требуемыя свѣдѣнія были препровождены въ 5 Отдѣленіе.

Получено отношеніе Чиновника Петрова, живущаго въ Киренскѣ, при которомъ присланъ отзывъ его на замѣчанія Г. Члена-Сотрудника Сементовскаго, касательно метеорологическихъ наблюденій, веденныхъ Г. Петровымъ въ 1852 году. Определено: сообщить отзывъ Г. Петрова Г. Сементовскому въ подлинникѣ и просить сего послѣдняго о возвращеніи онаго обратно въ Отдѣлъ.

Получены отъ Общества для библіотеки Отдѣла пять экземпляровъ № 2 «Вѣстника» на 1856 годъ.

Доложено было объ отношеніи Г. Помощника Предѣдателя Общества, въ которомъ извѣщается Отдѣлъ, что Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества поручилъ ему изъяснить признательность Отдѣлу за доставленіе четырехъ рукописей: 1) Характеръ золотоносности Нерчинскаго округа Члена-Сотрудника Аносова; 2) О древнихъ памятникахъ и могильныхъ остаткахъ аборигеновъ Забайкальскаго края; Члена-Сотрудника Давыдова; 3) Отзывъ Г. Верилова о статьѣ Члена-Сотрудника Аносова, «Характеръ золотоносности Нерчинскаго округа» и 4) Отзывъ о геогностической коллекціи, собранной Г. Маакомъ, его же.

Доложено объ отзывѣ Г. Члена-Сотрудника Кнзя Кострова, относительно предложенія Сибирскаго Отдѣла, о снаряженіи ученой экспедиціи для обозрѣнія Минусинскаго края. Определено: благодарить Кн. Кострова за трудъ его и прочесть отзывъ его въ настоящее засѣданіе.

Доложено о письмѣ Г. Начальника Анскаго порта Фуругельма, въ которомъ онъ благодаритъ Сибирскій Отдѣлъ за присылку хлѣбныхъ и огородныхъ сѣмянъ, посланныхъ для производства опытовъ посѣва въ Охотекомъ краѣ, при чемъ Г. Фуругельмъ обѣщаль увѣдомить Отдѣлъ въ послѣдствіи о результатахъ урожая и, основываясь на этихъ опытахъ, также сказать: можно ли будетъ водворить хлѣбопашество въ Охотекомъ краѣ.

Получены отъ Общества для библіотеки Отдѣла 5 экземпляровъ № 3 «Вѣстника» на 1856 годъ.

Доложено объ отношеніи Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, въ коемъ просить Отдѣлъ въ особенности о доставленіи спому горныхъ породъ и окаменѣлостей Восточной Сибири. Определено: принять мѣры къ посылкѣ горнокаменныхъ породъ и другихъ естественныхъ произведеній, но вмѣстѣ съ симъ увѣдомить Общество, что Отдѣлъ будетъ иногда обращаться съ просьбою объ изслѣдованіи такихъ предметовъ, которыхъ научное опредѣленіе и анализъ затруднительны по недостатку въ Отдѣлѣ литературныхъ и другихъ ученыхъ пособій.

Членъ Сотрудникъ Кашинъ прислалъ въ Отдѣлъ статью свою: «Эпидемическія болѣзни при-Аргунскаго края». Статья эта была препровождена на разсмотрѣніе Члена-Сотрудника Кинаста, который далъ объ ней такое мнѣніе: «сочиненіе Г. Кашина относится прямо къ практической медицинѣ, однакожь краткая выписка изъ оной можетъ быть полезна для отдѣла въ томъ отношеніи, что въ статьѣ Г. Кашина находятся свѣдѣнія о нѣкоторыхъ простонародныхъ лечебныхъ средствахъ жителей при-Аргунскаго края и между прочимъ упоминаются, какія именно растенія входятъ въ составъ леченія». Въ этомъ же описаніи помѣщено свѣдѣніе, что скарлатина появилась въ первый разъ въ тамошнемъ краѣ въ 1853 году. Определено: благодарить Г. Кашина за полезный трудъ его.

Доложено объ увѣдомленіи чиновника Петрова, присланномъ изъ Киренска, въ которомъ онъ пишетъ, что 31 Августа въ 4¼ часа тамъ было чувствуемо сильное землетресеніе, описаніе котораго онъ представляетъ на благоразсмотрѣніе Отдѣла. Статья Г. Петрова была передана на просмотръ Начальнику физической экспедиціи Шварцу, который между прочимъ сдѣлалъ такое заключеніе: такъ какъ явленіе землетрясенія въ Киренскомъ округѣ намъ прежде сего не было извѣстно, то интересно разузнать именно въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ удары были чувствуемы сильнѣе противъ другихъ мѣстъ, не произошло ли тамъ значительнаго горнаго обвала, который можетъ быть былъ причиною такого сильнаго сотрясенія воздуха.

Членъ Сотрудникъ Кандидатъ Маакъ увѣдомилъ Сибирскій Отдѣлъ, что онъ 3 Сентября благополучно прибылъ въ С. Петербургъ. Вещи двухъ экспедицій онъ передалъ въ Общество, гдѣ и останутся онѣ до возвращенія его изъ отпуска.

Членъ Сотрудникъ Версиловъ доставилъ въ Отдѣлъ статью свою: «О нахожденіи самородной мѣди и свинцоваго блеска въ золотыхъ

розсыпяхъ. Определено: по разсмотрѣннн статьи, отослать оную для напечатанія въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Членъ-Сотрудникъ Гауптъ представилъ въ Отдѣлъ: Замятки на пути изъ Кяхты въ Ургу въ 1850 году. Статья эта была на разсмотрѣннн Дѣйствительнаго Члена Архимандрита Аввакума и за симъ, согласно опредѣленія Г. Предсѣдательствующаго, отослана въ Общество для помѣщенія въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

Г. Начальникъ Физической экспедиціи Шварцъ представилъ мнѣніе свое о разсмотрѣнннхъ имъ журналахъ метеорологическихъ наблюденій, веденныхъ въ Селенгинскѣ Членомъ-Сотрудникомъ Кельбергомъ. Определено: препроводить замѣчанія Г. Шварца въ Общество и вмѣстѣ помѣстить ихъ въ Запискахъ Сибирскаго Отдѣла.

За симъ Завѣдывающій Отдѣломъ доложилъ о слѣдующихъ предпріятіяхъ Сибирскаго Отдѣла, сдѣланныхъ во время вакаціоннаго времени.

По данной Отдѣломъ инструкціи, Членъ-Сотрудникъ Пермикинъ собралъ въ Тункинскомъ краѣ, на границѣ китайской, весьма интересныя свѣдѣнія о заграничныхъ племенахъ Урянховъ и Дархатовъ; первые обитаютъ въ окрестностяхъ озера Косокола; другіе въ верховьяхъ истоковъ рѣки Енисея. Вмѣстѣ съ этнографическими свѣдѣніями Г. Пермикинъ собралъ много данныхъ о топографіи мѣстностей долины оз. Косокола и верхнихъ источниковъ Енисея. Свѣдѣнія эти онъ приводитъ въ порядокъ и къ слѣдующему засѣданію представить на разсмотрѣніе Сибирскаго Отдѣла.

Членъ-Сотрудникъ Юринскій, какъ выше было упомянуто, отправленъ Отдѣломъ къ устью р. Амура, для собранія торгово-статистическихъ свѣдѣній и вмѣстѣ съ симъ ему было поручено о пріобрѣтеніи тѣхъ естественныхъ предметовъ, которые найдены Г. Мааномъ въ особенннсти необходимыми.

Членъ-Сотрудникъ Давыдовъ продолжалъ заниматься собраніемъ различныхъ древнихъ вещей и вскрытіемъ могилъ аборигеновъ Забайкальскаго края. Нынѣшнее лѣто онъ посвятилъ на осмотръ Баргузинскаго оу стени. Отчетъ о его дѣйствіяхъ еще не полученъ Сибирскимъ Отдѣломъ.

Членъ-Сотрудникъ Аносовъ, въ связи съ осмотромъ мѣстоорожденій золота въ югозападной части Нерчинскаго Округа, по просьбѣ Отдѣла, сдѣлалъ также геогностическое описаніе пройденной имъ мѣстности. Онъ составилъ особую геогностическую карту и представилъ въ Отдѣлъ замѣтки свои, сдѣланныя имъ во время его изслѣдованій.

Сибирскій Отдѣлъ нынѣшнимъ лѣтомъ посылалъ своего художника Смирнова на двѣ недѣли въ Нижнеудинскій округъ и поручилъ ему снять три замѣчательныхъ типа тамошней природы: Уковскій водопадъ, горный корридоръ р. Ука и одну изъ мѣстностей нижнеудинской тайги. Г. Смирновъ добросовѣстно окончилъ возложенный на него трудъ и представилъ въ Отдѣлъ снятыя имъ рисунки.

Въ теченіи ваканціоннаго времени Сибирскій Отдѣлъ посѣтили слѣдующія лица, проѣзжавшіе черезъ Иркутскъ: Дѣйствительный Членъ Общества Посетъ, отправленный Правительствомъ по дѣламъ въ Японію; онъ въ особенности осматривалъ картографическіе матеріалы Сибирскаго Отдѣла и дѣлалъ извлеченія изъ брѹльоновъ Г. Зандхагена, картъ теченія рѣки Амура. Онъ также осматривалъ сочиненія и карты Зибольда и Тунберга объ Японіи и взялъ изъ Отдѣла для своихъ соображеній карту Восточной Сибири, составленную при здѣшнемъ Штабѣ. Г. Посетъ съ своей стороны обѣщалъ сообщать въ Отдѣлъ различныя свѣдѣнія, которыя онъ будетъ собирать во время своего путешествія.—Дѣйствительный Членъ Невельской, во время проѣзда черезъ Иркутскъ съ устья р. Амура, былъ въ Сибирскомъ Отдѣлѣ и разсматривалъ также карты теченій р. Амура: Зандхагена и Зибольда. По знанію своему при-Амурской мѣстности онъ передалъ много замѣчаній какъ о самомъ Амурѣ, такъ и о главнѣйшихъ его притокахъ и побочныхъ системахъ озеръ, равно показалъ направленіе главныхъ крижей и сообщилъ интересныя свѣдѣнія о племенахъ тамошнихъ туземцевъ и ихъ житейскомъ и нравственномъ бытѣ. Сибирскій Отдѣлъ, обязанный этими свѣдѣніями Г. Невельскому, за необходимое почелъ увѣдомить Члена-Сотрудника Маака, находящагося въ Петербургѣ, что Г. Невельской можетъ быть очень полезенъ при разработкѣ Г. Маакомъ ученыхъ матеріаловъ Амурской экспедиціи.

Сибирскій Отдѣлъ также много обязанъ вниманію Члена-Сотрудника Дитмара, извѣстнаго своими учеными изысканіями на Камчатскомъ полуостровѣ въ теченіи пятилѣтняго періода пребыванія его въ тамошней мѣстности. Г. Дитмаръ подробно осмотрѣлъ естественныя коллекціи Музеума Сибирскаго Отдѣла и картографическіе матеріалы. Въ настоящее время, оставляя Иркутскъ, онъ обѣщалъ въ послѣдствіи постепенно сообщать различныя свѣдѣнія, касающіяся до геологій и этнографій Камчатскаго и при-Амурскаго краевъ. Сибирскій Отдѣлъ уже получилъ брошюру Г. Дитмара: опи-

саніе Корякского племени и этнографическую карту Камчатки, напечатанныя Императорскою Академіею Наукъ.

По окончаніи доклада Г. Завѣдывающаго Отдѣломъ, Сельскаго, были читаны слѣдующія статьи:

- 1) Замѣчанія Г. Начальника Физической экспедиціи Шварца на метеорологическія наблюденія Г. Члена-Сотрудника Кельберга.
- 2) Мнѣніе Г. Члена-Сотрудника Князя Кострова, о снаряженіи ученой Экспедиціи въ Минусинскій край.
- 3) Описаніе землетрясенія въ Киренскомъ округѣ, Г. Петрова.
- 4) Двѣ Главы изъ поѣздки въ Ургу, Члена-Сотрудника Гаупта и
- 5) Письмо Натуралиста Раде къ Начальнику Физической экспедиціи Шварцу.

4117 (4)

